

Патриция Мэблос

Навстречу
счастью

Патриция Мэтьюз

Навстречу счастью

OCR Roland

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158492

Навстречу счастью: АСТ; Москва; 1999

ISBN 5-237-01537-9

Аннотация

Очаровательная Джемайна Бенедикт, отвергнув многочисленные возможности сделать блестящую партию, отправляется в Филадельфию, чтобы работать там в крупном журнале для дам, и встречает знаменитого журналиста Оуэна Тэзди. Джемайна твердо намерена не связывать себя тягостными семейными узами, Оуэн превыше всего ставит свою свободу и независимость. Однако никакие доводы рассудка, никакой здравый смысл не в силах переломить их пламенной, иступленной тяги друг к другу...

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	43
Глава 4	62
Глава 5	87
Глава 6	106
Глава 7	127
Глава 8	147
Глава 9	162
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	188
Глава 10	188
Глава 11	205
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	220
Глава 12	220
Глава 13	237
Глава 14	254
Глава 15	281
Глава 16	305
Глава 17	324
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	346
Глава 18	346

Глава 19	361
Глава 20	388
Глава 21	403
Глава 22	423
Эпилог	444

Патриция Мэтьюз

Навстречу счастью

Пролог

Наша постоянная цель – правильно ориентировать читательниц при выборе литературы. Мы не осуждаем чтение романов и не считаем его бесполезной тратой времени, если эти романы, конечно, не слишком низкопробные. Мы убеждены, что это «развлечение» следует выбирать в соответствии со вкусами и руководствуясь разумными принципами, которые главным образом и управляют всеми нашими поступками.

Журнал «Гоудиз ледиз бук»

В подвале дома на Хестер-стрит было чрезвычайно душно из-за нестерпимой жары на улице. Раскаленная решетка, на которой стояли горячие утюги, делала атмосферу в помещении еще более невыносимой.

Хотя воздух был неподвижен, крошечные частички ниток от недавно разрезанной ткани плавали по комнате, проникая во все щели. Невидимые пылинки забивали ноздри. Некоторые женщины говорили, что привыкли к таким условиям, но Джемейна Бенедикт, проработавшая в мастерской по поши-

ву мужских рубашек уже целую неделю, была убеждена: к этому привыкнуть невозможно. Она понимала, что никогда не смогла бы приспособиться и к тому, чтобы долгие часы, склонившись над рабочим столом, орудовать иглой с ниткой, пока не воспалятся глаза, а пальцы не покроются болячками. Даже ночью в крохотной комнатенке в обшарпанном многоквартирном доме девушка с закрытыми глазами продолжала видеть мелькающие блестящие иголки.

Закончив шитье рубашки, Джемейна распрямилась, вытерла пот со лба и оглядела огромное мрачное помещение. Делать это приходилось украдкой – в швейной мастерской, принадлежавшей Лестеру Гилрою, не разрешалось отрываться от работы.

На полу лежали тюки с тканью, которая вскоре должна превратиться в мужские рубашки. Узкие окна в подвале были грязные и пропускали мало света. Они никогда не открывались.

В мастерской Гилроя существовала сдельная оплата труда. Швеи получали двадцать пять центов за рубашку, но даже самые лучшие работницы могли сшить всего дюжину за неделю. Детям, подносившим ткань и уносившим готовые изделия, платили еще меньше.

Ист-Сайд Нью-Йорка буквально изобиловал подобными мастерскими, производившими различные виды одежды. Один только Гилрой имел полдюжины таких предприятий на Хестер-стрит. Джемейна знала, что в некоторых мастер-

ских платят больше, но здесь отчаявшиеся женщины готовы работать даже за низкую плату и в жутких условиях. Хозяин часто говорил, что каждая швея, если захочет, может в любое время оставить работу – десятки других с нетерпением ждут освободившееся место.

Джемайна была незнакома с условиями труда в других швейных мастерских, но сомневалась, что они лучше, чем здесь. Лестер Гилрой нанимал жестоких надсмотрщиков, брал на работу детей и малоопытных женщин. Условия у него были ужасные. Женщины тайком ворчали и жаловались Джемайне, но только вне мастерской, опасаясь, что их могут подслушать и доложить хозяину.

Лестер Гилрой получил славу самого жестокого эксплуататора женщин.

– Ида!

Джемайна не сразу откликнулась на зов, совсем позабыв, что, устраиваясь на работу в мастерскую Гилроя, назвалась Идой Морган.

– Ида! Тебе лучше вернуться к работе. Громила идет.

Это сказала Мэй Картер, швея, сидящая за соседним столом. Громилой называли Берта Конроя, надсмотрщика, получавшего удовольствие оттого, что ловил *бездельниц*, которых строго наказывал или даже увольнял, если считал нарушение достаточно серьезным.

Джемайна поспешно вернулась к работе.

В то время как она склонилась над своим шитьем, раздал-

ся резкий окрик:

– Эй, ты! Я хочу поговорить с тобой. Девушка обернулась и увидела Лестера Гилроя и Берта Конроя, быстро приближающихся к ней. Гилрой остановился у ее рабочего стола со свирепым выражением лица.

– Я наконец вспомнил, где видел тебя раньше. Тебя зовут не Ида Морган, а Джемайна или что-то вроде этого.

Джемайна посмотрела на владельца мастерской, и у нее упало сердце. Девушку предупреждали, что Гилрой опасный тип и ей у него появляться рискованно.

– Ты пришла сюда совсем не для того, чтобы работать, – проворчал Гилрой, – и я хочу знать зачем.

Джемайна оглядела комнату и сразу поняла: помощи ей ждать не от кого. Женщины с побледневшими лицами испуганно смотрели на нее.

– Пойдешь со мной, – приказал Гилрой, резко взмахнув рукой. – Сейчас же!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В прошлом номере мы отметили все преимущества женщин, занимающихся домашним хозяйством. Уверены, что внимательные мужья одобряют сделанные нами выводы, как и наши постоянные читательницы, самые лучшие и добропорядочные леди. Необходимо также выразить искреннее сочувствие тем женщинам, которые вынуждены сами заботиться о себе, и пожелать им найти подходящую работу.
Журнал «Гоулиз ледиз бук»

Глава 1

– О, эта проклятая женщина! – сердито воскликнул Генри Бенедикт.

Немного испуганная такой необычной вспышкой отца, Джемейна оторвала взгляд от книги. Сидящая напротив нее Бесс Бенедикт также посмотрела на мужа, прервав свое шитье.

– Какая женщина, дорогой?

– Сара Джозефа Хейл, – проворчал Генри Бенедикт. Очки сползли на кончик его довольно внушительного носа, когда он взмахнул журналом, который читал. – И это издание «Гоулиз ледиз бук». Ему не место в приличных домах! Некото-

рые статьи носят явно бунтарский характер!

– Но, Генри, журнал очень популярен. Мне известно, что у него большой тираж. Все самые порядочные люди читают его.

– Тем более надо запретить. Публикуя скандальные статьи, он развращает умы невинных женщин! Я однажды прочитал, как эта Сара Хейл утверждала: мужья могут не беспокоиться – их жены не найдут на страницах журнала ничего такого, что заставило бы их относиться менее прилежно к своим домашним обязанностям или вторгаться в прерогативы мужчин. Ха! Эта женщина лжет. Будь она мужчиной, ее следовало бы вызвать на дуэль!

– Но ведь этот журнал для женщин, дорогой, – мягко заметила жена. – Зачем ты читаешь его?

– Потому что мой долг мужа и отца – знать содержание того, что читают в моем доме.

Джемайна почувствовала: она должна вмешаться, хотя знала, что разозлит отца.

– Полагаю, миссис Хейл – высокопорядочная женщина, отец, и является примером для нас. Она умный человек и доброжелательный редактор. Ее мысли и высказывания поддерживают многие женщины.

Румяное лицо отца еще больше покраснело, когда он взглянул на дочь.

– Ты так думаешь? Вероятно, уже начиталась этой дешевой чепухи?

– Да, – сдержанно ответила Джемейна. – Но это вовсе не чепуха, отец. Статьи и рассказы, которые публикует миссис Хейл, хорошо написаны и заставляют задуматься. Они совсем не похожи на те публикации в некоторых журналах и газетах, которые рассчитаны на сенсационность.

– По-твоему, нет ничего скандального в призывах допустить женщин на медицинский факультет университета? Ты также считаешь, что нет ничего сенсационного в том, что она призывает женщин отказаться от корсетов?

– А почему женщинам не позволяют заниматься медицинской практикой, отец? По крайней мере половина пациентов – женщины. Что касается призывов отказаться от корсетов, то я полностью согласна с миссис Хейл – затягивание талии вредит здоровью, ведет к состоянию депрессии и частым обморокам. По-моему, корсеты очень неудобны, и вообще в них нет никакой необходимости.

– Нет необходимости? – Генри Бенедикт обратился к жене: – Видишь, Бесс, какие мысли внушает этот журнал? – Голос его возвысился. – Я скажу тебе, почему они необходимы, юная леди! Корсеты носят ради приличия. Я запрещаю тебе читать это издание! – Он стукнул журналом по подлокотнику кресла.

Джемейна отвернулась.

– Ты не можешь запретить, отец. Мне уже двадцать два года, и я буду читать все, что пожелаю.

– Ты моя дочь и, пока живешь в моем доме, будешь делать

так, как я говорю! – вспыхнул отец. – Что касается этого проклятого журнала, то я немедленно откажусь от дальнейшей подписки!

– Это не остановит меня, – невозмутимо сказала Джемайна. – Во всех киосках есть экземпляры для продажи.

– Я запрещаю тебе покупать их, слышишь? Запрещаю!
Джемайна встала.

– Я иду спать. Спокойной ночи, отец. Спокойной ночи, мама.

Когда она вышла в гостиную, Генри Бенедикт крикнул ей вслед:

– Я запрещаю тебе, Джемайна!

Дочь, не останавливаясь, поднялась по лестнице к себе на второй этаж. Внешне она старалась сохранять спокойствие, но внутри вся дрожала. Генри Бенедикт, обычно вполне нормальный, разумный человек с ровным характером, буквально преображался, едва речь заходила о месте женщины в этом мире. Разделяя взгляды большинства мужчин своего времени, он был одержим нетерпимостью к женщинам, проявляющим общественную или деловую активность. Джемайна не могла припомнить, когда в последний раз он так сердился. Правда, последняя вспышка гнева не очень беспокоила девушку – это пройдет. Но что будет с отцом, когда он узнает о письме, написанном ею Саре Джозефе Хейл несколько дней назад? Его может хватить удар!

Оказавшись в своей комнате, Джемайна подошла к окну

и долго стояла там, глядя невидящим взглядом на улицы бостонского Бикон-Хилла, полные людей, снующих в поисках укрытия от жары. Шел июль 1848 года.

Джемайна – высокая, статная девушка с превосходной фигурой, стянутой презираемым ею корсетом. Ее длинные волосы, такие черные, что при определенном освещении казались даже синими, разделены на прямой пробор и закрывают уши, а сзади уложены кольцом. Широко посаженные синие глаза светятся живым умом. У нее короткий, как у матери, слегка вздернутый носик, такой же, как у миссис Бенедикт, довольно большой рот и полные, естественно-красные губы прекрасной формы.

В ее лице не было ничего от отца. Тетушка Хестер, сестра матери, однажды заметила:

– Клянусь, Генри, в этой девочке нет ничего твоего! Если бы я не знала свою сестру слишком хорошо, то усомнилась бы в ее супружеской верности.

При воспоминании об этом губы Джемайны тронула легкая улыбка: Генри Бенедикт был настолько оскорблен этими словами, что несколько месяцев после этого не разговаривал со свояченицей. Конечно, отцу следовало быть более снисходительным к тетушке Хестер. Ведь она была доброй, веселой, правда, немного легкомысленной, способной высказать все, что придет ей в голову. Оставшись вдовой, Хестер Макфи жила одна в Филадельфии. Но что хуже всего, считал Генри Бенедикт, – она работала, чтобы содержать себя: вла-

дела магазином дамских шляп на Честнат-стрит.

– Кто знает, что она вытворяет там, в Филадельфии? – мрачно говорил Генри Бенедикт. – К тому же еще и работает!

Однако среди многочисленных тетушек и дядюшек с обеих сторон – всего десять человек – девушка больше всех любила именно Хестер.

Хотя Джемейна и не унаследовала внешности отца, зато по характеру была такой же, как он, упрямой и непреклонной. Завершив в прошлом году учебу в пансионе благородных девиц в Бостоне, она не могла удовлетвориться тем, чтобы сидеть в гостиной и принимать ухаживания поклонников, которых одного за другим приглашали ее родители. Ей хотелось сначала многое познать, может быть, даже поработать несколько лет, прежде чем погрязнуть в семейной жизни.

– Что? И быть, как Хестер? – воскликнул отец. – Место женщины – в доме, дочка. Пусть мужчина обеспечивает свою семью, неустанно работая, а женщина должна вести домашнее хозяйство.

Джемейна понимала тщетность споров с отцом на эту тему, но в одном у нее была возможность сопротивляться – девушка с презрением отвергала женихов, которых предлагали родители. «Слава Богу, – думала она, – что цивилизация продвинулась вперед и дочерей не заставляют выходить замуж против их воли!»

Генри Бенедикт очень расстраивался по этому поводу.

– В чем дело, Джемейна? Эти молодые люди из лучших

бостонских семей и вполне достойны твоей руки. Многие девушки были бы в восторге, если бы им предоставилась возможность выйти замуж за одного из них.

– Вот пусть они и выходят, отец, – возражала дочь.

Джемайна знала, что еще удручает отца. Ее увлечение литературой. По его мнению, постоянное чтение вредит здоровью. Он никак не мог уразуметь, почему дочь все время сидит с книгой, вместо того чтобы проводить время со сверстниками. Джемайна понимала, что ей никогда не удастся объяснить ему, почему она предпочитает книги компании юношей и девушек, в основном детей друзей и знакомых ее отца. Большинство из них кажутся ей довольно пустыми и скучными.

Джемайна никогда не любила болтовню и притворство, которые считала неотъемлемой частью светских раутов. Она бы предпочла встречи с интересными людьми – представителями творческих профессий: писателями, художниками.

Девушка никогда никому не говорила об этом, но у нее была тайная мечта – самой стать писательницей.

Несколько месяцев назад ее мать начала выписывать журнал для женщин «Гоудиз ледиз бук». Стоя у окна, Джемайна тихо засмеялась: отец совсем недавно обнаружил, что происходит под самым его носом все это время.

Девушка читала каждый номер от корки до корки. Особенно ее потряс тот факт, что редактор журнала – женщина. Ей не терпелось узнать, как Саре Джозефе Хейл удалось до-

биться такого успеха.

Не долго думая Джемайна написала Хестер Макфи в Филадельфию. Тетушка ответила, сообщив все, что ей известно о Саре Хейл. Джемайна сочла информацию удивительной и нашла в жизни Сары Хейл кое-что схожее со своей собственной. Миссис Хейл также была англичанкой, она родилась и выросла в Нью-Хэмпшире и только после двадцати пяти лет вышла замуж.

После внезапной смерти мужа она осталась без средств к существованию с пятью малолетними детьми и начала зарабатывать на жизнь различными способами. В конце концов попробовала писать, начиная от сентиментальных стихов до романа «Северный лес», который был хорошо принят читательской аудиторией.

Благодаря этому Саре предложили должность редактора в «Ледиз мэгэин» – журнале для женщин. Она приняла предложение и начала успешно работать в новом качестве, настолько успешно, что Луис Гоуди, издатель соперничающего журнала, попытался привлечь ее на свою сторону. Сара отказалась, так как, работая в «Ледиз мэгэин», давала возможность зарабатывать еще нескольким женщинам и была верна им. В конце концов Гоуди пошел на то, что купил «Ледиз мэгэин» и объединил оба издания в «Гоудиз ледиз бук». Таким образом Сара достигла своего настоящего положения.

И это все, дорогая Джемайна, что мне известно о ней. Я встречала миссис Хейл здесь, на приемах. Должна сказать

тебе, что нахожу ее очень умной, энергичной, хорошо владеющей литературной речью женщиной.

Ты не сообщила мне причину своего интереса к миссис Хейл, и я, должна признаться, стораю от любопытства. При чем настолько, что собираюсь приехать в Бостон на недельку и узнать из первых уст, что ты задумала. Очень подозреваю, что твой строгий отец вряд ли одобрит это. Не волнуйся, я – надежный человек.

Твоя любящая тетя Хестер.

Хестер Макфи появилась в доме Бенедиктов подобно све- жему ветру, в своей невероятно модной шляпке, сапожках, лайковых перчатках и с ярким зонтиком, который держала в руке, как знамя. Генри Бенедикт сразу же поспешил удалиться в свой кабинет и заперся там.

Хестер улыбнулась Джемайне и подмигнула. Затем надула розовые щеки.

– Дорогой Генри всегда прячется в своей поре, когда бы я ни появилась, не так ли?

– В данном случае, – сказала Бесс, прикрывая рукой улыбку, – ты несправедлива. Генри должен поработать.

– Ладно, не важно. Я приехала повидаться с Джемайной.

– В самом деле? – удивленно спросила Бесс. – Ради чего?

– Не волнуйся, сестра, – весело ответила Хестер. – Прежде всего она моя драгоценная племянница, и Бог знает, как редко мы видимся. – Она обняла Джемайну. – Пойдем наверх, юная леди.

Джемайна, взволнованная, но довольная, позволила увлечь себя вверх по лестнице в свою комнату.

Зная порывистость тетки и бесполезность урезонивать ее, Джемайна тем не менее выговорила ей:

– Твои загадочные слова не на шутку взволновали маму.

– Ерунда! – возразила Хестер, размахивая свернутым зонтиком. – Осмелюсь сказать, мне позволительно иметь секреты со своей племянницей. А сейчас – тем более! Говори, зачем тебе понадобилась Сара Хейл?

Джемайна долго размышляла, получив письмо от Хестер, и теперь была готова к встрече с ней.

– Сначала ты должна прочесть кое-что. – Она подошла к комоду, достала рукопись и молча протянула ее тете.

Хестер удивленно приподняла бровь:

– Что это, скажи на милость?

– Сначала прочитай, – настаивала Джемайна. – Затем поговорим.

Хестер взяла рукопись и, сев на кушетку, начала быстро читать, потом удивленно взглянула на Джемайну и замедлила чтение. Закончив, положила страницы рукописи на колени и задумчиво посмотрела на племянницу.

– Хорошо! – удовлетворенно проговорила она. – Кажется, у моей девочки талант!

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– Ты действительно так думаешь?

– Разумеется. Конечно, я не редактор, но читала достаточ-

но много и не сомневаюсь: написано хорошо. Во всяком случае, твоя статья не хуже тех публикаций, которые мне приходилось видеть. – Хестер взглянула на Джемайну. – Почему ты держала это в тайне от меня?

– О, об этом никто не знал, – взволнованно ответила Джемайна.

– Это все, что ты написала?

– Нет, есть еще несколько статей.

– Почему ты не представила их для публикации? Леди не допускают ко многим профессиям, однако в настоящее время некоторые издания публикуют статьи, написанные женщинами.

– Боялась, что они недостаточно хороши, – вздохнула Джемайна.

– Совсем не похоже на тебя. Ты никогда не страдала от недостатка смелости.

– А это другое дело, тетя Хестер. Здесь много личного. Я как бы выношу на суд частичку самой себя. И оказаться отвергнутой для меня было бы мучительно.

Хестер раздраженно заметила:

– Моя дорогая, мучение – часть нашей жизни. Каждый раз, пытаясь совершить нечто экстраординарное, мы рискуем пострадать.

– Ты права, тетя Хестер. – Джемайна улыбнулась. – Тогда, может быть, согласишься с тем, что я сделала.

Хестер подозрительно взглянула на девушку:

– Что именно, скажи на милость?

– Речь идет о статье, которую ты только что прочитала. Я отправила ее на рассмотрение.

Хестер улыбнулась.

– Ты послала ее в «Гоудиз ледиз бук»? Поэтому тебя интересовала Сара Хейл?

– Да, я послала статью миссис Хейл.

– Удачи тебе, девочка! – Хестер стукнула зонтиком по кушетке. – Отзыва еще не было?

– Пока нет. Но это не все. – Джемейна подошла к комоду. – Вместе со статьей я послала сопроводительное письмо.

Она протянула тете еще один лист бумаги. Хестер прочитала вслух:

Дорогая миссис Хейл, посылаю на Ваш суд свою рукопись. Надеюсь, сочтете ее подходящей для публикации в «Гоудиз ледиз бук». Даже если и решите, что статья не пригодна для публикации, я хотела бы работать в Вашем журнале. Зная о Ваших доблестных усилиях в борьбе за права женщин, одобряю все Ваши действия в этой области. Надеюсь, Вы оцените мои способности на примере этой рукописи. Очень хочу сделать писательский труд своей профессией и пройти школу под Вашим руководством независимо от того, какую должность мне предложите.

Искренне Ваша Джемейна Бенедикт.

Хестер подняла голову.

– Прекрасно!

– Не слишком ли рано? – беспокойно спросила Джемайна.

– Нет-нет, вовсе нет. В наше время, если женщина сама не обратит внимание на свои достоинства, кто делает это за нее? Однако ты действительно хочешь работать в «Гоудиз ледиз бук»? Я восхищаюсь тем, как ты пишешь, но готова ли жить одна, вне дома?

– Я должна выбраться отсюда, тетя Хестер. Здесь я задыхаюсь. – Джемайна начала взволнованно ходить по комнате. – Все, что мне позволяют делать – это сидеть в гостиной и выбирать жениха из кандидатов, которых приглашает отец!

– Понимаю, дорогая девочка. Думаешь, мои родители не делали то же самое? – Хестер улыбнулась. – Процедура сродни аукциону, на котором выставляют рабыню. Есть единственный способ избавиться от этого: выйти замуж за одного из них, как это сделала я.

– Не желаю! Все равно что из одной тюрьмы попасть в другую. Кроме того, мне хотелось бы выйти замуж по любви, а я пока еще не встретила человека, который вызвал бы во мне такое чувство.

Хестер печально кивнула:

– Однако мне повезло. Я была вполне довольна и счастлива с моим Томасом.

– Тетя Хестер... – Джемайна перестала ходить по комнате. – Если случится такое чудо и миссис Хейл возьмет меня на работу, могла бы я пожить у тебя в Филадельфии? Или это создаст какие-нибудь сложности?

– Вовсе нет, Джемайна. – Хестер встала и взяла племянницу за руку. – Буду очень рада тебе. Я ведь одинокая старая леди. Но как же Генри?

– Он, конечно, будет против, я знаю.

– Придется закрыть на это глаза, – сухо проговорила Хестер и добавила: – Жить со мной вне его дома – это еще полбеды. Но работа! Неужели его дочь будет работать?!

– Я уже взрослая женщина. – Джемайна выпрямилась. – Я достигла совершеннолетия.

– По мнению Генри, если я хоть сколько-нибудь разбираюсь в мужчинах, ни одну из женщин нельзя считать совершеннолетней.

– Он не сможет остановить меня, тетя Хестер, и запереть в комнате. Буду бороться с ним.

– Вижу. – Хестер одобрительно посмотрела на нее. – Ты действительно стала взрослой. – Она поцеловала Джемайну в щеку. – И я всем сердцем поддерживаю тебя.

– Правда, все может оказаться напрасно, – сказала Джемайна, внезапно сникнув. – Вдруг миссис Хейл решит, что у меня вовсе нет таланта!

На следующий день пришло письмо от Сары Хейл.

Дорогая мисс Бенедикт, с большим интересом прочитала Вашу статью и приняла ее для публикации в «Бук». Если Вас устраивают условия, через несколько дней Вы получите по почте чек на тридцать долларов.

Так случилось, что мне требуется новый помощник,

однако необходимо поближе узнать Вас, потому мы должны встретиться лично. Не могли бы Вы приехать в Филадельфию для собеседования? Сообщите мне об этом как можно скорее.

Искренне Ваша Сара Хейл.

Глава 2

Сара Хейл, сидя за столом в своем кабинете, с серьезным видом смотрела на мужчину, сидящего напротив. Луис Гоуди был поглощен чтением письма, которое Сара дала ему. Во время чтения он перебирал пальцами цепочку часов, свисающую из кармана жилета, плотно облегающего его широкую грудь.

У Гоуди высокий лоб, над которым волосы уже начали редеть, пухлые щеки с резкими линиями, спускающимися до круглого подбородка и обрамляющими рот. В его внешности проскальзывает что-то тщеславное, и Сару всегда забавляет вид причудливой завитушки у него на лбу. Черты его лица говорят о мягкости и благовоспитанности. Сара хорошо знала, что наряду с открытым выражением лица он обладал также пронизательным умом.

Гоуди поднял голову и поджал губы.

– Не знаю, Сара. Письмо само по себе мало говорит о девушке. Ты считаешь, ее статья хороша?

– Превосходна, Луис. Она явно талантлива, я уверена. Но надо помочь ей развить талант.

– Ладно, согласен. Мне хорошо известна твоя пронизательность. Ты открыла многих прекрасных авторов для нашего издания. А что ты можешь сказать о ее редакторских способностях?

– Ты знаешь мое мнение по этому поводу, Луис. Чтобы оценить то или иное произведение, редактор сам должен обладать писательскими способностями. Многие не согласны со мной, но это мое убеждение. Думаю, ей подошла бы должность редактора-корреспондента. Если, конечно, я возьму ее на работу. Не смогу принять решение, пока не поговорю с ней.

– Значит, девушка приедет в Филадельфию? Сара кивнула:

– Да, сегодня. Скоро должна появиться.

– В таком случае оставляю это дело тебе. А сейчас... – Гоуди подался вперед на своем стуле, – поговорим о твоей статье в следующем номере, посвященной персоне Элизабет Блэквел...

– Персоне? – Сара слегка улыбнулась. – Мисс Блэквел женщина, Луис. Почему бы не выразиться именно так?

– Хорошо, – раздраженно молвил Гоуди. – Пусть будет женщине.

– Что-то не так в этой статье, Луис? – простодушно спросила Сара.

– Черт возьми, ты прекрасно понимаешь, в чем дело! – воскликнул Гоуди. – Это ее стремление поступить в медицинский колледж идет вразрез с существующими традициями, и тебе это хорошо известно.

Сара мягко улыбнулась:

– Для нее поступление в колледж имеет большое значе-

ние.

– Знаю, – проворчал Гоуди. – Но мне не нравится, что ты используешь «Бук» для обсуждения этой проблемы. Ведь я против вовлечения нашего издания в политику и публичные споры.

– Да, Луис, мне известна твоя позиция.

Сара встала и, повернувшись к нему спиной, посмотрела в окно на Честнат-стрит. Хотя ей шел шестидесятый год, она выглядела моложе лет на десять. Аккуратно одетая в консервативном стиле – правда, без корсета, – миссис Хейл обладала властной внешностью. Черные волосы, слегка тронутые сединой, ниспадали локонами на плечи. Лицо полное и круглое, темные глаза – мягкие и умные, в них еще вспыхивал огонь, когда ее охватывало волнение.

Она обернулась, сложив руки на груди.

– Сожалею, что наше издание оказывается так или иначе вовлеченным в политику.

– Особенно последний номер. И если не непосредственно в политику, то уж непременно в обсуждение социальных вопросов. Ты знаешь, что выражение подобных взглядов может задеть некоторую часть мужей наших читательниц...

– О да, Луис, – сухо сказала Сара. Она взглянула на потолок. – Помнишь, я писала в передовой статье: Мужья могут не беспокоиться – их жены не найдут на страницах журнала ничего такого, что заставило бы их относиться менее прилежно к своим домашним обязанностям или вторгаться

в прерогативы мужчин?

– Многие мужчины могут истолковать принятие мисс Блэквел в медицинский колледж как вторжение в мужские прерогативы.

– Но я также писала, если помнишь, в той же статье: В этом веке нововведения могут оказать более важное влияние на процветание нашего общества благодаря возможности, данной женщинам, получить всестороннее образование. При этом честь победы разума над укоренившимися предрассудками принадлежит мужчинам Америки.

Гоуди улыбнулся:

– Помню. Последняя строчка – классический пример способности Сары Хейл использовать лесть для успокоения разгневанных мужчин. – Он стал серьезным. – Однако этот номер посвящен другой тематике, Сара.

– Ты же сам часто говорил, что строго придерживаешься мнения о необходимости предоставления женщинам возможности получать всестороннее образование. – В ее словах звучал вызов.

– Верно, Сара. Это мое личное мнение, но зачем использовать «Бук» для того, чтобы сыпать соль на раны?

– «Бук», Луис, стал мощным рупором нации благодаря нашему с тобой руководству.

– Это так, но только потому, что мы никогда не поддерживали непопулярных мнений.

Сара слегка улыбнулась:

– Не забывай, что бывает с теми, кто ведет двойную политику, Луис, особенно из числа мужчин.

– Сара, вряд ли женщине следует делать подобные замечания. – Гоуди встал. – А теперь ответь: могу ли я рассчитывать, что содержание следующего номера будет приведено в порядок?

– А я могу рассчитывать, что имею право лично поддерживать Элизабет Блэквел?

– Пожалуйста, если это не касается «Бук». – Гоуди улыбнулся. – Я хорошо знаю, насколько бесполезно запрещать тебе что-либо. – Он склонил свою большую голову. – Желаю тебе доброго утра, Сара.

Сара стояла, улыбаясь вслед своему хозяину, в то время как он тяжелой походкой выходил из ее кабинета. Она очень любила Луиса Гоуди и была чрезвычайно благодарна ему. Предоставив ей должность редактора в таком престижном издании, он тем самым оказал ей большое доверие и милость. Хотя Сара и сама добилась такого веса и влияния, чем вызывала зависть многих женщин. Тем не менее она всегда будет благодарна Луису Гоуди.

Когда Сара направилась к своему письменному столу, слышался легкий стук, и, прежде чем она успела что-либо сказать, дверь приоткрылась, и в проеме появилось мужское лицо.

– Доброе утро, дорогая. Я проходил мимо и подумал, не поприветствовать ли мне мою единственную любовь.

Сара ласково рассмеялась:

– Оуэн, ты лгун и негодяй.

– Конечно, дорогая. Разве я отрицаю это?

– Слышала, ты был где-то на западе и писал репортажи о войне с индейцами.

Оуэн Тэзди вошел в кабинет и присел на краешек письменного стола Сары, покачивая ногой.

– В настоящий момент сиу побеждены, и я поспешил назад в Филадельфию. Представляешь, какая скука на границе, когда там все спокойно?

– Ты имеешь в виду, что там нет молодых леди, за которыми можно было бы приударить?

Оуэн поморщился:

– Несколько молодых незамужних дам на границе едва ли стоят того, чтобы на них тратить время.

– Не подозревала, что ты такой разборчивый, Оуэн.

– Но я такой. Кроме того, соскучился по тебе, Сара.

– Не сомневаюсь, мошенник. – Сара внимательно посмотрела на него.

Оуэну Тэзди около тридцати лет, однако он – один из самых талантливых и уважаемых журналистов в Америке, умеющий излагать даже довольно скучные события весьма ярко и волнующе. К тому же Тэзди весьма красив: высокий и стройный, рыжеволосый, с бакенбардами, обрамляющими вытянутое лицо. Нос у него благородной формы, взгляд голубых пронизательных глаз умен и слегка насмешлив. Точ-

нее, одного глаза – правого, так как левый закрыт повязкой, придающей молодому человеку лихой вид. Сара слышала несколько историй о том, как Оуэн потерял глаз, но не верила ни в одну из них. Каждый раз в ответ на ее расспросы он рассказывал по-разному, так что она в конце концов безнадежно махнула рукой.

Сара не знала, как одевается Оуэн, уезжая на задание редакции, но в городе он всегда одет безукоризненно и, по ее мнению, может сойти за денди. В данный момент на нем были высокие блестящие сапоги темно-красного цвета, сизые бриджи, поплиновый пиджак и белый шелковый шейный платок. Он также носил трость с украшенной жемчугом рукояткой. Поговаривали, что в трости спрятано стальное лезвие, которое выскакивает при нажатии кнопки.

Оуэн заметил, что Сара осматривает его, и весело улыбнулся:

– Дорогая, ты изучаешь меня, будто раньше никогда не видела.

– Меня очень интересует нынешняя мода. Поскольку «Бук» специализируется только на женских фасонах, я знаю, что всегда могу положиться на тебя и узнать о последних мужских нарядах.

– Так как у меня нет ни жены, ни детей, я могу побаловать себя.

– По-видимому, одежда делает тебя самодовольным, как павлин, – сухо заметила она.

– Ошибаешься, дорогая Сара, – весело ответил Оуэн. – А как дела с журналом?

– Спасибо, очень хорошо. Благодаря Луису число наших подписчиков скоро достигнет ста тысяч.

Оуэн поднял свою трость.

– Поздравляю, Сара! А как твои наиболее важные проблемы?

– Также в полном порядке. В апреле этого года в штате Нью-Йорк был принят законопроект о собственности, который дает право замужним женщинам иметь свое имущество. Я в определенной степени горжусь этим, так как поддерживала эту идею.

Оуэн покачал головой:

– Я восхищаюсь твоим умом, храбростью и настойчивостью, Сара, причем иногда это даже пугает меня. Если ты будешь продолжать действовать в том же духе, скоро женщины будут управлять миром.

– Возможно, это не так уж и ужасно, как ты думаешь. Может быть, даже к лучшему. Уверена, ты согласишься, что мир недостаточно хорош в руках мужчин.

– Насколько мне известно из истории, в прошлом некоторые монархии, управляемые королевами, также находились в бедственном положении. Могу привести несколько примеров.

– Да, но монархию нельзя сравнивать с демократической формой правления, такой, например, как у нас. Монарх,

за редким исключением, является верховным правителем практически без ограничений, не как в нашей системе.

– О, дорогая Сара, знаю, спорить с тобой бесполезно. – Оуэн встал и криво улыбнулся ей. – Уверен, в дальнейшем ты постараться добиться для женщин права голосовать на выборах.

– Так и будет, – пообещала Сара с улыбкой. – Возможно, ни я, ни даже ты не доживем до этого, но так будет. Мы заслуживаем такого же права выбирать наших лидеров, как и мужчины. Кроме того, тебе хорошо известно, мой юный друг, я никогда не выступала за то, чтобы женщины имели большие права, чем мужчины, и не настаивала на их равенстве, как это делают феминистки, но полагаю, нам отказывают в том, на что мы имеем неотъемлемое право.

– О да, как я уже говорил тебе, дорогая Сара, мне доставляет удовольствие играть перед тобой роль адвоката дьявола. А сейчас хочу пожелать тебе удачного дня.

Самодовольно взмахнув тростью, Оуэн Тэзди вышел из кабинета.

Сара посмотрела на закрытую дверь с веселой улыбкой. Адвокат дьявола, не иначе! Она любила этого молодого человека, ей нравилось спорить с ним. Оуэн Тэзди был современным мужчиной. И, как большинство из них, считал, что место женщины – в доме или в постели. Любые попытки представительниц слабого пола покушаться на прерогативы мужчин вызывали у него неодобрение, зачастую даже откры-

тую враждебность.

Сара вздохнула, покачала головой, стараясь избавиться от мыслей о журналисте, и вернулась к своей работе.

Джемайна опоздала на несколько минут к сроку, назначенному Сарой Хейл. Поспешно войдя в дверь издательства «Гоудиз ледиз бук» с опущенной головой, она внезапно столкнулась с высоким мужчиной. Девушка, вероятно, упала бы, если бы сильные руки не удержали ее. Она возмущенно оттолкнула эти руки и поправила сбившуюся шляпку.

– Почему вы не смотрите, куда идете?!

Она замолчала и пристально посмотрела на загорелое лицо молодого человека. Один его глаз был закрыт черной повязкой, а другой сиял яркой голубизной, разглядывая Джемайну так внимательно, что ей показалось, будто он смотрит обоими глазами.

Сначала взгляд Оуэна выражал гнев, затем немного смягчился. Джемайна чувствовала себя словно пригвожденной этим взглядом, в то время как мужчина снял шляпу и поклонился:

– Примите мои искренние извинения, мэм. Я очень рассеян и не заметил, куда иду.

Джемайна покраснела и отвернулась. Затем, заикаясь, проговорила:

– Нет-нет, это я слишком спешила. Это моя вина.

«Почему я оправдываюсь? Это ведь мужчина должен стараться избегать столкновения с леди», – подумала она и по-

спешила дальше, не обращая внимания на то, что продолжал говорить джентльмен.

Джемайна быстро вошла в кабинет Сары Хейл и представилась. Девушка все еще находилась в смятении, что, вероятно, было заметно, так как Сара встретила ее словами:

– Дорогая, вы выглядите очень взволнованной. Надеюсь, не из-за меня? Я не людоед, уверяю вас. Не надо меня бояться.

– О, не в этом дело, миссис Хейл, – поспешно ответила Джемайна. – Просто при входе в здание я столкнулась с каким-то олухом и едва не упала. Впрочем, полагаю... – Она замолчала, задумавшись. – Полагаю, джентльмен действительно мог не заметить меня, так как у него только один глаз.

– Один глаз? – Сара насторожилась. – Он носит повязку на левом глазу?

– Ну да. Вы его знаете?

– Конечно. Это Оуэн Тэзди, и будьте уверены: он очень хорошо видел вас. Даже с одним глазом Оуэн заметит красивую женщину быстрее, чем многие мужчины с двумя.

– Кто он такой? – поинтересовалась Джемайна.

– Журналист одной из крупнейших газет Филадельфии – «Леджер». Оуэн очень известен, и заслуженно. Возможно, он один из лучших журналистов, которых я знаю. Тэзди честен, прекрасно пишет и менее склонен к сенсационности, чем остальные его собратья по перу. Он всегда куда-то стремится. Наибольшую популярность приобрел два года назад,

во время войны с Мексикой, когда сопровождал генерала Закари Тейлора. Его тогдашние информационные сообщения можно назвать шедевром журналистского мастерства.

– Он кажется неплохим парнем, – осторожно заметила Джемайна.

– О да, детка, неплохой, – смеясь повторила Сара. – Но хочу предупредить: Оуэн – неисправимый бабник. Я ужасно люблю этого негодяя, но очень волнуюсь, когда он начинает уделять чрезмерное внимание какой-нибудь знакомой молодой леди. – Сара замолчала и пристально посмотрела на Джемайну. – Вы очень милы, дорогая.

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– Благодарю, миссис Хейл.

– Это действительно так. Но хватит об Оуэне Тэзди. – Она махнула рукой. – Давайте обсудим наши дела. Вы ведь здесь для того, чтобы узнать о возможности поступить на работу в издательство?

Джемайна порывисто наклонилась вперед.

– Да, миссис Хейл.

Сара снова внимательно посмотрела на девушку, которая ей понравилась: Джемайна Бенедикт красива и, кажется, довольно умна, а присланная ею рукопись свидетельствует о большом таланте.

– Мне понравилась ваша работа, но по ней нельзя судить о редакторских способностях, – сказала Сара, затем улыбнулась, пытаясь смягчить некоторую резкость своих слов. –

Я хорошо понимаю, что женщины только недавно получили возможность заниматься редакторской деятельностью, а следовательно, мало кто имеет в этом опыт. А почему вы решили стать редактором, Джемайна? И именно в нашем издательстве?

– Благодаря вам, миссис Хейл. Благодаря вашим убеждениям и стараниям. Мне кажется, что «Гоудиз ледиз бук» делает очень много полезного.

– Я не могу оставаться здесь вечно, Джемайна. Сюда может прийти другой руководитель с иными взглядами на место женщины в обществе.

– Но вы же не собираетесь уходить? – испуганно спросила Джемайна.

Сара рассмеялась.

– Конечно, у меня нет таких планов. Но мне почти шестьдесят. Кроме того, следует учитывать еще одно обстоятельство. Несмотря на то что я и Луис Гоуди благополучно сотрудничаем, мы не всегда и не во всем согласны друг с другом. Мы оба упрямы и тверды в своих убеждениях. Может наступить день, когда мы разойдемся во взглядах и я вынуждена буду подать в отставку.

– Трудно поверить, что это когда-либо произойдет. Насколько мне известно, только благодаря вам журнал приобрел такую популярность.

Сара кивнула:

– Не буду изображать ложную скромность. Мне действи-

тельно во многом приписывают успех «БуК». – Неожиданно она рассмеялась. – Ну как же мне не принять на работу того, кто относится ко мне с таким уважением! – Сара выглядела очень оживленной. – Хорошо, Джемайна. Я уже обсудила вашу кандидатуру с мистером Гоуди. Могу предложить вам должность редактора-корреспондента с окладом пятьсот долларов в год. У меня уже есть два помощника, занимающихся только редактированием. Вы будете работать вместе с ними часть рабочей недели, изучая редакторское дело, остальное время – редактировать статьи, а также готовить собственные материалы. Устраивают такие условия?

Это было больше, чем Джемайна могла ожидать.

– О да, миссис Хейл! Благодарю вас! – радостно воскликнула девушка.

– Поскольку теперь мы будем работать вместе, я бы предпочла, чтобы ты называла меня просто Сарой. У нас здесь неформальная обстановка, к тому же я буду чувствовать себя более молодой. Мне так приятнее.

– Хорошо... Сара, – нерешительно проговорила Джемайна. – Когда я могу приступить к работе?

– Ты уже нашла жилье в Филадельфии? И ответь: все ли в порядке дома, в Бостоне?

– Я буду жить здесь с моей тетей. Что касается дома...

Сара пристально посмотрела на нее.

– Наверное, проблемы с родителями?

– Да. Сара кивнула.

– Ясно. В благополучной семье родители молодой девушки осуждают подобное решение. Им трудно понять, почему ты хочешь работать. – Немного помолчав, она добавила: – Можешь начать со следующей недели, Джемайна. Пока у нас нет свободных кабинетов, но у тебя будет свой стол...

Сару прервал тихий стук в дверь.

– Войдите! – громко отозвалась она.

В комнату вошел худощавый мужчина с серьезными карими глазами.

– Уоррен! Рада видеть тебя, – улыбнулась Сара. – Ты как раз вовремя. Познакомься с новым сотрудником нашей редакции. Это Джемайна Бенедикт. Она редактор-корреспондент. Джемайна, это Уоррен Баррикон.

Вошедший слегка поклонился и сказал мягким голосом:

– Рад познакомиться, мисс Бенедикт.

У Уоррена – чисто выбритое приятное лицо, большой рот. У него, пожалуй, самое доброе и нежное выражение лица, какое Джемайне приходилось встречать у мужчин. Его карие глаза, казалось, скрывают глубокую тайную печаль.

– Уоррен возглавляет отдел мод, – сообщила Сара. – Мы горды, что с помощью «Бук» распространяем женскую моду по всей стране, и если преуспели в этом, то только благодаря Уоррену.

Уоррен Баррикон, застенчиво улыбаясь, погрузил свои тонкие пальцы в длинные каштановые волосы.

– Ты мне льстишь, Сара. На самом деле за моду ответ-

ственные леди в моем отделе. Я считаю себя в большей степени миротворцем. Наши модельерши довольно темпераментны и склонны к резким заявлениям.

– Не верь ему, Джемайна, – возразила Сара. – Многие из наших лучших идей принадлежат Уоррену, и он не позаимствовал их у модельеров Парижа или других мировых центров моды. Уоррен ежегодно посещает эти центры с оплатой всех расходов за счет редакции.

– Подождите, вас тоже заставят совершить одно из таких путешествий в Париж, мисс Бенедикт, – пообещал Уоррен. – Поначалу вы, несомненно, будете потрясены. Париж – город мира! Но вскоре подобные путешествия начнут казаться вам скучными. Однако, во всяком случае, добро пожаловать в «Бук», мисс Бенедикт.

Он взял руку Джемайны и поднес к своим губам. Девушка почувствовала волнение от такого внимания.

– Благодарю вас, мистер Баррикон, – запинаясь, пробормотала она, злясь на себя за неумение скрывать свои чувства. – Я давно мечтала работать здесь.

– Никогда не говорите этого в присутствии Сары или мистера Гоуди, – предупредил он с притворным ужасом. – Если они поймут, что вам нравится работать здесь, то решат, что вы охотно будете трудиться из года в год без повышения жалованья.

– Я знаю, вы шутите, мистер Баррикон. – Джемайна вновь обрела хладнокровие. – Сара уже пообещала мне больше,

чем я ожидала.

Уоррен всплеснул руками:

– В самом деле, Сара? Вы уже договорились. Несчастливая девочка думает, работать здесь – большая честь.

– Для женщины сегодня это не только честь, но и редкая привилегия, – парировала Джемейна.

Уоррен слегка поклонился:

– Приношу свои извинения, мэм. Как видно, наша дорогая Сара завербовала еще одного рекрута в свой лагерь. Теперь, Сара, ты получишь мощную поддержку в борьбе за права прекрасного пола.

– Именно так, Уоррен, – самодовольно сказала Сара. – Почему бы тебе не показать ей редакцию и не представить персоналу?

Оуэн Тэзди быстрым шагом миновал темные коридоры издательства газеты «Филадельфия леджер» и без стука вошел в кабинет главного редактора.

Томас Каррузерс с мрачным видом поднял голову. Выражение его лица не изменилось, когда он увидел, кто пришел. Воздух в тесном кабинете был наполнен дымом сигары, тлеющей в толстых губах Томаса.

– Добрый день, Томас, – живо поприветствовал его Оуэн.

– Какого дьявола ты вернулся из Дакоты, Тэзди? И разве ты не видишь, что я занят – работаю над подготовкой очередного номера газеты?

– Вижу, твой характер ничуть не изменился, Томас. –

Оуэн присел на край письменного стола редактора, небрежно покачивая своей тростью. – Я вернулся потому, что там ни черта не происходит.

– Даже в этом случае я не припомню, чтобы отзывал тебя назад, – раздраженно бросил Каррузерс.

– Я подумал, что угадал твои мысли.

– И самовольно решил вернуться.

– Да.

– Ты наш полевой корреспондент, и тебе платят именно за это, а не за то, чтобы ты сидел на моем столе, как бездельник.

– Но ты платишь мне за репортажи о событиях, а оттуда нечего сообщать. Разве больше нигде ничего не происходит?

– Не знаю. Но дай время, я что-нибудь придумаю, можешь быть уверен.

– Ладно, а пока ты думаешь, Томас, я возьму небольшой отпуск. – Оуэн встал и улыбнулся старшему коллеге.

Каррузерс откинулся назад с тем же мрачным выражением лица.

– С каких это пор ты решаешь вопрос относительно отпуска?

– А почему бы нет? Я имею на это право – не отдыхал уже два года.

– Ты будешь скучать оттого, что ничего не происходит вокруг. Для тебя волнующие события, как наркотик, – проворчал Каррузерс.

Оуэн повертел своей тростью и тихо проговорил:

– Только не сейчас. Я кое-что задумал. – Он улыбнулся сам себе.

То, о чем мечтал Оуэн, было связано с девушкой, с которой он столкнулся в «Годиз ледиз бук». Девушка с черными волосами и небесно-голубыми глазами. Он давно уже не встречал женщины, которая так взволновала бы его. Тэзди не знал, кто она, но решил, что не слишком трудно будет отыскать ее. Он не сомневался, что она работает на Сару Хейл.

– Тогда иди в свой отпуск и дай мне возможность поработать, – согласился Каррузерс и, махнув рукой, склонился над своим письменным столом.

Глава 3

– Насколько я понимаю, вы уже сделали вывод, мисс Бенедикт, – продолжал Уоррен, – о том, что у нас необычайно большой штат.

– Да, я заметила это. И пожалуйста, называйте меня просто Джемайна.

– С удовольствием, Джемайна, – сказал Уоррен, слегка склонив голову. – Мне нравится ваше имя. Но в таком случае зовите меня Уоррен, так как мы будем работать вместе.

Уоррен провел Джемайну по кабинетам редакторов и представил ее сотрудникам редакции. Люди ей, в общем, понравились, и Джемайна была уверена, что с ними будет приятно работать. Затем Уоррен проводил ее в кабинет Луиса Гоуди и представил известному издателю. Она нашла его немного резковатым, но дружелюбным человеком. Он приветствовал Джемайну достаточно благосклонно, тем не менее девушка почувствовала в нем определенную сдержанность.

Закончив обход, они направились назад в кабинет Сары Хейл. В этот момент Джемайна увидела человека, идущего навстречу по коридору, в нелепой шляпе и черной накидке. Он выглядел ужасно худым, скулы его были туго обтянуты кожей. Девушка заметила затравленный взгляд темных глаз.

Он задержал руку на ручке двери в кабинет Сары, когда

они приблизились.

– Мистер По! Разве Сара ждет вас сегодня? – удивился Уоррен.

– Возможно, нет, – ответил человек усталым тоном, – но я надеюсь, она примет меня ненадолго.

– Конечно, примет, – уверил его Уоррен. – Мистер По, рад представить вам нашу новую сотрудницу. Джемейна Бенедикт, познакомьтесь с Эдгаром Алланом По.

– Очень приятно, мисс Бенедикт, – поклонился мистер По.

Джемейна затрепетала от волнения.

– О, мистер По! Я ваша постоянная читательница. Прочитала все ваши произведения. «Бочонок амонтильядо», напечатанный в «Грудиз ледиз бук», – изумительный рассказ.

– Вы очень добры, мэм.

– Думаю, вы один из величайших писателей.

– Боюсь, некоторые не согласятся с вами. А сейчас, прошу прощения, я должен показать Саре мой последний труд. Она одна из немногих, кто все еще интересуется моими работами.

Когда По открыл дверь и вошел в кабинет Сары, Уоррен задумчиво посмотрел ему вслед.

– Несчастный парень. У него довольно затруднительное положение. Его жена Виргиния умерла в прошлом году. С тех пор здоровье его ухудшилось. Если верить слухам, он употребляет наркотики и много пьет. К тому же сейчас сво-

ими произведениями зарабатывает слишком мало.

Джемайна была потрясена.

– Но он же очень уважаемый писатель!

– Наверное, не всеми. – Уоррен взглянул на нее. – К сожалению, многие из его рассказов слишком тяжелы для восприятия большинством читателей. По-моему, мистер По опережает свое время. Возможно, когда-нибудь его огромный талант будет по достоинству оценен, но не сейчас. К тому же ты должна знать: мистер По – достаточно агрессивная личность. Он нападает на многих наших литературных светил с очень едкой критикой. Боюсь, они никогда не простят ему этого. Он даже ухитрился испортить отношения с мистером Гоуди и Сарой, но в данный момент они снова подружились. Осмелюсь сказать, Сара и Луис Гоуди – его истинные друзья.

– Печальная история, – сказала Джемайна. – Подумать только, такой талантливый человек до сих пор не признан!

– Согласен, это печально. Однако мистер По сам виноват в своих неудачах. У него слишком ядовитый язык. Образно говоря, он пишет, макая перо в яд. – Уоррен достал часы из кармана своего жилета и посмотрел на них. – Долг зовет, Джемайна. Тебе еще нужна Сара? Уверен, мистер По не задержится у нее надолго.

– Нет, я, пожалуй, пойду. Я только вчера приехала и еще не распаковала вещи. Хочу поблагодарить тебя, Уоррен, за то, что нашел время в своем напряженном графике и показал

мне издательство.

– Мне было очень приятно, – улыбнулся Уоррен. – Полагаю, ты будешь ценным пополнением в нашем коллективе, и надеюсь, мы сработаемся.

Хестер Макфи жила недалеко от своего магазина дамских шляп на Честнат-стрит.

Джемайна не стала распаковывать вещи прошлым вечером, так как не была уверена, что Сара Хейл примет ее на работу. Но сейчас, выйдя из двухколесного экипажа перед домом, где жила тетя Хестер, она едва сдерживалась. Ей хотелось танцевать и петь во весь голос. Все получилось так, как она задумала!

Дома, в Бостоне, поднялся большой шум, когда девушка объявила о своих намерениях. Мать плакала и заламывала руки, а Генри Бенедикт был взбешен и вопил на весь дом не своим голосом.

– Запрещаю! Категорически запрещаю покидать дом! – кричал он.

– Отец, я уже взрослая, – старалась успокоить его Джемайна. – И не представляю, как ты сможешь удержать меня здесь. Если только прикуешь цепями к кровати.

– Видишь, мать? – Генри повернулся к жене. – Вот к чему приводит чтение «Гоудиз ледиз бук». Теперь она считает, что можно больше не слушаться старших!

В ответ Бесс Бенедикт заплакала еще громче.

– Тише, женщина! – заорал Генри. – Этим ты не помо-

жешь. Поговори с ней, она ведь твоя дочь.

– Мама не сможет изменить мое решение, – тихо заявила Джемейна. – Что бы вы ни говорили, оно останется прежним.

Мать подняла заплаканное лицо.

– Если ты уедешь, ни один мужчина не женится на тебе. Мужчины не хотят брать в жены работающих женщин.

– Мама, ты никогда не слушаешь меня. Сколько раз я говорила тебе, что сейчас меня не интересует замужество. Уверена, когда-нибудь это произойдет, но не сейчас.

– А что скажут мои друзья, мои деловые партнеры? – сказал Генри Бенедикт. – Они подумают, что я не могу содержать тебя и потому посылаю работать!

Джемейна пристально посмотрела на отца. Он покраснел и отвернулся. Она тихо засмеялась.

– Едва ли кто-нибудь поверит, что Генри Бенедикт с Бикон-Хилла в чем-то нуждается.

Сделав последнюю отчаянную попытку, отец пообещал:

– Если ты уедешь против моей воли, я лишу тебя наследства!

– Ты никогда не сделаешь этого, папа. Я слишком хорошо знаю тебя. Но если даже и лишишь, неужели ты думаешь, это остановит меня?

Это был решительный момент, после которого, казалось, все смирились с ее отъездом. Отец все еще ворчал, но его сопротивление было сломлено.

Мать в минуту откровенности прошептала дочери, что да-

же завидует ей.

– Я никогда не жила одна – только с родителями и с твоим отцом – и часто размышляла, что значит быть свободной и независимой, по крайней мере чуть-чуть.

Свободная и независимая – вот такая она теперь, думала Джемайна, входя в дом. Тети еще не было, она часто подолгу задерживалась в своем магазине. Джемайна начала распаковывать чемодан и раскладывать вещи в спальне, которая на какое-то время стала ее комнатой.

Тетя пришла в седьмом часу. Джемайна уже покончила с вещами и готовила обед. Хестер Макфи посмотрела на накрытый стол в маленькой кухне и довольно повела носом, принюхиваясь к аппетитным запахам готовящейся еды.

– Девочка моя, ты не должна заниматься этим. Я не хочу использовать тебя в качестве поварихи или экономки.

Джемайна обняла ее.

– Это мой вклад в наше совместное домашнее хозяйство, тетя Хестер.

Взглянув на сияющее лицо племянницы, Хестер улыбнулась:

– Я чувствую, что в «Гоудиз ледиз бук» все прошло хорошо?

– Просто блестяще! Сара Хейл взяла меня на работу. Часть времени я буду заниматься редактированием, а остальное – писать собственные статьи для публикации в «Бук».

– В «Бук»? – удивленно спросила Хестер.

– Так сокращенно называют журнал все, кто работает в издательстве.

– Ну! – Хестер сняла шляпу и села за кухонный стол. – А теперь расскажи обо всем подробно.

В течение следующих двух недель Джемайна полностью ушла в работу, изучая до мельчайших деталей технологию выпуска журнала. Все было новым и волнующим, и девушка с удовольствием постигала интересное для нее дело. Сотрудники относились к ней очень доброжелательно. Казалось, все удовлетворены своей работой и обожают Сару Хейл. И не без оснований, как вскоре поняла Джемайна.

Сару нельзя было назвать «мягким» руководителем. Она придирчиво следила за выполнением порученной работы и требовала доводить результат до совершенства. Когда Сара была чем-то недовольна, она резко указывала на недостатки. Джемайна заметила, что после этого подобные ошибки редко повторялись. Однако, если работа сделана хорошо, Сара не скупилась на похвалы. Несмотря на большую занятость, она находила время, чтобы дать Джемайне полезные советы и чем-то помочь.

Даже Луис Гоуди иногда поощрял Джемайну добрым словом или одобрительным кивком. Девушка все еще побаивалась издателя, но вскоре поняла, что его грубоватость напускная, за ней скрывается добрая и довольно застенчивая натура. Через некоторое время она разгадала причину его застенчивости, которая крылась в том, что большинство со-

трудников издательства – женщины. Вот почему он вынужден вести себя в высшей степени осторожно и ни при каких обстоятельствах не проявлять даже намека на приятельские отношения.

Джемайна работала очень много как в редакции, так и дома, трудясь над своими рукописями. Она взяла домой прошлые номера журнала и усердно изучала их. Девушка сочиняла стихи и короткие рассказы, однако показывать свои творения Саре считала преждевременным.

Через несколько дней у нее появилась подруга. Клара Далхарт, несколькими годами старше Джемайны, – красивая женщина с длинными темно-рыжими волосами, блестящими зелеными глазами и полноватой фигурой, которую она довольно смело демонстрировала окружающим.

Клара являлась одной из двух непосредственных помощниц Сары. Она занималась обширной корреспонденцией главного редактора и иногда читала статьи, присланные на рассмотрение в журнал, когда Сара хотела знать еще одно мнение.

Насколько Джемайне было известно, Сара Хейл лично читает представленный на рассмотрение материал, и девушка очень удивилась, узнав, что Кларе иногда поручается повторное чтение.

– Сара не говорила мне при приеме на работу, что после меня еще кто-то будет читать присланные статьи, – сказала Джемайна.

Клара засмеялась:

– На самом деле Саре вовсе не нужно мое мнение. Это делается больше для подтверждения ее собственных выводов и только в том случае, если она сомневается.

– Непонятно.

– Ну, дело в том, что мы, как тебе уже известно, получаем огромное количество материалов. Обычно Сара немедленно дает заключение после первого чтения. Но иногда у нее возникают сомнения или вопросы относительно той или иной статьи. В этих случаях она дает почитать мне, прежде чем вернуть ее автору.

– И она соглашается с тобой?

– Довольно часто.

– А бывает, что меняет свое мнение? Клара опять засмеялась:

– Крайне редко.

– Тогда зачем все это?

– Сара говорит, что это хорошая тренировка для меня и что она не вечно будет работать здесь и кто-то в конце концов должен занять ее место. Но, надеюсь, скорее я состарюсь и поседею, чем Сара уйдет из «Бук».

Они уже довольно долго сидели в маленьком кабинете Клары, и Джемайна стала испытывать неудобство от корсета. Она встала и поправила его, так чтобы чувствовать себя более свободно.

– Что-то не так, Джемайна?

– Корсет. Он новый и жмет, – раздраженно пожаловалась девушка.

– Тогда зачем носишь его? Я уже давно отказалась. Без него гораздо удобнее. Кроме того, разве ты не знаешь, что Сара не одобряет корсетов? Она даже писала о том, что корсеты препятствуют нормальному кровотоку и отрицательно сказываются на здоровье женщин. Я тоже так считаю. Джемайна покраснела.

– Да, я знаю взгляды Сары на этот счет и полностью согласна с ней.

На следующий день Джемайна явилась на работу уже без корсета. Девушка чувствовала себя гораздо свободнее, хотя многие заметили изменения в ее одежде и шептались между собой.

Она принесла короткий рассказ, который написала недавно и отшлифовывала снова и снова, но не была полностью удовлетворена им. Тем не менее Джемайна принесла рукопись в кабинет Клары.

– Не окажешь ли мне услугу, Клара? Не согласишься ли прочитать это и высказать свое мнение?

Клара взяла рукопись с явным сомнением. Она взглянула на первую страницу.

– «Осень влюбленных». Автор Джемайна Бенедикт. Это для «Бук»?

– Надеюсь. Но не уверена, что рассказ достаточно хорош. Вот почему я хочу, чтобы сначала прочитала его ты.

– Надо отнести Саре. Все поступающие материалы первой должна читать она. Не будем нарушать порядок.

– Но вполне возможно, Сара вообще не увидит рассказа, если он недостаточно хорош.

– Ну... ладно, Джемайна. В таком случае ты должна пообещать: Сара никогда не узнает, что я первой увидела эту рукопись.

– Обещаю.

– Ладно, прочитаю, и мы поговорим об этом за ленчем.

– О, это не так спешно! Клара усмехнулась:

– Ты слишком переживаешь, не так ли? Не беспокойся, Джемайна. Хорош твой рассказ или нет, это еще не конец света.

Подруги привыкли завтракать и обедать вместе в маленьком ресторанчике в двух кварталах от здания издательства.

Джемайна уже сидела за столом, когда вошла Клара, неся рукопись под мышкой. Подруга села и протянула листы через стол.

Глядя Джемайне прямо в глаза, она сказала:

– Я ведь говорила еще до того, как прочитать рассказ, что его надо сначала показать Саре. Я была уверена, что он не так уж плох, но... он не пойдет, Джемайна. Извини.

Сердце Джемайны упало.

– Значит, все-таки ужасен! Клара покачала головой:

– Вовсе нет. Рассказ написан прекрасно. Ты хорошо пишешь, Джемайна. Однако то, что публикуется в «Бук», рас-

считано на светских читательниц. Это в основном романтические, сентиментальные истории. К сожалению, в твоём рассказе слишком много реализма.

– Но ведь многие статьи в журнале отражают действительность.

Клара кивнула:

– Да, это так. Но они не являются художественными произведениями. Я прочитала твою первую статью, которую ты прислала Саре. Но это именно статья. И очень хорошая. Хочешь совет?

– Конечно, – тотчас согласилась Джемайна.

– Прежде всего должна признаться, мне не очень-то по душе многие рассказы и стихи, публикуемые в «Бук». Однако они очень популярны среди читателей, и потому число наших подписчиков не меньше, чем у других журналов, если не больше. Конечно, некоторые рассказы нравятся мне, особенно написанные мистером По, и это исключение. – Помолчав немного, Клара продолжила: – Я получаю удовольствие в основном от статей. Теперь ты уже поняла: Сара похожа на крестоносца, сражающегося за права женщин, как и мистер Гоуди, хотя тот более осторожен. Например, Сара борется за право женщин голосовать. Она выступает за строительство общественных детских площадок для игр, за улучшение условий труда женщин. Она активно поддерживает законы, запрещающие детский труд, и тех, кто отстаивает свои права. Ты знаешь об Элизабет Блэквел?

Джемайна кивнула:

– Да, я слышала о ней. Это та женщина, которая хочет стать врачом?

– Верно. – Клара улыбнулась. – Она давно добивалась приема в колледж, и, вероятно, у нее ничего бы не получилось, если бы не Сара. Сара боролась за нее всеми возможными способами и наконец добилась своего: Элизабет приняли в Дженивский колледж в штате Нью-Йорк. В этом году она собирается получить диплом врача.

Джемайна хлопнула в ладоши.

– Мне кажется, это просто замечательно!

– Мне тоже. Я также думаю, было бы неплохо опубликовать в «Бук» интервью с Элизабет Блэквел. Что чувствует первая в стране женщина, ставшая студенткой медицинского колледжа? С какими предрассудками пришлось ей столкнуться, какие трудности пришлось преодолеть?

– Ты полагаешь, я смогу сделать такое интервью? – с испугом спросила Джемайна.

– Конечно.

– Но я никогда не делала ничего подобного.

– Когда-то надо начинать, Джемайна. Думаю, у тебя получится. Понимаешь, мистер Гоуди постепенно меняет направление журнала. Ты ведь знаешь, что слово «мэгэзин», как первоначально назывался наш журнал, означало «сборник». Тогда мистер Гоуди стремился издавать сборник рассказов, которые, по его мнению, должны были понравиться женщи-

нам. Но женщины стали более грамотными и искушенными, чем были раньше, когда он начинал журнал. Поэтому Гоуди заставил Сару публиковать больше материалов, которые отвечали бы вкусам женщин с более высокими запросами, чтобы журнал не ограничивался обычными статьями о моде, о кулинарии, об архитектуре, а также романтическими историями и стихами. Сара же хочет добавить в журнал материалы, которые заставляли бы женщин размышлять. При этом с каждым разом статьи становятся все более дерзкими, даже спорными. Сара постепенно навязывает мистери Гоуди свой образ мышления.

Несмотря на сомнения, Джемайна почувствовала необычайный прилив энергии.

– Но почему ты думаешь, что Сара доверит мне, новичку, такое важное интервью?

– Ну... – Клара заколебалась. – У нее уже была статья об Элизабет Блэквел, которую она собиралась опубликовать, но мистер Гоуди воспрепятствовал этому, и Сара сдалась. Она говорила мне, что не стала слишком сопротивляться, так как была не совсем довольна статьей. Мужчина, написавший ее, не являлся работником редакции, и потому Сара не очень дорожила его мнением. Однако если ты, женщина, дашь ей то, чего она хочет, думаю, Сара сможет противостоять мистери Гоуди.

– Я поговорю с ней об этом сейчас же.

– Не надо слишком торопиться, – медленно проговорила

Клара. – Хочешь услышать другое предложение?

– С радостью.

– Почему бы тебе не сделать это интервью независимо от кого-либо?

– Ты имеешь в виду, не сообщив предварительно Саре? – ужаснулась Джемайна. – Я не могу поступить так!

– Почему? Саре нравится инициатива. Сначала она, возможно, расстроится, но потом все будет в порядке, если интервью окажется хорошим.

– А если нет?

– Да! Я уверена в этом. А если нет... – Клара пожала плечами. – Мы все должны чем-то рисковать, Джемайна.

– Но согласится ли Элизабет Блэквел на интервью с журналисткой, о которой раньше ничего не слышала?

– Скажи, что ты работаешь на Сару. Блэквел в большом долгу перед ней, и я уверена, она с радостью согласится сотрудничать.

– Но я не хочу обманывать Элизабет!

– Как? Ты ведь действительно работаешь на Сару. – Клара наклонилась вперед. – Не бойся, Джемайна. Сделай это! Поезжай в Джениву. Путешествие и интервью займут у тебя всего несколько дней.

– А что я скажу Саре? Клара пожала плечами:

– Скажи, что тебе надо срочно поехать в Бостон. Что-то случилось в семье.

– Я не могу врать ей. Клара вздохнула:

– Ладно, предоставь это мне. Я улажу этот вопрос с Сарой.

Джемайна долго сидела, глядя в тарелку, и размышляла. Затем откусила кусочек хлеба. Несмотря на заверения Клары, девушка знала, что очень рискует в этом деле. Она уже однажды круто изменила свою жизнь, приехав сюда. Сейчас у нее была работа, которая нравилась ей больше всего на свете. И вот, проработав в «Бук» всего ничего, принимает серьезное решение, которое может стоить ей должности.

Однако мысль об интервью с Элизабет Блэквел, которая скоро станет первой женщиной-врачом в Соединенных Штатах, чрезвычайно ее волновала. А если она сможет успешно провести его, а затем написать статью, которую одобрит Сара, и опубликовать под своей фамилией... Клара права: рассказы и стихи – это не ее конек.

Наконец Джемайна решительно подняла голову.

– Я сделаю это!

Клара широко улыбнулась:

– Удачи тебе, Джемайна! – Затем взгляд ее сделался грустным. – Знаешь, я немного завидую тебе. У тебя талант. Мне всегда хотелось писать, но... Я неплохой редактор, но автором никогда не смогу стать.

Не зная, что ответить, Джемайна в замешательстве отвернулась. Затем ее взгляд упал на знакомую фигуру в дальнем углу комнаты. Уоррен Баррикон сидел за столиком в одиночестве. Голова его склонилась над тарелкой, плечи поникли.

– Вон Уоррен, – сказала Джемайна. Клара повернулась. –

Он выглядит таким одиноким. Может быть, пригласим его присоединиться к нам?

Клара покачала головой:

– Нет, не стоит. Возможно, ты еще не заметила, но Уоррен предпочитает одиночество.

– Почему? Он кажется вполне дружелюбным.

– О, это только в редакции. Однако он никому не позволяет вторгаться в свою личную жизнь.

– В личную жизнь? Что ты имеешь в виду?

– Никогда не передавай ему, что я скажу тебе, Джемайна. – Клара понизила голос. – Дело в том, что его жена больна и прикована к постели уже долгое время. Врачи говорят, вряд ли она когда-нибудь выздоровеет.

– Несчастный! – Джемайна снова посмотрела на Уоррена, вспомнив о грусти, которая промелькнула в его глазах еще при первой встрече. Теперь она знала причину. – А что с ней такое?

– Не знаю. И кажется, никто не знает, даже врачи. Это самое печальное. Если бы знали, то, возможно бы, вылечили.

– У них есть дети?

– Слава Богу, нет! Если бы у них были дети, бедный Уоррен не вынес бы такой тяжести.

В этот вечер Уоррен Баррикон решил выйти из конки, не доезжая квартала до своего дома, небольшого кирпичного строения на окраине Филадельфии. Он прошел, с трудом переставляя ноги, вдоль квартала и поднялся по ступенькам

крыльца.

Уоррен любил Элис всем сердцем, но в последнее время, сам того не осознавая, начал страшиться возвращения домой. Жена болела уже больше года и все больше чахла. Элис никогда не жаловалась, не ныла по поводу своего ужасного положения и всегда приветствовала его с улыбкой, хотя испытывала постоянную боль. Вечером в доме никого не было, кроме миссис Райт, которая приходила ежедневно – ухаживать за Элис и убирать в доме. Миссис Райт с нетерпением ждала минуты, когда Уоррен войдет в дверь, чтобы тут же уйти.

Если бы у них были дети! Конечно, они создали бы дополнительные проблемы, и пришлось бы нанимать еще кого-то в помощь, но ему улыбались бы веселые лица, счастливый смех звучал бы в доме, и маленькие ножки спешили бы к нему навстречу, когда он войдет в дверь... Сколько радости, хоть и омраченной болезнью Элис, они принесли бы в дом!

Однако за три года супружества Элис не родила ему ни одного ребенка. Она всегда была очень слаба, и вскоре после женитьбы ее состояние ухудшилось. Врачи предупредили, что она может не пережить рождение ребенка. А теперь уже слишком поздно.

Уоррен замер с ключом в руке. Его мысли против воли вернулись к ленчу. Он увидел Джемайну Бенедикт в ресторане и незаметно стал изучать ее. Его потянуло к ней с самой первой встречи – девушка выглядела достаточно здоровой,

чтобы родить мужчине детей...

Уоррен с усилием постарался отвлечься от мыслей о Джеймайне. Со вздохом повернув ключ в двери, он открыл ее и вошел в дом.

Миссис Райт, полная женщина средних лет, приветствовала его в холле. Она уже надела плащ и держала в руке сумочку, готовая уйти.

Уоррен кивнул ей.

– Миссис Райт.

– Ужин готов и греется на плите. Я потушила прекрасное мясо. Пожалуйста, заставьте миссис Баррикон поесть. Ей необходимы силы.

– Постараюсь, миссис Райт, но она... – Он замялся. – Как она сегодня?

– Все так же. До свидания, мистер Баррикон.

– До свидания, миссис Райт.

Когда дверь за ней закрылась, Уоррен распрямил плечи и прошел через холл в спальню, восклицая сердечным голосом:

– Элис, дорогая, я – дома!

Глава 4

Едва поезд тронулся, как Джемайна погрузилась в чтение истории Элизабет Блэквел. В издательстве хранились многочисленные подшивки газет и журналов, и девушка с помощью Клары нашла необходимый материал.

Она внимательно изучала записи, сделанные накануне ее аккуратным наклонным почерком.

– Привет!

Джемайна вздрогнула и подняла голову, инстинктивно прикрыв ладонью листы. Рядом, глядя на нее, стоял Оуэн Тэзди, держа в одной руке шляпу, в другой – трость.

– Мистер Тэзди! Какой сюрприз.

– Да. – Улыбка его была теплой и дружеской. – Я узнал вас со своего места в конце вагона, но не был до конца уверен. Хотелось убедиться. Могу я сесть? – Он указал тростью на свободное место рядом с ней.

Джемайна на мгновение заколебалась, недовольная тем, что прервали ее чтение. Однако в этом мужчине было столько обаяния и магнетизма, что она не смогла отказать. Джемайна подвинулась к окну.

– Конечно, мистер Тэзди. Пожалуйста.

– У вас передо мной некоторое преимущество, – сказал он.

– В чем именно, сэр?

– Вы знаете мое имя, в то время как я в полном неведении относительно вашего.

– О! Я Джемайна Бенедикт.

– Джемайна, – задумчиво повторил он. – Мне нравится это имя. Но откуда вам известно мое?

– Мне сообщила его Сара Хейл.

– А-а, вспомнил – вы работаете в «Гоудиз ледиз бук»!

– Да.

– Странно. Я часто захожу туда, мы с Сарой старые друзья, однако никогда не встречал вас там, за исключением того злополучного столкновения у двери. – На губах его промелькнула улыбка, он посмотрел на нее быстрым оценивающим взглядом. – Не понимаю, как мог пропустить вас. Я сразу замечаю хорошеньких женщин.

– Да, Сара говорила мне об этом, – сказала Джемайна холодным тоном. – Я только недавно начала работать в издательстве.

– Тогда понятно. Что еще Сара рассказала вам обо мне?

– Она предупредила меня относительно вас, причем очень строго. – Джемайна улыбнулась своей колкости.

Лицо его приняло печальное выражение.

– Саре надо верить. Ее предупреждение испугало вас, Джемайна?

– Конечно, нет. Чего мне бояться? – Она вызывающе посмотрела на него.

Оуэн небрежно пожал плечами:

– Разумеется, на это нет причин. Я же не чудовище. – Его взгляд упал на листки бумаги на ее коленях. – Вы пишете что-то для «Годиз ледиз бук»? Поскольку вы работаете в такой обстановке, могу предположить, что вы – автор статей.

– Да, я – редактор-корреспондент, – уклончиво ответила Джемайна.

– Всегда считал, что в словосочетании пишущий редактор есть некоторое противоречие. По моему глубокому убеждению, редактор и писатель – антагонисты. Сама суть редактирования прямо противоположна результату писательской деятельности.

– Мне кажется, это довольно спорное мнение, и Сара, боюсь, не согласилась бы с вами.

– Возможно, работа в журнале отличается от работы в газете. Писать для газеты, чем я и занимаюсь, означает писать то, что важно и интересно, и я всегда в ссоре с редакторами, которые правят мои статьи.

Джемайна возмутилась:

– «Бук» также публикует статьи и рассказы о людях и событиях, которые представляют интерес!

– Но в журнале не отражаются текущие события, то, что произошло сегодня и, самое позднее, вчера. – Он едва скрывал свое презрительное отношение к журналам.

– Газеты также публикуют статьи о людях и событиях прошлого.

– Я не пишу такие вещи. Нет ничего более волнующего,

чем писать о текущем моменте. Во всем остальном уже нет новизны.

– Не согласна с вами. Мне кажется, читателям нравятся глубокие статьи о выдающихся личностях, когда автор уделяет достаточно много места анализу и может высказать свое мнение по тому или иному вопросу.

Оуэн махнул рукой.

– Мое дело – сообщать новости, а не читать полученный материал. Это работа редактора. Именно этим вы и занимаетесь, не так ли? Вы ведь редактор?

Уязвленная, Джемайна не могла не возразить:

– Возьмем, например, ваш глаз. Оуэн недоуменно посмотрел на нее:

– Мой глаз?

– Тот, что с повязкой. – Несмотря на все усилия, Джемайна ловила себя на том, что время от времени посматривала на его повязку. – Объективное изложение событий, что бы ни случилось, заняло бы всего несколько строчек: как это произошло и когда. Возможно, указали бы еще причину, хотя скорее всего – нет. Но читателю любопытно было бы знать, не только почему это произошло, но и что вы чувствовали при этом и как потеря повлияла на вашу дальнейшую жизнь. Как писательнице, мне это было бы чрезвычайно интересно.

Оуэн вдруг побледнел, и на мгновение Джемайна испугалась, что зашла слишком далеко. Он выглядел разъяренным. Ей даже показалось, что он сейчас набросится на нее. Но, к

удивлению девушки, Оуэн откинул голову назад и разразился громким смехом.

– Должен заметить, вы довольно наглая девица, – проговорил он, задыхаясь. – Мало кто из мужчин, а тем более женщин осмелился бы даже намекнуть на повязку на моем глазу.

– Я не хотела обидеть вас. Извините, – быстро проговорила она. – Очень жестоко с моей стороны касаться этой темы.

Оуэн махнул рукой.

– Я не обиделся, не беспокойтесь. Полагаю, Сара поведала кое-что об этом?

– Лишь мельком упомянула, – робко призналась Джемайна. – Из ее слов я поняла, что никто толком не знает, как вы потеряли глаз, и что вы сами рассказываете об этом поразному.

– Предположим, что это случилось на дуэли с редактором из-за разногласий по моей статье. Вы поверите в это?

– А я должна верить? – холодно спросила Джемайна.

Он безразлично пожал плечами и отвернулся.

– Меня не волнует, во что вы верите, мисс Бенедикт.

В его голосе прозвучали нотки горечи, и Джемайна решила, что его очень волнует данная тема, если и не сама потеря глаза, то по крайней мере причина, по которой это произошло.

Они сидели некоторое время молча. Мерное покачивание вагона и стук колес действовали почти гипнотически.

– В любом случае наш спор бесполезен, – наконец произ-

нес Оуэн. – Сомневаюсь, что вам когда-нибудь придется редактировать мои статьи. Сферы интересов наших печатных органов далеки друг от друга.

– Вам когда-нибудь приходилось брать интервью?

Он с удивлением посмотрел на нее:

– Конечно.

– Тогда я не уверена, что мы так уж далеки друг от друга.

В данный момент я еду взять интервью у... очень известной особы. – Это было необдуманное заявление, и Джемейна тут же пожалела о нем.

– Вы действительно хотите сравнить «Бук» с моей газетой? – недоверчиво спросил Оуэн.

– Ну да, некоторым образом. Правда, есть существенные отличия, но цель обоих изданий – рассказывать правду.

– Правду! – Тэзди засмеялся. – Вы знаете, как Эдгар Аллан По несколько лет назад назвал «Гоудиз ледиз бук» в обзоре, которое он озаглавил «Литература наших журналов»? «Умный журнал для развлечения дам»!

– И тем не менее он публикуется в «Бук».

– Только потому, что нуждается в деньгах. Я считаю По гением, но, к несчастью, его талант остается неоцененным. Поэтому бедняга вынужден продавать свои труды куда только возможно.

– Что ж, по крайней мере мы хоть в чем-то нашли согласие, – горячо сказала Джемейна. – Я имею в виду талант мистера По.

Разозлившись, она отвернулась и смотрела невидящим от негодования взором на мелькающий за окном пейзаж. Этот мужчина просто невыносим! Высокомерный, чрезмерно самоуверенный, считающий, что женщина ни в коем случае не может конкурировать с ним.

– Джемайна... – Он коснулся ее руки. – Вы злитесь на меня. Приношу свои извинения.

Девушка неохотно повернулась к нему. Тэзди дружелюбно ей улыбнулся.

– Знаю, меня порой заносит. Должен признаться, я в чем-то старомоден. Все еще придерживаюсь мнения, что место женщины – в доме, а профессиональная деятельность прежде всего для мужчин. – В его улыбке чувствовалось явное сожаление. – Полагаете, я боюсь, будто женщины составят мужчинам конкуренцию? Некоторые опасаются именно этого.

Его тон и манеры полностью обезоружили ее.

– Вам нечего опасаться. – Она неожиданно улыбнулась. – Тем более меня, мистер Тэзди.

– Джемайна...

Он коснулся пальцами ее руки. Его прикосновение словно обожгло ее, девушка неожиданно ощутила его близость: его бедро касалось ее бедра, она почувствовала запах рома, исходящий от Оуэна.

– Чтобы искупить свою вину, буду рад пригласить вас на ужин, когда мы окажемся в Нью-Йорке. А возможно, в театр.

– Боюсь, не смогу принять ваше приглашение. Я должна буду сразу же, как только выйду из поезда, отправиться дальше.

– А далеко вы едете?

– В... – Она замолчала. – Извините, не могу сказать.

– Почему? – Его любопытный взгляд сменился пониманием. – О Боже, вы боитесь проговориться, думаете, я узнаю, к кому вы едете, и первым возьму интервью!

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– А вы бы открылись мне, если бы направлялись к кому-то за интервью?

– Это не одно и то же, и уж, конечно, я бы не стал бояться вас. О, не могу поверить! – Он засмеялся, постукивая тростью по полу. Затем, глядя на ее расстроенное лицо, вдруг посерьезнел. – Ну вот, снова обидел вас. Прошу прощения. Однако вам не стоит беспокоиться, у меня это не рабочая поездка. Я в отпуске. – Он заговорил более мягким тоном: – Может быть, вы все же останетесь на одну ночь в городе и поужинаете со мной?

– Не могу, мистер Тэзди, – холодно отказалась Джемайна. – Уверена, вы найдете с кем поужинать.

Оуэн оценивающе посмотрел на нее.

– Никто из них не хорош так, как вы, Джемайна. Уверю вас...

Прибыв в полдень в Джениву, расположенную на северо-западном берегу озера Сенека, Джемайна сняла номер в отеле. Приведя себя в порядок после долгого и утомительного пути, она присела отдохнуть и постаралась припомнить все, что ей известно о Дженивском колледже. Он был основан в 1822 году, а через пять лет, в 1827-м, в нем появился медицинский факультет. После того как выдающимся врачам было отказано в возможности преподавать в штате Нью-Йорк, Дженивский колледж единственный открыл перед ними свои двери.

Этот колледж отличался и другими нововведениями. Например, первым в стране принял в число студентов медицинского факультета женщину.

К вечеру Джемайна подходила к пансиону мисс Уоллер, где жила Элизабет Блэквел. В воздухе повеяло прохладой – здесь температура была гораздо ниже, чем в Филадельфии.

Здание пансиона находилось в очень хорошем состоянии. Стены снаружи были свежеекрашены, внутри царил чистота. Девушку проводили в гостиную, где ее ждала мисс Блэквел. Джемайна знала, что ей двадцать шесть лет, но выглядела она старше. Видимо, из-за серьезного выражения лица, решила девушка. Мисс Блэквел не была красавицей – щеки у нее слишком худы, подбородок квадратный, голубовато-се-

рые глаза глубоко посажены под низкими густыми бровями. Однако во всем ее облике чувствовались воля и ум. Она какое-то время изучала Джемайну холодным внимательным взглядом. Соломенного цвета волосы ниспадали прямыми прядями.

Затем радушно приветствовала гостью:

– Добро пожаловать, мисс Бенедикт. Как поживает дорогая Сара?

– Хорошо. Занята, как всегда. Мисс Блэквел кивнула.

– Без поддержки Сары меня вряд ли приняли бы в колледж. Однако должна признаться: я в некотором замешательстве. У меня не брали интервью, но, по-моему, «Гоудиз ледиз бук» уже собирался однажды опубликовать статью обо мне.

– Решили не печатать ее. По мнению Сары, статья оказалась непригодной, – поспешно сказала Джемайна. Она огляделась и попыталась сменить тему разговора: – У вас хорошее жильё. Вам повезло.

– Повезло – не то слово, – проговорила мисс Блэквел сухим тоном. – Найти жильё в пансионе было так же трудно, как поступить в колледж.

Джемайна достала блокнот и перо.

– Вы имеете в виду нехватку комнат?

– О, свободные комнаты были. Я обошла пять пансионатов, и везде висели объявления о сдаче комнат, но мне отказывали. Одна из хозяек доверительно сообщила мне, что не мо-

жет сдать комнату женщине, желающей стать врачом. Наконец я встретила родственную душу в лице мисс Уоллер.

– Хорошо, что вам удалось найти колледж, который принял вас. Какими же прогрессивными должны быть руководители факультета, чтобы пойти против традиций!

– Прогрессивными? О, моя дорогая! – Мисс Блэквел громко рассмеялась. – Разве Сара не рассказывала вам, как я попала в Дженивский колледж?

– Нет.

– Я несколько раз пыталась поступить на медицинский факультет колледжа. Сара помогала мне чем могла, но все двери передо мной закрывались. Затем ей удалось убедить уважаемого филладельфийского врача написать письмо сюда и рекомендовать меня в качестве студентки – я изучала медицину в его клинике, чего, конечно, было недостаточно, чтобы квалифицировать меня как врача. Доктор Уоррингтон письмо написал. Получив его, на факультете не знали, что делать. Не хотелось обидеть хорошего врача, и потому там пошли на хитрость, чтобы снять с себя ответственность за отказ. Было решено обсудить этот вопрос со студентами. Если те единодушно согласятся принять меня, я смогу посещать колледж. Конечно, при этом не имелось в виду, что студенты примут положительное решение.

Джемайна деловито делала записи, но при последних словах подняла голову:

– Почему?

– Дело в самих студентах. На факультете учится около ста пятидесяти человек, в основном молодых людей из соседних городов. Это сыновья фермеров, торговцев и тому подобное. Их мало интересует медицина. Они предпочитают больше развлекаться, чем учиться. Среди местных жителей бытует мнение: даже ни на что непригодный парень всегда может стать врачом. Многие студенты ведут себя так буйно, что горожане требуют исключить их или вообще закрыть колледж.

– Однако студенты, очевидно, все-таки проголосовали за то, чтобы вас приняли.

– Да – ради развлечения. Джемайна снова оторвалась от записей.

– Ради развлечения?

– Ну да. Как я уже говорила, это буйные, непокорные парни. Им стало известно, что руководство факультета рассчитывает на отрицательный результат голосования. Поэтому из чувства противоречия они проголосовали «за». Кроме того, им было очень интересно – иметь в своих рядах единственную женщину. Как я узнала позже, многие также полагали, что меня все равно не внесут в списки, а если даже это произойдет, то я не выдержу и одного семестра.

– Вам очень мешали? Я имею в виду студентов.

– Странно, но они досаждали мне гораздо меньше, чем я ожидала. Нашлись, конечно, пакостники, но большинство вело себя достаточно прилично. – Мисс Блэквел улыбнулась. – В конце концов один из докторов, мистер Ли, при-

шел к заключению, что мое присутствие в аудитории оказывает явно положительное воздействие на хулиганов. – Лицо ее приняло серьезное выражение. – Печальнее другое: горожане отнеслись ко мне более враждебно, чем студенты.

– О чем вы?

– Когда я впервые появилась в городе, стоило мне выйти на улицу, как люди собирались, чтобы поглазеть на меня, будто на диковинное животное. Вскоре я узнала: горожане искренне считают, что я либо шлюха, либо сумасшедшая. Поэтому я редко выхожу куда-нибудь. – Мисс Блэквел пожала плечами. – Я нахожусь либо в пансионе, либо в колледже. Это не так уж обременительно, поскольку учеба занимает все мое время.

– Что касается учебы... – Джемайна замолчала в нерешительности. – Не находите ли вы требования слишком высокими для вас?

– Да, некоторые вещи даются мне с трудом, особенно в анатомическом классе, где мы делали первое вскрытие трупа, а также когда начали изучать репродуктивные органы. – Мисс Блэквел мрачно улыбнулась. – Как только мы дошли до изучения этого предмета, доктор Вебстер потихоньку разрешил мне не посещать занятия. Но я решила пройти через все, с чем может столкнуться будущий врач. И выдержала, хотя сначала и была шокирована. Некоторые студенты краснели, другие хихикали, многие украдкой поглядывали на меня. Мне стоило больших усилий сохранять самообладание.

– Скажите, мисс Блэквел, что заставило вас принять решение стать врачом, несмотря на все трудности?

– На то несколько причин. – Мисс Блэквел задумчиво посмотрела на Джемайну. – Мой отец умер ужасной смертью, как и тетя, и я всегда думала о том, что они не скончались бы так преждевременно, если бы получили необходимую медицинскую помощь. Но окончательно на мое решение повлияла близкая подруга нашей семьи Мэри Дональдсон. – Немного помолчав, мисс Блэквел продолжила: – Ужасно умирать от рака. Болезнь измучила ее. Она откровенно рассказывала мне, как ей тяжело. Но больше всего она страдала оттого, что ее обследовал и лечил мужчина. Умирая, Мэри Дональдсон посоветовала мне попытаться стать врачом. Меня поразила эта идея, но Мэри заставила пообещать, что я по крайней мере подумаю об этом.

С того дня мысль стать врачом не выходила у меня из головы. Конечно, я считала ее бредовой. Женщина-врач – небывалое в истории событие! Я слышала о мадам Рестел из Нью-Йорка, которая называла себя врачом, о ней писали все газеты. На самом же деле она всего лишь делала подпольные аборты, приобретя известность и богатство благодаря своей более чем сомнительной практике...

Вернувшись в Филадельфию, Джемайна очень много работала над статьей. Наконец, добившись удовлетворительного результата, она с трепетом направилась к Саре Хейл. От Клары девушка узнала, что Сара не спрашивала о ней в ее

отсутствие.

Когда Джемайна вошла в кабинет Сары, та подняла голову и улыбнулась ей.

– Дома все в порядке, Джемайна? Ты ведь знаешь, я не очень строго отношусь к подчиненным. Если тебе крайне необходимо было поработать дома, ты могла бы спросить разрешения непосредственно у меня, а не действовать через Клару. Клара сказала мне, что все произошло довольно неожиданно, но даже в этом случае...

Джемайна с внутренней дрожью стояла перед столом главного редактора, прижимая к груди рукопись.

– Это ложь, Сара. Я не должна была втягивать в это дело Клару. Я поступила очень малодушно.

Сара нахмурилась. – Ложь? Не понимаю.

– Я ездила в Джениву, взяла интервью у Элизабет Блэквел и написала статью о ней. – Джемайна положила рукопись перед Сарой. – Вот она.

В гневном порыве Сара подалась вперед, глаза ее сверкали.

– Ты занималась этим, не спросив у меня разрешения? Я же предупреждала, что такие материалы должны делаться только по заданию.

– Я боялась, что если приду к тебе... Сара пристально посмотрела на нее.

– Боялась! Мне кажется, ты слишком нахальна, девочка! Сколько ты работаешь здесь? Три месяца? И уже соверша-

ешь подобные вещи?

– Была причина, по которой я не могла прийти к тебе, – еле слышно выдохнула Джемейна. – Думала, что ты не разрешишь мне взять это интервью.

– И не ошиблась! – Сара стукнула ладонью по столу. – Я бы так и поступила...

– Пожалуйста, Сара, – прервала ее Джемейна. – Не предпринимай ничего, пока не прочитаешь статью. А потом я приму любое твоё решение.

– Какая наглость! За все годы работы редактором я никогда... – Она посмотрела на рукопись, и помимо ее желания рука сама потянулась к ней.

Сара подняла голову. Ее гнев немного спал.

– Хорошо, я прочитаю статью. А сейчас тебе лучше оставить меня, девочка, пока я окончательно не вышла из себя.

Облегченно вздохнув, Джемейна повернулась, чтобы уйти.

– Джемейна?

Девушка обернулась, вопросительно взглянув на Сару.

– Как Элизабет отнеслась ко всему этому? Ты не... – Сара подозрительно сузила глаза. – Надеюсь, ты не сказала ей, что это я прислала тебя?

– О нет! Я только сообщила, что работаю в «Гоудиз ледиз бук». Мисс Блэквел была более чем любезна.

Сара облегченно кивнула головой. Она подождала, пока за Джемейной закрылась дверь, затем откинулась в кресле,

не отрывая от нее взгляда. Первоначальный приступ гнева прошел, но настроение было испорчено. Такое поведение непростительно даже для тех, кто уже давно работает в журнале, а тем более для новичка.

Вдруг ни с того ни с сего Сара тихо рассмеялась. Сколько раз она говорила Луису, что ей нужны энергичные, инициативные, а также одаренные редакторы и писатели? Так вот, эта девочка, несомненно, очень энергичная и инициативная!

Ближе к концу дня Джемайну позвали в кабинет Сары. Она шла будто на гильотину. Первый взгляд на начальницу не принес успокоения – она была сурова и сдержанна.

– Садись, Джемайна, – коротко бросила Сара. Когда Джемайна присела на кончик стула, та продолжила: – Я никак не могла решить, что мне делать с тобой. Ты произвела на меня очень хорошее впечатление за то короткое время, что проработала с нами. Ты очень старательная и трудолюбивая сотрудница и хорошо проявила себя в учебе. И тем не менее могу ли я оставить такой поступок без наказания?

Джемайна сидела, вся напрягшись и не осмеливаясь говорить.

– Только что ко мне приходила Клара и призналась, что в значительной степени повлияла на тебя в принятии этого безответственного решения.

Джемайна наконец решила, что необходимо высказаться:

– Да, она предложила написать такую статью, но вся ответственность за поступок лежит на мне, а не на ней.

– Верность подруге – весьма достойное качество. Одобрю. Однако...

Джемайна не могла больше ждать.

– А как статья, Сара? Она ужасна?

Сара пристально посмотрела на нее, затем засмеялась.

– Это единственное, что беспокоит тебя, не так ли? Если бы не статья, я бы, наверное, уволила тебя.

Джемайна затаила дыхание.

– В действительности... – Сара еще больше смягчилась. – Для новичка это прекрасно сделанный материал. Ты уловила сущность Элизабет Блэквел, какой я знаю ее. Ты нарисовала прекрасный портрет пером и чернилами, Джемайна.

Джемайна почувствовала, что начинает краснеть.

– О, благодарю, Сара!

– Не стоит. Я не скуплюсь на похвалы, когда работа заслуживает этого, – молвила Сара немного саркастически. – Теперь вопрос: что делать с ней?

– Разумеется, опубликовать, если ты считаешь ее достаточно хорошей.

– Если бы все было так просто, – со вздохом сказала Сара.

– Боюсь, я не понимаю, в чем дело.

– Возможно, ты не знаешь, но у меня уже есть статья, посвященная Элизабет.

– Клара упоминала об этом, но, как она говорила, материал недостаточно хорош, чтобы печатать его.

– Действительно, ниже среднего уровня, но я бы исполь-

зовала его. Однако Луис считает, что написанное об Элизабет отдает политикой. А поскольку статья к тому же не очень хороша, я не стала отстаивать ее.

Джемайна наклонилась вперед.

– А моя?

Сара с усмешкой посмотрела на девушку.

– Ты хочешь бороться с Луисом за публикацию своей статьи?

– Бороться с мистером Гоуди? Не знаю, я... – Джемайна выпрямилась. – Да, если ты считаешь, что это необходимо.

– О, конечно, необходимо. Возможно, нам вместе удастся убедить его. Я попросила Луиса прийти в мой кабинет в четыре. – Сара посмотрела на старинные часы в углу комнаты. Они показывали без пяти четыре. – Обычно он очень пунктуален.

Как бы в подтверждение ее слов раздался стук в дверь. Сара откинулась назад с улыбкой на лице, и Джемайна поняла, что ей доставляет удовольствие мысль о предстоящем сражении.

Вошел Луис Гоуди и остановился, увидев Джемайну.

– Луис, – начала Сара, – ты помнишь Джемайну Бенедикт?

– Конечно. Как поживаете, мисс Бенедикт? – холодно спросил он, затем повернулся к Саре: – В чем дело, Сара? Ты говорила, что надо обсудить нечто важное.

– Именно так. Но прежде... – Она взяла рукопись Дже-

майны и протянула ему через стол. – Думаю, тебе следует прочитать это.

Гоуди осторожно взял листы и, усевшись в кресло рядом с Джемайной, стал читать. Дойдя до конца первой страницы, он сердито поднял голову:

– Так это опять о Блэквел!

– Пожалуйста, Луис, прочитай все до конца, – настоятельно попросила Сара.

Пожав плечами, он продолжил чтение. Джемайна сидела очень тихо и мысленно уже готовила доводы в защиту своей работы.

Наконец издатель поднял голову, взглянув сначала на Сару, затем на Джемайну.

– Поскольку здесь стоит ваша подпись, мисс Бенедикт, полагаю, это написано вами. Прекрасная работа!

Джемайна воспарила, окрыленная надеждой, затем снова насторожилась, когда Гоуди сказал Саре:

– Кажется, у нас уже была статья на эту тему.

– Прежде всего ты должен признать, Луис, что эта намного лучше предыдущей.

– Очевидно. Однако меня беспокоит не ее качество, а сама тема.

К своему ужасу, Джемайна услышала, как неожиданно для себя произнесла:

– А что плохого в этой теме, сэр? Гоуди внимательно посмотрел на нее.

– Юная леди, не ваше дело решать, что публиковать в моем журнале!

– Кому же, как не автору, отстаивать свою статью? – поддержала Сара. – Не сдавайся, Джемайна, – добавила она с одобрительным кивком.

Дело обернулось так, что дискуссия развернулась теперь между Луисом Гоуди и Джемайной.

– Моя позиция заключается в том, чтобы избегать политической полемики, мисс Бенедикт, – объяснил Гоуди.

– Не вижу в этой теме никакой политики, – возразила Джемайна. – Мисс Блэквел не стремится к общественной деятельности, а просто пытается стать врачом.

– Однако многие политические деятели были против ее поступления в медицинский колледж.

– Уверена, что многие мужчины были против этого, – сказала Джемайна, делая ударение на слове мужчины. – Но насколько я помню, вы не принадлежали к их числу, мистер Гоуди. Именно вы разрешили Саре оказать поддержку мисс Блэквел. Элизабет говорила, и я процитировала ее высказывание в статье, ее никогда не приняли бы в медицинский колледж без поддержки «Бук».

– Верно, и она вскоре станет доктором. Элизабет достигла того, чего хотела, зачем же снова возбуждать общественное мнение, публикуя эту статью?

– Мне казалось, наш долг – научить женщин добиваться своего.

Гоуди закрыл глаза.

– Что-то очень знакомое...

– Я цитирую то, что писала Сара в «Бук», – напомнила Джемайна.

Сара нетактично фыркнула.

– Попался, Луис!

– Но это только подтверждает мою позицию: материал публиковался до того, как Элизабет Блэквел приняли в колледж.

– Сара также писала, что веками в обязанности женщин входило заботиться о больных в доме. Почему же не дать им медицинское образование, чтобы они усовершенствовали свои знания и могли бы стать настоящими врачами? Даже такая выдающаяся личность, как доктор Оливер Вендел Холмс, согласился с тем, что женщинам надо разрешить посещать лекции по медицине.

– Юная леди, все это мне хорошо известно, – раздраженно молвил Гоуди. – Однако не доказывает необходимость публикации вашей статьи.

– А как же остальные?

– Что вы имеете в виду?

– Статья могла бы поддержать тех, кто хочет последовать примеру мисс Блэквел. Она как раз и говорит о том, что решительные женщины могут добиться своей цели.

– Я не намерен предлагать им такую поддержку, – проворчал Гоуди. – Моя цель – развлекать их.

– А также информировать и образовывать. Могу процитировать ваши же слова по этому поводу...

– Не стоит. – Гоуди поднял руки, прерывая Джемайну. Лицо его сделалось красным. – Я не хочу слушать свои собственные слова из уст дерзкой молодой женщины!

– Дерзкой, Луис? Я бы назвала ее смелой и решительной, – возразила Сара, забыв, что совсем недавно сама посчитала Джемайну чрезвычайно нахальной. – Сколько раз ты говорил мне, что хочешь иметь сотрудников именно с такими качествами, а не льстецов и подхалимов?

– Ты тоже очень дерзкая, Сара. Впрочем, ты всегда была такой. – Гоуди слегка улыбнулся, затем вскинул руки, как бы сдаваясь. – Хорошо! Опубликуйте эту дважды проклятую статью! Она обязательно вызовет бурю протеста, но я не раз в прошлом выдерживал такое. – Он встал. – Ты преждевременно сделаешь меня стариком, Сара. А что касается вас, юная леди... – Он повернулся к Джемайне. – Когда в следующий раз вы решите написать статью, подобную этой, буду очень признателен, если вы сначала проконсультируетесь со мной.

Печально покачав головой, издатель быстрым шагом вышел из кабинета.

Джемайна была удивлена его столь неожиданной капитуляцией и в растерянности посмотрела на Сару.

Та улыбалась, как всегда, чувствуя эмоциональный подъем после победоносного завершения спора с Луисом.

– Разве я не говорила, что вместе мы имеем хороший шанс на победу?

– Спасибо за поддержку, Сара, – горячо поблагодарила Джемайна.

– Я всегда поддерживаю тебя, если посчитаю, что ты права. Однако, как и Луис, должна предупредить: в следующий раз посоветуйся сначала со мной.

Джемайна быстро кивнула:

– Хорошо, Сара.

– Мне кажется, твое журналистское будущее – именно в такого рода статьях, а не в беллетристике и поэзии.

– Клара сказала мне то же самое. Сара кивнула:

– Клара – очень хороший редактор. Так что, думаю, тебе следует сосредоточить усилия именно в этом направлении. У меня уже есть для тебя задание.

Джемайна нетерпеливо подалась вперед.

– С некоторых пор я подумываю организовать здесь, в Филадельфии, женское миссионерское медицинское общество, – продолжила Сара. – Это сложное дело, совершенно новое по своей идее, и налаживание его потребует много сил и времени. Поскольку речь идет о врачах, люди полагают, что миссионерская деятельность касается исключительно мужчин. Цель общества, как я ее себе представляю, – в распространении медицинских знаний среди жен миссионеров или одиноких женщин-миссионеров. Гигиена, санитария и другие области медицины, от которых зависит здоровье людей,

должны стать достоянием жителей других стран.

– Я и не подозревала, что существуют женщины-миссионеры.

– Пока их нет. – Сара улыбнулась. – Но надеюсь, что помогу исправить это упущение. Твоя задача – написать статью, возможно, даже серию статей, на основе которых я могла бы развить свою деятельность...

Джемайна была вне себя от радости, у нее даже голова пошла кругом: не только ее статья о Блэквел будет опубликована, но она также получила первое задание!

Глава 5

Джемайну не переставала удивлять Сара Хейл: настолько разной была эта женщина. Например, казавшаяся такой строгой и деловой на работе, она очень любила вечеринки и при каждом удобном случае посещала их или устраивала сама.

В октябре, через несколько дней после того как была принята к публикации статья Джемайны о мисс Блэквел, ее вызвали в кабинет Сары.

Когда девушка вошла, Сара оторвала взгляд от рукописи.

– А, это ты, моя дорогая! Хочу пригласить тебя на вечеринку в эту субботу. Ее устраивает Луис у себя дома. Там будет много литературных светил, например, Эдгар Аллан По.

– Буду счастлива, Сара. Могу я спросить, по какому случаю торжество?

– Это празднование важного события, Джемайна. В этом году в штате Нью-Йорк утвержден закон о собственности замужних дам. Он дает женщинам право владеть имуществом.

– И мистер Гоуди по этому поводу устраивает вечеринку? – удивилась Джемайна. – Я не знала, что он такой горячий сторонник прав женщин.

Сара озорно улыбнулась:

– Это я уговорила его устроить вечеринку. Вообще-то Луис не такой уж упрямый, как может показаться. Он очень

осторожен, когда дело касается журнала. Между прочим, – Сара сделалась серьезной, – словосочетание права женщин вызывает у меня почти органическое отвращение.

Джемайна удивленно посмотрела на Сару, опять уловив некоторое противоречие: несоответствие взглядов этой необычной женщины тому, чем она занимается.

Сара улыбнулась, видя изумление девушки:

– Конечно, я решительно поддерживаю необходимость предоставления женщинам большей свободы и образования. Верю, недоступные им в настоящее время профессии станут доступны, и сожалею, что многим женщинам приходится работать в тяжелейших условиях. Но в то же время боюсь, женщины могут стать слишком требовательными и деспотичными. Я не призываю их жертвовать своей женственностью и очень надеюсь: мужчины в конце концов убедятся в том, что знания, равенство и свобода просто необходимы для женщин не только в смысле общественной пользы. Интеллектуальное развитие придает особое очарование их красоте и привлекательности, ко всеобщему удовольствию самих мужчин. Некоторым образом я приравниваю наше положение к рабству, вызывающему у меня огромное отвращение. – Сара поморщилась. – Рабовладелец может распоряжаться жизнью своих рабов. Мужчины имеют такую же власть над женщинами. Однако если мы попытаемся искоренить рабство, в стране начнется гражданская война. Точно так же, если женщины попытаются сбросить свои оковы слишком поспешно,

начнется битва полов, в которой мы, вероятно, пока не одержим победу... – Сара замолчала, покраснев. – О Боже! Я все не собиралась читать тебе лекцию, но, кажется, именно это и делаю, не так ли, дорогая? Однако можем ли мы ожидать тебя на нашем небольшом званом вечере, Джемайна?

– С удовольствием, приду. Сара... – Джемайна замолчала в нерешительности, не уверенная, стоит ли говорить.

Сара вопросительно приподняла бровь.

– Да, Джемайна?

– Впрочем, ничего важного. – Девушка встала. – Благодарю за приглашение, Сара.

Выйдя из кабинета, она отправилась на поиски Уоррена Баррикона. Джемайна нашла его в отделе мод, где он наблюдал за отбором гравюр, которые должны были использоваться в следующем номере журнала.

– Уоррен, могу я поговорить с тобой?

– Конечно, Джемайна. – Он повернулся к женщинам, стоявшим рядом с ним, и указал на гравюру, которую они изучали. – Эта превосходна. Остальные отберем чуть позже. – Затем снова обратился к Джемайне: – Может, поговорим в моем кабинете?

Она кивнула, и он повел ее в соседнюю комнату. Джемайна впервые попала сюда. Это была небольшая комнатка со столом, двумя стульями и несколькими шкафчиками для хранения бумаг. Уоррен смущенно улыбнулся:

– Я должен извиниться. Знаю, мой кабинет выглядит не

очень-то презентабельно, но я редко принимаю здесь кого-либо и потому совсем не забочусь о порядке. Не хочешь ли чашечку чая?

– С удовольствием.

Он, кивнув, подошел к одному из шкафчиков и зажег маленькую спиртовку, на которой стоял чайник. Было в этом мужчине что-то трогательно-домашнее. Он, должно быть, готовит чай, а возможно, и еду для своей больной жены дома, подумала Джемайна.

Пока Уоррен занимался чаем, девушка более внимательно осмотрела кабинет. Всюду на полу лежали журналы, а на столе – высокая стопка гравюр, рукописей и прочих бумаг. Кабинет крайне занятого человека. Даже слишком занятого, который полностью погружался в работу, видимо, пытаясь хотя бы на время забыться, отвлечься от своего безрадостного существования.

– С сахаром, с лимоном? – спросил он., – С тем и другим, пожалуйста.

Через минуту он подошел к ней с чашками на подносе.

– Это цейлонский чай. Я покупаю только лучшие сорта – привычка, которая дорого мне обходится.

Присев на предложенный стул, Джемайна сделала глоток душистого чая. Уоррен подошел к своему столу и со вздохом сел сбоку от нее. Он отпил глоток и со стуком поставил чашку на блюдце. Его карие глаза с любопытством смотрели на девушку.

– Итак, о чем ты хотела поговорить со мной, Джемайна? Надеюсь, ничего ужасного не случилось?

– Нет. – Она возбужденно засмеялась. – Хочу спросить: ты собираешься пойти в эту субботу на вечеринку к мистеру Гоуди?

– Меня, естественно, пригласили. – Казалось, он слегка отдалился, прикрыв глаза. – Но сомневаюсь, что смогу.

– А я пойду и именно об этом хотела поговорить с тобой. – Джемайна замолчала, подыскивая нужные слова. – Я немного смущаюсь, но мне хочется посоветоваться с тобой по поводу того, что лучше надеть, – поспешно сказала она.

– Посоветоваться со мной? – Он весело посмотрел на нее. – Я уверен, что молодая благовоспитанная леди, какой являешься ты, Джемайна, не нуждается в советах мужчины!

– Разумеется, моя мама прививала мне вкус к одежде, но мы мало бывали на людях, а этот званый вечер... Сара сказала, что там будет много важных персон. Мне нужна более... изысканная одежда.

– По-моему, – ласково сказал Уоррен, – ты будешь там самой привлекательной независимо от наряда. – Он замолчал, смутившись, и снова прикрыл глаза.

Джемайна была польщена, однако сочла разумным не обращать внимания на его слова.

– Ты возглавляешь в журнале отдел мод, и я решила, что ты сможешь посоветовать мне что-нибудь подходящее, какой-нибудь последний фасон.

– Конечно, Джемайна, сделаю все, что смогу. Хотя в магазинах вряд ли можно купить новейшие модели. Мы предлагаем в нашем журнале наряды по последней парижской моде, и потребуется некоторое время, прежде чем они поступят в магазины Филадельфии. Но я с удовольствием покажу тебе более ранние образцы. Уверен, мы найдем то, что тебе понравится.

Уоррен замолчал, потягивая чай и глядя в чашку. Наконец он поднял голову.

– Джемайна... Я говорил, что не уверен, пойду ли на вечеринку, но сейчас думаю, что пошел бы, если ты окажешь мне честь и позволишь сопровождать тебя. – Джемайна удивленно посмотрела на него. Уоррен явно был смущен. – Понимаю, я женатый человек. Но это не проблема. Элис, моя жена, настаивает, чтобы я чаще бывал в обществе. – Лицо его стало грустным. – Я не говорил тебе, но уверен, ты слышала, что моя жена прикована к постели.

– Да, Уоррен, знаю и глубоко сочувствую тебе. Но что с ней? Кажется, никто не знает.

– Даже врачи, – мрачно ответил он. – Мы консультировались у многих, но бесполезно – все разводили руками.

– Мне очень жаль... Буду рада, Уоррен, если ты пойдешь со мной.

Он улыбнулся, прогнав уныние, и проворно встал.

– Что ж, начнем?

Уоррен порылся в кипе журналов в углу комнаты и выбрал

пару из них.

– Это майский и июньский номера. Ты можешь подобрать здесь фасон модного вечернего платья.

Уоррен снова сел и открыл один из журналов. Джемайна встала и склонилась над его плечом, в то время как он листал прекрасно оформленные страницы, многие из которых были сложены вдвое и защищены тонкой бумагой.

– Как видишь, – Уоррен указал на цветные иллюстрации, где были изображены группы женщин в вечерних платьях, – рукава короткие, а... – он слегка покраснел, – вырез на груди довольно глубокий. Юбки пышные, с широкими складками, отчего талия выглядит более тонкой без неприятного стягивания. – Уоррен снова покраснел и поспешил перейти к менее щекотливой характеристике: – Этот фасон называется «Корнелия». Наряд хорошо смотрится с шалью. Белые шали также популярны в этом году. Что касается ткани, – продолжал Уоррен, сделав небольшую паузу, – то очень хорошо шелк «хамелеон». Он имеет два или три цвета, которые меняются в зависимости от освещения. Это платье очень хорошо подойдет тебе, Джемайна. А может быть, это?

Джемайна наклонилась над плечом Уоррена, любуясь вечерним платьем из крепа бледно-розового цвета с мелким рисунком на юбке, с широким поясом и парчовыми лентами того же оттенка. Прическа дамы, изображенной в этом наряде, сочеталась с лентами и венком из шиповника и лилий.

– Эти модели очень красивы, – сказала Джемайна, осто-

рожно касаясь пальцами листа.

Уоррен посмотрел на нее, затем опустил глаза.

– Мне кажется, не красивее, чем ты, – пробормотал он.

При виде ее испуганного взгляда Уоррен разволновался.

– Мне не следовало говорить это. Ради Бога, прости меня!

Джемайна почувствовала, что щеки ее начинают пылать.

Это был неприличный комплимент, поскольку исходил от женатого мужчины. Но Уоррен так раскисался, что девушка решила не обижаться.

– Ну, мне кажется, я просмотрела достаточно, чтобы выбрать подходящий фасон. Большое спасибо за помощь, Уоррен. Я очень благодарна, – сказала она, собираясь уйти.

– Рад был помочь, – довольно неловко ответил он. – Желаю удачи в поисках того, что ты хочешь.

Уже стемнело, когда Уоррен и Джемайна вышли из экипажа у здания на Честнат-стрит, где жил Луис Гоуди. Из дома доносился шум голосов, а сквозь узкие окна струился мягкий свет.

Джемайна купила в небольшой лавчонке неподалеку от шляпного магазина тети платье из прелестного коричневого бареша поверх ярко-голубого атласа. Платье так хорошо подошло ей, что потребовались лишь незначительные доработки. Прическу Джемайны украшал венок из коричневых бархатных листьев и голубых незабудок с лентами. Девушка была довольна своим видом. Такого элегантного платья у нее никогда не было.

Уоррен, улыбаясь, подал ей руку. Джемайна заметила, что, хотя обычно он одевался довольно небрежно, в этот вечер на нем были черная визитка из тонкого сукна, белый атласный жилет и кружевная рубашка с галстуком, а также узкие черные брюки. Ансамбль довершала высокая черная шляпа.

Уоррен похлопал Джемайну по руке.

– Ты готова к своему первому званому вечеру в Филадельфии, моя дорогая?

– Всегда готова.

Прежде чем они вошли в дом, Уоррен поделился:

– Элис спросила меня, хороша ли девушка, которую я буду сопровождать сегодня вечером, и я ответил: самая прелестная женщина, какую я видел с тех пор, как женился на ней.

– И что она сказала на это?

Уоррен посмотрел на Джемайну сияющими глазами.

– Поздравила меня.

Джемайна почувствовала, что краснеет, и опустила глаза. Замечания Уоррена смущали ее. Она подумала: как бы прореагировал отец, узнав, что она появилась в обществе в сопровождении женатого мужчины? Они поднялись по ступенькам на небольшое крыльцо, и Уоррен постучал дверным кольцом. Появился темнокожий слуга в ливрее и провел их в большую гостиную, заполненную людьми. Над их головой сверкала огромная хрустальная люстра с многочисленными свечами.

Наклонившись к уху Джемайны, Уоррен поинтересовался:

– Ты когда-нибудь встречалась с Джорджем Грэхемом, издателем «Грэхемз мэгэзин»?

– Нет еще, но я много слышала о нем. Уоррен хихикнул:

– Помимо того что Грэхем и Луис Гоуди соперничают в бизнесе, они также соперничают и в организации наиболее шикарных вечеринок. Говорят, у Грэхема самая огромная люстра в Америке. А эта; – он указал головой вверх, – попытка Гоуди превзойти соперника.

Послышался чей-то голос:

– А, вот и вы! Добро пожаловать, Джемайна. И ты тоже, Уоррен. Не знаю, как тебе удалось соблазнить его, Джемайна, но я рада. Это полезно для него. – Рядом, широко улыбаясь, стояла Сара Хейл.

Джемайна покраснела.

– Я не соблазняла его, Сара... он... – Девушка замолчала, не находя слов.

Уоррен коснулся ее локтя и весело проговорил:

– Верно, Джемайна не соблазняла меня. Просто ей потребовался мой совет по поводу последних мод. Взамен я навязался сопровождать ее. Не могла же она явиться сюда одна!

– О, мне кажется, Джемайна вполне могла бы прийти и одна, – сухо заметила Сара.

В этот вечер Сара выглядела очень элегантно в черном шелковом платье с глубоким вырезом. Ее темные волосы

ниспадали локонами, обрамляя полное лицо. Платье было украшено рубиновой брошью.

В этот момент к Саре подошел Эдгар Аллан По. Его вьющиеся волосы были в беспорядке, глубоко посаженные глаза выражали томление и грусть. В руке он держал бокал с вином.

– О, Эдгар, – приветствовала его Сара, – вы еще не встречались с нашей новой сотрудницей Джемайной Бенедикт?

– Кажется, встречался, – ответил писатель, поглаживая свои пышные усы.

– Да, я видела мистера По в издательстве, когда пришла туда первый раз. Я горячая поклонница его таланта. Как вы себя чувствуете здесь, мистер По?

– Хорошо, как и ожидал, мисс Бенедикт. Я в превосходной компании, с хорошим вином и едой. Чего еще надо бедному автору в этом мире?

Он с трудом произносил слова, и Джемайна поняла, что По уже достаточно много выпил. Сара взяла ее за руку.

– Давай возьмем по бокалу вина, Джемайна, и я представлю тебя некоторым гостям.

Спустя несколько минут Джемайна с бокалом в руке двинулась с Сарой по комнате. Она встретила с Гоуди и его женой, показавшейся ей довольно скромной и застенчивой. Пухлое лицо Гоуди покраснелось от волнения, и он сердечно приветствовал Джемайну.

В следующие полчаса Джемайна познакомилась с изуми-

тельными людьми, включая знаменитого романиста Натаниэла Хоторна, который приехал в Филадельфию прочитать лекцию о своей последней работе, Лидию Сигурни, редактировавшую когда-то «Гоудиз ледиз бук» и до сих пор сотрудничавшую с журналом, Паркера Уиллиса – автора статей о путешествиях и легких фантастических рассказов, а также многих других, чьи имена были незнакомы Джемейне. Присутствовали здесь и художники, оформлявшие «Бук» и другие журналы и книги.

Джемейна пришла в некоторое замешательство, когда Сара покинула ее, чтобы встретить новых гостей. Держа в руке бокал с вином, девушка огляделась, ища Уоррена. Она заметила его в противоположном конце комнаты, занятого беседой с мистером По. Джемейна не решилась пройти к нему через всю гостиную и отошла в угол.

– Так, значит, вы работаете в журнале Гоуди, да? Она вздрогнула и обернулась, увидев Паркера Уиллиса, улыбающегося ей.

– Да, мистер Уиллис, я работаю там, но еще очень недолго.

– Вам нравится?

– О да, очень!

Уиллис кивнул, задумчиво поджав свои толстые губы.

– Я часто думал, если бы мне пришлось работать редактором – не дай Бог, чтобы это случилось! – я бы выбрал издательство Гоуди.

– Почему?

– Возможно, потому, что пишу для журнала. Гоуди не так строг в своих оценках. Знаете, он однажды заплатил мне пятьдесят долларов за статью объемом всего в четыре печатные страницы. Неслыханный гонорар! Многие вообще ничего не платят. Кроме того, Гоуди следит за тем, чтобы статьи обязательно печатались под именем автора, а другие издания не заботятся об этом. – Уиллис удовлетворенно кивнул. – Да, отношение Гоуди к авторам подобно солнечному свету в темном издательском мире. И Сара Хейл – превосходный редактор, пожалуй, самый лучший.

– Мне кажется, причины достаточно убедительные, чтобы оставаться автором, – заметила Джемайна, – и не становиться редактором.

– Верно, дорогая леди, верно. Поэтому я и останусь автором. Возможно, вы обратили внимание – я ведь сказал: если бы мне пришлось работать редактором.

– Конечно, несколько мужчин работают в журнале, – сообщила Джемайна с оттенком озорства. – Но большинство сотрудников – женщины.

– Да-да. Однако это, возможно, не так уж плохо. – Уиллис поправил прическу, пристально глядя на нее. – Особенно если женщины не замужем, молоды и хороши собой, как вы, моя дорогая.

– Благодарю вас, сэр, – ответила Джемайна, не обращая особого внимания на комплимент. Она взглянула туда, где беседовали, о чем-то споря, Уоррен и мистер По. К ним по-

дошли еще несколько мужчин. Голоса споривших зазвучали громче. Джемайна с любопытством повернулась в их сторону. Извинившись перед Уиллисом, она пошла через комнату.

Подойдя ближе, Джемайна услышала взволнованный голос По. Она встала рядом с Уорреном и тронула его за плечо. Он повернул голову и улыбнулся ей.

Джемайна внимательно слушала собравшихся вокруг По гостей. Девушка была представлена большинству из них, но запомнила имя только Натаниела Хоторна, человека с внушительной фигурой, высоким лбом, глубоко посаженными глазами и густыми усами. Вскоре Джемайна поняла, что спор разгорелся вокруг серии статей Эдгара По под названием «Литераторы», опубликованных в «Гоудиз ледиз бук» несколько лет назад. В то время статьи носили очень спорный характер и, судя по нынешней реакции, остались такими до сих пор.

– Мои взгляды относительно Генри Уодсуорта Лонгфелло остались неизменными, – горячился По, поглаживая пальцем усы; его слова звучали еще более неясно, чем раньше. – В своих статьях я называл его подражателем и мастером выдачи чужих идей за свои. Этот парень – плагиатор, он скопировал мой «Дворец с призраками».

– Меня удивляет, что Лонгфелло не подал на вас в суд за клевету, – с улыбкой заметил один из мужчин.

– Это потому, что у него не было оснований, – торжеству-

юще заявил По. – Он прекрасно знал, что я написал правду.

– А как насчет Томаса Дана Инглиша? Насколько я помню, эта статья наделала много шума.

– Возможно, я был слишком резок, – согласился По. Вскинув голову, он осушил свой бокал. – Я принес ему извинения и тут же получил ответный удар. Затем попросил «Нью-Йорк миррор» напечатать его клеветнический ответ. Если помните, я победил, получив компенсацию за моральный ущерб.

– Вы получили слишком мало, – пожал плечами его собеседник. – По-моему, вы потеряли гораздо больше из-за ущерба вашей репутации.

– Вы заходите слишком далеко, сэр! – рассердился По.

– Сэр, мне кажется, вы несправедливы к мистеру По, – вмешался Натаниел Хоторн. – Прежде всего он имеет право на собственное мнение, и разве можно обвинять его в том, что оно не совпадает с мнением других?

Оппонент По язвительно засмеялся:

– Вам легко так говорить – вас он назвал выдающимся гением.

– Джентльмены, мне кажется, вы все упустили одну вещь, – раздался голос позади Джемайны.

Девушка повернула голову и увидела Оуэна Тэзди, одетого, как всегда, безукоризненно. Он улыбнулся ей.

– Что вы имеете в виду, Тэзди? – спросил один из мужчин.

– Тот неоспоримый факт, что статьи были чрезвычайно

популярны. Первая публикация мистера По из серии «Литераторы», появившаяся в «Ледиз бук», послужила тому, что весь тираж журнала был немедленно раскуплен и потребовалось срочно печатать еще.

Один из мужчин усмехнулся.

– Популярность статьи не является критерием ее ценности.

– Почему? – отозвался Тэзди с озорной улыбкой. – Любой писатель стремится к популярности, славе и богатству.

– К славе – возможно, но едва ли к богатству, – проворчал По.

– Не ваша вина, мистер По, что ваш талант плохо оплачивается. – Оуэн похлопал писателя по спине.

– Дурная слава хуже бедности, – заметил другой джентльмен. – Мне известно, что Луис получил большое количество писем с жалобами на публикацию статей «Литераторы» и угрозами аннулировать подписки.

– Верно. Но я отказался удовлетворить жалобы, – сказал Луис Гоуди, который в этот момент подошел к спорящим и услышал последнее замечание. – Если вам довелось прочитать тот номер, в котором я напечатал первую статью из серии «Литераторы», вы вспомните мое пространное заявление о том, что публикуемое мнение мистера По не обязательно совпадает с мнением журнала. Согласны мы с ним или нет, не имеет значения. Я неизменно заявлял также, что нас не испугают угрозы потерять друзей...

Оуэн коснулся локтя Джемайны и отвел ее в сторону.

– Я надеялся увидеть вас здесь, Джемайна, – проговорил он низким голосом. – Хочу принести свои извинения.

– Извинения? За что, сэр?

– По поводу статьи, которую вы написали об Элизабет Блэквел. Прекрасная работа! Признаться, я был приятно удивлен и почувствовал, что должен извиниться за пренебрежительные слова тогда, в поезде.

– Но где вы могли видеть статью? Она ведь еще не опубликована!

Он сделал неопределенный жест.

– У меня свои источники!

– Вам показала ее Сара? – спросила Джемайна.

– Хороший газетчик никогда не раскрывает свои источники информации, – улыбнулся Оуэн.

– Не могу поверить, что Сара сделала это!

– Какое это имеет значение? – Он стукнул тростью по полу. – Я только хотел сделать вам комплимент, черт побери!

– Я не нуждаюсь в ваших комплиментах, мистер Тэзди.

– Тем не менее вы заслужили его. А сейчас... – Он опять улыбнулся. – Поскольку у вас не было возможности поужинать со мной в Нью-Йорке, как вы смотрите на то, чтобы сделать это сегодня вечером?

– Я пришла сюда не одна, сэр, – холодно ответила Джемайна.

– В самом деле? – удивился Тэзди, отступая назад.

– Вам трудно поверить в то, что я смогла найти сопровождающего? – Его замешательство неожиданно развеселило девушку.

– Нет-нет, напротив. Однако это не приходило мне в голову...

– Я пришла с мистером Барриконом.

– С Уорреном Барриконом? – Он удивленно поднял брови. – Но у него есть жена.

– Прикованная к постели. Мы пришли сюда с ее благословения. Извините меня, мистер Тэзди, я должна поговорить с Сарой. – Джемайна быстро отошла, прежде чем он успел что-либо сказать.

Оуэн озадаченно посмотрел ей вслед. В этот вечер Джемайна выглядела особенно привлекательно, и он почувствовал себя немного уязвленным тем, что девушка отвергла его ухаживания. С другой стороны, молодой человек понимал, что слишком избаловался. Редко какая-либо женщина пренебрегала его вниманием.

Оуэн был удивлен, что Джемайна пришла в сопровождении Уоррена Баррикона, о котором он знал только понаслышке. Ему было известно лишь то, что его жена больна, и больше, пожалуй, ничего.

Тэзди медленно повернулся и заметил, что Баррикон смотрит на него с недовольным выражением лица. Затем взгляд Уоррена устремился вслед идущей через гостиную Джемайне. В тот же момент он снова посмотрел на Оуэна и,

нахмурившись, двинулся в его направлении.

«Этот парень испытывает к Джемайне более чем дружеские чувства», – подумал Оуэн. Не имея настроения ссориться, он холодно кивнул Баррикону и отошел в сторону, затерявшись в толпе.

Глава 6

На следующее утро после вечеринки у Луиса Гоуди Джемайна решила поговорить с Сарой Хейл. Сара весело приветствовала ее:

– Тебе понравился вечер, дорогая? Я чувствовала себя превосходно, несмотря на то что мистер По выпил лишнего и вел себя довольно... возбужденно. – Лицо ее приняло грустное выражение. – Однако, учитывая положение бедного Эдгара, думаю, его можно простить, хотя меня ужасно раздражает невоздержанность в чем-либо.

– Да, Сара. Я в восторге от вечера. Еще раз спасибо за приглашение. Ты знаешь, что там был Оуэн Тэзди?

– Конечно. Я приглашала его. Но, должна признаться, меня немного удивил его приход. Обычно Оуэн пренебрегает такими мероприятиями. – Она с любопытством внимательно посмотрела на Джемайну. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что... – Джемайна замолчала в нерешительности, затем поспешно сказала: – Ты давала ему почитать мою статью о Блэквел, Сара?

Сара поджала губы и положила руки на стол.

– В общем-то такие дела не касаются тебя, Джемайна, но я отвечу на твой вопрос. Да, он хотел взглянуть на статью, и я дала ему почитать.

– Но почему, Сара?

– Почему? Да потому, что Оуэн – мой старый друг и я ценю его мнение, – проговорила Сара спокойным тоном.

– Мне кажется, неэтично позволять посторонним читать что-либо до того, как материал напечатан.

– Неэтично? Когда ты заканчиваешь статью, Джемайна, и идет подготовка ее к печати, она больше не принадлежит тебе. Ты являешься сотрудницей журнала, и все, что ты пишешь, принадлежит нам. – Сара постукивала пером по столу с суровым выражением лица. – Даже если бы ты была независимым автором и я бы приняла от тебя рукопись, она также больше не принадлежала бы тебе. Конечно, материал должен быть напечатан под твоим именем, но, если он принадлежит нам и я считаю необходимым показать его кому-то, это моя прерогатива. Разумеется, я не позволю читать рукопись кому попало, но Оуэн не посторонний.

Джемайна не успокоилась:

– Не знаю, чем Оуэн Тэзди отличается от других.

– Он отличается тем, что является хорошим репортером, на мой взгляд, лучшим среди тех, кого я знаю, Джемайна. Он рассказал мне, что встретил тебя в поезде и ты сообщила ему, что собираешься брать интервью. Это правда?

– Да, это так.

– Он сказал, что ему интересно узнать, как ты пишешь. Если это утешит тебя, Оуэн согласился, что получилась прекрасная статья.

Джемайна поняла по тону Сары, что продолжать этот раз-

говор бессмысленно и даже рискованно. Она встала.

– Думаю, ты имеешь право делать со статьей все что захочешь.

– Разумеется. «Джемайна направилась к двери.

– Джемайна...

Девушка обернулась.

– Рукопись не дитя, моя дорогая, хотя я понимаю чувства автора, защищающего свою работу, словно ребенка. – Улыбка Сары смягчила ее слова.

Несмотря на то что Джемайна находилась в Филадельфии уже больше трех месяцев, она мало видела город. Ей приходилось проводить время либо в издательстве, либо дома с тетей.

В тот день, закончив работу, она никак не могла успокоиться, чувствуя себя обиженной, оттого что Сара позволила Оуэну Тэзди прочитать ее рукопись до публикации. Джемайна решила немного прогуляться, прежде чем пойти домой. В таком настроении ей было не до болтовни тетушки.

Джемайна знала, что в Филадельфии есть много исторических мест. Например, Карпентер-холл, где Томас Джефферсон, Джон Адаме, Патрик Генри и другие патриоты Америки участвовали в работе Континентального и Конституционного конгрессов. В этом городе была принята и подписана Декларация независимости Соединенных Штатов.

Филадельфию с ее двадцатидвухтысячным населением называли Афинами Америки. Здесь находились одна из

крупнейших библиотек Соединенных Штатов, первый в стране научный музей и знаменитая академия художеств, основанная художником Чарлзом Уилсоном Пилем. В течение девяти лет Филадельфия являлась столицей государства, а теперь стала городом, где наиболее развито издательское дело.

Джемайна прошла по Честнат-стрит, вглядываясь в окна фешенебельных магазинов. Когда на улице зажглись газовые фонари, она вошла в кафе «У Раузела» – первое, где появилась газированная вода, и задержалась там, заказав ароматное мороженое.

Выйдя из кафе, она побрела по боковым улочкам. За исключением нескольких главных улицы в Филадельфии были гораздо уже, чем в ее родном Бостоне. Большинство кирпичных домов стояли вплотную к тротуарам. У входа, как правило, возвышались белые мраморные ступени, огороженные металлическими перилами. В целом многие улицы были похожи на те, что в Бикон-Хилле.

Внезапно Джемайна ощутила приступ ностальгии. Она обещала родителям, что приедет на рождественские каникулы, хотя до этого еще далеко. Погрузившись в унылые воспоминания, Джемайна брела, не замечая, куда поворачивает. Неожиданно она услышала позади себя скрип колес и испуганно огляделась по сторонам, слишком поздно поняв, что заблудилась. Она оказалась на узкой улочке с большими зданиями, похожими на фабрики, а впереди виднелась река Де-

лавэр. Ее предупреждали, что эти места в прибрежной части города небезопасны для прогулок в одиночестве.

Было уже темно, а уличные фонари располагались только в конце каждого квартала. Джемайна находилась в середине. Вместо освещенных окон жилых домов на нее смотрели закоптелые темные окна фабрик.

Она осознала, что не слышит больше скрипа колес, и обернулась. Сердце ее гулко забилося от страха: в двух шагах от нее остановился кабриолет. Мужчина, сидевший в нем, пристально смотрел на нее глубоко посаженными глазами. На какое-то мгновение голова этого человека, скрытая тенью, показалась ей голым черепом.

Джемайна отступила назад под его наглым, оценивающим взглядом.

– А ты хорошенькая, – проговорил он низким голосом. – К тому же одна.

Мужчина привязал поводья и медленно ступил на тротуар. Он был высоким, грузным, широкоплечим, с черными длинными взлохмаченными волосами; одет небрежно. Его узкое изможденное лицо выглядело неестественным в сочетании с мощным телом. Мужчина двинулся к ней, и Джемайна заметила, что у него черные как смоль маловыразительные глаза. На вид ему было около пятидесяти пяти лет.

Джемайна отступала, пока не уперлась спиной в стену позади нее. Для такого крупного мужчины он двигался довольно легко и быстро и теперь уже вплотную приблизился к ней.

Не отрывая взгляда от его лица, Джемайна начала осторожно пробираться вдоль стены.

Незнакомец шел следом и в конце концов уперся руками в стену по обеим сторонам от головы Джемайны, оказавшейся таким образом в ловушке. Девушка отчаянно толкнула его руку и почувствовала, что та тверда, как железо.

– Зачем так торопиться, милашка? Почему бы нам не познакомиться?

Приблизительно в то же самое время, когда Джемайна разговаривала с Сарой, Оуэн Тэзди находился в кабинете своего редактора Каррузерса.

– У меня есть для тебя задание, Тэзди, – сказал Каррузерс в своей обычной резкой манере.

Оуэн развалился в единственном предназначенном для посетителей кресле и пытался разглядеть лицо редактора сквозь клубы сигарного дыма.

– Куда мне ехать на этот раз?

– Никуда ехать не надо, – зло бросил Каррузерс. – Задание здесь, в городе.

Оуэн встревоженно приподнялся.

– В Филадельфии? Я же полевой корреспондент, Томас, и не работаю в городе вот уже несколько лет.

– Тебе неплохо бы вспомнить, с чего ты начинал, Тэзди. – Каррузерс отогнал дым от лица. – И подумать об этом. Кажется, ты уже возомнил, что задание в городе недостойно тебя?

– Нет, конечно. Но это было так давно.

– Да, но сейчас ничего другого нет. Некуда посылать тебя, а ты – на окладе. Тебе известно, мы не благотворительная организация. Ты должен отрабатывать свои деньги.

Оуэн тяжело вздохнул.

– Хорошо, Томас, какое задание?

– Ты когда-нибудь слышал о человеке по имени Лестер Гилрой?

Оуэн на минуту задумался.

– Не могу сказать.

– Он не местный, прибыл из Нью-Йорка. Имеет солидное дело по изготовлению одежды – шьет пиджаки, мужские рубашки, производит обувь. Нам стало известно, что он подыскивает в Филадельфии здание, чтобы купить его.

– Ты полагаешь, он собирается открыть здесь швейную мастерскую?

– В этом-то все и дело. У Гилроя плохая репутация, и мы не желаем, чтобы он открывал здесь предприятие.

– Кто это мы? – спросил Оуэн.

– Наш издатель и отцы города. Они хотят избавиться от него, – сказал Каррузерс. – Предполагается, что крепкая статья, разоблачающая Гилроя, заставит его отказаться от открытия мастерской в нашем городе. Копни его прошлое, а затем возьми у него интервью и заставь раскрыть свои карты здесь, в Филадельфии. Надо следовать за ним повсюду и наблюдать за всеми его действиями. Ну, ты знаешь, как это

делается.

– Следовать за ним повсюду? Черт побери, я же не сыщик!

– Постарайся, Тэзди. Иначе, если ты будешь артачиться, тебе придется овладевать новой профессией. Уверен, рано или поздно это произойдет.

– И полагаю, доставит тебе удовольствие, – хмыкнул Оуэн совершенно беззлобно, вставая с кресла. – Однако не надейся. Я еще буду здесь, когда ты уйдешь в отставку, Томас.

Оуэн провел весь день копаясь в подшивках «Леджер» и нью-йоркских газет, чтобы собрать информацию о Лестере Гилрое. Закончив, он пришел к выводу, что Гилрой – весьма скользкая личность, скототившая состояние на дешевом труде женщин и детей. До этого Оуэн мало уделял внимания городским проблемам, знал только, что этот мир полон несправедливости, но ничего не мог изменить. Однако, накопав достаточно сведений о Гилрое, он испытал отвращение и желание помешать планам этого грязного дельца. И почувствовал интерес к своему новому заданию. Если бы Тэзди смог заставить негодяя покинуть Филадельфию!

Оуэн решил отправиться в отель, где остановился Гилрой. Если повезет, то застанет его там. Он сомневался, что Гилрой согласится говорить с ним, тем более раскрыть цель своего приезда в город. Однако надо заставить его понять, что о его присутствии известно и за его действиями наблюдают.

У входа в отель мимо Оуэна прошел крупный мужчина,

одетый во все черное, с неулыбчивым лицом. Оуэн спросил у служащего о Лестере Гилрое.

– О, мистер Гилрой только что вышел из отеля, – сообщили ему.

– Это тот джентльмен в черном? Служащий кивнул, и Оуэн бросился к выходу. Он успел заметить, как здоровяк садится в открытый кабриолет. Оуэн бросился к кабриолету, но остановился, когда Гилрой тронул поводья и коляска начала удаляться. Оуэн быстро огляделся и поспешил к наемному экипажу.

– Я хочу, чтобы ты незаметно следовал за этим кабриолетом. – Он указал кучеру на кабриолет Гилроя, сворачивающий за угол. – Не приближайся слишком близко.

Кучер недоверчиво посмотрел на него:

– Вы полицейский?

– Не важно, кто я, – резко ответил Оуэн. Он извлек из кармана несколько монет и дал их кучеру. – Следуй за этим кабриолетом. Получишь еще, если не упустишь его.

– Хорошо, сэр! – Кучер отдал честь, приложив руку к козырьку, и Тэзди сел в экипаж.

Кабриолет Гилроя был достаточно хорошо виден, и в то же время оживленное движение на улице позволяло экипажу Оуэна оставаться незамеченным.

Однако вскоре кабриолет свернул с главной улицы в менее оживленный промышленный район города. Оуэн наклонился вперед.

– Держись подальше от него, – приказал он кучеру. – Человек в кабриолете не должен догадаться, что за ним следят. Здесь довольно пустынно, так что мы вряд ли потеряем его. Отстань приблизительно на два квартала.

– Как скажешь, хозяин.

Вскоре Оуэн увидел, что кабриолет остановился в плохо освещенном, совершенно безлюдном месте.

– Стой, – скомандовал он кучеру за два квартала до коляски Гилроя.

Оуэн увидел, как Гилрой вылез из кабриолета и вошел в одно из зданий. Молодому человеку не терпелось взглянуть, что это за здание, однако поскольку он не знал, как долго Гилрой пробудет там, то решил подождать.

Оуэн откинулся назад, так чтобы был виден кабриолет Гилроя, и начал вспоминать, что ему удалось прочитать об этом человеке.

Затем в голову вдруг пришли мысли о Джемайне. Она прекрасно пишет и со временем приобретет опыт и мастерство. Джемайна напомнила Оуэну его самого десять лет назад, когда он начинал работать в «Леджере», будучи пронырливым юным репортером. Так же был полон огня и усердия, решив выдвинуться, и преуспел в этом. Его восхождение произошло стремительно: сначала в качестве простого репортера, а затем, четыре года спустя, он сделал блестящую карьеру полевого корреспондента. В 1844 году он освещал президентскую кампанию Д. Полка – это было первое

его задание. Репортажи Оуэна были замечены и оценены по достоинству, и молодой корреспондент сразу получил еще несколько заданий. Оуэн побывал в Техасе, когда этот штат ратифицировал свое присоединение к Соединенным Штатам в 1845 году; был с полковником Стивенем Керни в начале войны с Мексикой, когда тот командовал экспедицией в Нью-Мексико, чтобы оккупировать столицу штата Санта-Фе; находился с генералом Уинфилдом Скоттом большую часть мексиканской кампании, вплоть до того момента, когда Скотт захватил Мексико-Сити в сентябре прошлого года, эффектно закончив войну. И наконец, Оуэн совсем недавно вернулся с Грейт-Плейнз, где происходили схватки с индейцами.

Фактически, размышлял Оуэн с кривой усмешкой, прошедшие несколько месяцев – самый долгий срок за последние три года, когда он находился дома. Жизнь, полная приключений и волнений, нравилась ему и давала ощущение причастности к великим событиям.

Оуэн внезапно привстал, увидев, как Гилрой, выйдя из здания, сел в свой кабриолет.

– Вот он, – сказал Оуэн кучеру. – Подожди, когда он доедет до конца квартала, затем следуй за ним.

Оуэн не знал, стоит ли продолжать преследование Гилроя или позволить ему уехать, а самому попытаться узнать, кого он навещал в здании и с какой целью. Но когда экипаж двинулся за кабриолетом, он решил следовать за Гилроем.

К этому зданию можно вернуться в любое время. В тот момент, когда экипаж прогрохотал мимо входа, Оуэн постарался запомнить адрес.

Вскоре стало ясно, что Гилрой направляется в отель, хотя пока еще они находились в плохо освещенном фабричном районе недалеко от реки. Кабриолет свернул на улицу, которая, Оуэн знал, ведет к оживленному бульвару.

– Теперь можешь ехать свободно, – разрешил он кучеру. – Ничего страшного не случится, если этот человек заметит нас.

Кучер погнал лошадь быстрее, но прежде чем расстояние между экипажем и кабриолетом существенно сократилось, Оуэн с удивлением заметил, что кабриолет остановился. Он еще больше удивился, когда обнаружил, что коляска остановилась рядом с модно одетой женщиной.

«Что делает в этом прибрежном районе одинокая леди? – подумал он. – Она не похожа на уличную шлюху. Но если бы даже и была таковой, зачем забрела сюда? Здесь не к кому приставать».

Оуэн увидел, что Гилрой начал вылезать из кабриолета, а женщина попятилась от него. Что-то в ее облике показалось ему знакомым...

– Остановись, кучер, и жди меня.

Оуэн выскочил еще до того, как экипаж остановился, и быстрым шагом пошел по тротуару, помахивая тростью. Теперь он увидел, как Гилрой прижал женщину к стене, и уско-

рил шаг.

Оуэн подошел к ним совсем близко как раз в тот момент, когда Гилрой проговорил:

– Зачем так торопиться, милашка? Почему бы нам не познакомиться?

Оуэн вытянул трость и похлопал Гилроя по плечу.

– Может быть, леди не хочет знакомиться с вами, мистер Гилрой.

Гилрой обернулся и сердито посмотрел на Оуэна. Тот, не обращая на него внимания, не отрывал взгляда от испуганного лица Джемайны.

– Разве мы знакомы, сэр? – резко спросил Гилрой.

– Нет, насколько мне известно, – небрежно ответил Оуэн. – Но возможно, скоро вы услышите обо мне. Я – Оуэн Тэзди.

– Это имя ни о чем мне не говорит. Идите своей дорогой и оставьте нас.

– Пожалуй, надо спросить об этом леди. Между прочим, ее имя – Джемайна Бенедикт. Джемайна, познакомьтесь, это Лестер Гилрой. Вы хотите, чтобы я ушел, Джемайна?

– Нет, Оуэн. Пожалуйста, останьтесь, – попросила девушка напряженным голосом.

– Вот видите.

– Ладно, если вы знаете эту леди, – угрюмо согласился Гилрой. Он отступил назад. – Я увидел, что она одна, и предложил подвезти. Одинокой женщине небезопасно в этом рай-

оне.

– В этом вы, несомненно, правы. Гилрой покраснел.

– Полагаете, что она подвергалась опасности с моей стороны? – произнес он негодуя.

– Именно так мне показалось, если говорить правду.

Гилрой поджал свои тонкие губы.

– Вы оскорбляете меня, сэр!

– Можете обижаться сколько угодно. – Оуэн повертел своей тростью.

Увидев эти манипуляции, Гилрой пробормотал:

– Впечатляет. – Затем сузил глаза. – А что вы имели в виду, когда сказали, что скоро я услышу о вас?

– Я – корреспондент газеты «Филадельфия леджер», и вы, мистер Гилрой, должны знать, что являетесь объектом моего задания.

Гилрой отступил назад, зашипев:

– Какой же интерес я могу представлять для вашей газеты?

– Не скромничайте, Гилрой. Ваша репутация всем хорошо известна, и моему редактору интересно знать цель вашего приезда сюда. – Оуэн усмехнулся. – Поэтому я и следил за вами.

– Следили за мной? Какая наглость! – возмутился Гилрой. – Я прибыл в Филадельфию по делу, сэр!

– По какому? Не будете ли вы столь любезны посвятить меня в это дело?

– И не собираюсь! Плохие настали времена, если человек не может беспрепятственно заниматься бизнесом.

– Все зависит от того, какой это бизнес. Гилрой посмотрел на него ненавидящим взглядом, повернулся, залез в кабриолет и резко натянул поводья. Испуганная лошадь рванулась вперед, и коляска загрохотала по мостовой.

– Оуэн...

Он повернулся и посмотрел на бледное лицо Джемайны.

– Спасибо, что спасли меня. Не уверена, что действительно нуждалась в спасении, однако... – она усмехнулась, – ... однако он сильно напугал меня.

– У него плохая репутация, и я рад, что оказался рядом.

– У вас действительно задание написать об этом человеке? – с любопытством спросила девушка.

– Да, но сначала давайте уедем отсюда. – Оуэн взял ее под руку и повел к экипажу. – Что вы делали здесь одна?

– Сама не знаю, – сказала Джемайна, покраснев. – Я гуляла, и на меня напала тоска по дому. Задумалась и забрела сюда.

Оуэн посадил ее, затем уселся рядом с ней.

– Вы ужинали? – спросил он, прежде чем обратиться к кучеру.

– Нет еще. Съела только мороженое в кафе «У Раузела».

– Едва ли достаточно для такой девушки, как вы. Может быть, поужинаете со мной? Не спешите отказываться. – Он поднял руку. – Думаю, вы должны согласиться, хотя бы по-

тому, что я спас вас.

– Должна? – Джемайна пристально посмотрела на его бесхитростное выражение лица и засмеялась. Он был таким очаровательным плутом, разве можно было сердиться на него? – Знаете, я сегодня очень расстроилась из-за вас. Мы разговаривали с Сарой по поводу того, что она дала вам прочитать мою статью об Элизабет Блэквел.

– Почему же вы расстроились? Я ведь похвалил.

– Считаю это нарушением права собственности. Оуэн откинул голову назад и разразился громким смехом.

– Извините, – вымолвил он наконец, задыхаясь. – Вы же написали статью, которую должны прочитать тысячи людей. Просто я сделал это немного раньше! Однако, – он вдруг посерьезнел, – вы не ответили на мой вопрос.

– О, хорошо, мистер Тэзди, – сказала она, также засмеявшись. – Мне кажется, если я не поужинаю с вами, вы будете изводить меня до тех пор, пока не соглашусь.

– Это точно, – весело подтвердил он. – Я очень настойчивый парень. – Оуэн наклонился вперед и сообщил кучеру адрес.

– А теперь вы можете удовлетворить мое любопытство относительно этого человека?

– Лестера Гилроя? – Оуэн устроился поудобнее, вытянув длинные ноги. – Мистер Гилрой – весьма сомнительный тип. Он из фабричного района Нью-Йорка. Владеет прядильной фабрикой и мастерскими по изготовлению одежды. Он эксплуатирует труд женщин и детей, заставляя их работать с

утра до вечера и платя при этом ничтожное жалование. Таким образом он сумел разбогатеть.

– Но как ему удалось безнаказанно сделать это? Разве у нас нет законов, регулирующих условия труда женщин и детей? – возмущенно спросила Джемайна.

– Законы? Едва ли. – Оуэн мрачно усмехнулся. – Были некоторые попытки законодательным образом регулировать эксплуатацию детей. Но каждый раз люди, подобные Гилрою, говорят, что идут навстречу вдовам, молодым незамужним женщинам и несчастным детям, обеспечивая их работой. Они утверждают также, что без их великодушия дома для бедных по всей стране были бы переполнены.

– Гилрой кажется мне ужасным человеком. Неужели он планирует открыть подобную фабрику здесь, в Филадельфии?

– Именно это мой редактор и поручил мне узнать. Если все окажется правдой и я предам огласке его намерения, возможно, он передумает и изменит свои планы.

– Но почему вы занимаетесь этим, Оуэн? – спросила Джемайна с лукавой ноткой в голосе. – Вы вели репортажи о войнах со всех континентов, а сейчас получили такое ничтожное задание? Разве не унижительно?

Лицо его потемнело, и на мгновение Джемайне показалось, что не следовало задавать этот вопрос. Но он усмехнулся и погрозил ей пальцем:

– Попали не в бровь, а в глаз! Догадываюсь, вы пытаетесь

взьерошить мои перья, но я чувствую себя сейчас слишком хорошо, чтобы можно было испортить мне настроение. Кроме того, разве моя вина, если в настоящее время нигде в мире не происходят события, достойные моего внимания?

Несмотря на то что Джемайна была одета вполне прилично, девушка почувствовала некоторый дискомфорт в ресторане, который, она знала, являлся одним из лучших в Филадельфии. Джемайна не думала о своем наряде, когда принимала приглашение. Но сейчас предпочла бы сначала отправиться домой, помыться и сменить платье. Что ж, теперь уже поздно.

Оуэн Тэзди чувствовал себя в ресторане как дома. Молодой человек явно был здесь не первый раз, так как метрдотель с уважением обращался к нему и называл по имени. Их проводили к столику в углу, покрытому белоснежной скатертью, на которой сверкали серебро и хрусталь.

Оуэн заказал бутылку шампанского и закуску: пирог с бараниной, оленину и несколько других блюд.

Официант налил им шампанского. После того как он ушел, Оуэн поднял бокал, провозгласив тост:

– За нас!

Джемайна подняла свой бокал, но вместо того чтобы коснуться им бокала Оуэна, только смотрела на своего спутника через стол. Сама не зная почему, девушка почувствовала, что краснеет.

– За нас? Мне кажется, это слишком самонадеянно, ми-

стер Тэзди! – связвила она.

– Почему? – весело возразил он. – О, я не имел в виду то, о чем вы, вероятно, подумали. Просто мы сидим здесь вместе, преуспевающий журналист и прелестная леди, восхищающая меня своими профессиональными способностями. Хорошо, пожалуй, я перефразирую тост: за вас, Джемайна, за ваш будущий успех!

– Разве можно отказаться выпить за это?

Они чокнулись и выпили. Шампанское оказалось сухим и приятно защекотало горло Джемайны. В этот момент Оуэн повернулся и помахал кому-то через всю комнату. Джемайне на некоторое время представилась возможность изучить его. Красив, этого нельзя отрицать. Повязка на глазу несколько не умаляла его привлекательности, а, наоборот, придавала внешности романтический вид.

Как бы почувствовав ее взгляд, Оуэн повернул голову и посмотрел на нее. Обычно он беззаботно улыбался, но сейчас выражение его лица было серьезным.

Казалось, от него исходит необычайная чувственность, волнами перекатываясь через стол, и это вызывало в Джемайне странное ощущение, пугающее и волнующее.

– Меня удивил ваш тост за мое будущее, – поспешно сказала она. – Вы поражаете меня тем, что не одобряете работающих дам и считаете уделом женщины только замужество и детей.

– Ничего не имею против работающих женщин. – Он вер-

тел в руках бокал, не отрывая от нее взгляда. — Я имею в виду — до замужества. А потом, мне кажется, она должна посвятить себя тому, о чем вы упомянули.

— Понятно. — Джемайна опустила взгляд. — А что, если женщина не хочет выходить замуж?

Оуэн удивленно посмотрел на нее.

— Мне казалось, все женщины хотят выйти замуж.

— Я не сказала, что вообще не хочу выходить замуж. Вероятно, это произойдет, когда встречу достойного мужчину и влюблюсь в него. А как вы? — спросила она. — Вы не собираетесь жениться? Большинство мужчин вашего возраста уже женаты.

— О, уверен, что тоже женюсь когда-нибудь. — Он слегка улыбнулся. — Когда встречу достойную женщину. До сих пор мне это не удавалось.

Джемайна заметила, что он слегка смутился и отвел взгляд. К своему ужасу, она почувствовала, что краснеет!

Три дня спустя в газете «Филадельфия леджер» появилась статья Оуэна Тэзди. Она касалась Лестера Гилроя. Осторожно избегая клеветнических измышлений, автор подробно описывал прошлое Гилроя и его деятельность в Нью-Йорке, а также намекал на возможность того, что он собирается открыть фабрику в Филадельфии.

Гилрой читал статью с нарастающим гневом в номере отеля. После этого он долго ходил по комнате, размышляя, что делать дальше. Газетные статьи такого рода публиковались о

нем и раньше, но он только смеялся над ними. Но сейчас другой случай. Прошлые статьи касались уже открытых и преуспевающих фабрик, в то время как эта говорила о его планах. Он мог бы открыть фабрику, и ничто не помешало бы ему. Однако эта публикация создает неблагоприятный климат.

Он резко смял газету и бросил ее в угол комнаты. Черт с ней, с Филадельфией! Ему не нужны проблемы.

Есть и другие города, где он сможет устроиться, в которых будут рады открытию фабрики. К счастью, он еще не подписал договор об аренде здания, так что его потери ограничились только счетом за гостиницу и дорожными расходами.

Он решил запомнить этих двоих, причинивших ему неприятности. Репортера Оуэна Тэзди и эту женщину... как ее имя? Кажется, Джемейна Бенедикт. Гилрой никогда не забывал и не прощал тех, кто пренебрегал им или препятствовал ему.

Он запомнит эти два имени, и, если кто-либо из этих людей снова встанет на его пути и ему представится возможность отомстить, он непременно сделает это.

Глава 7

Во время обеденного перерыва Джемайна и Клара решили немного прогуляться по Честнат-стрит, болтая и заглядывая в магазины. Часть Честнат-стрит, между Четвертой и Десятой улицами, считалась центром, который многие называли филладельфийским Бродвеем. Редактор отдела мод «Гудиз ледиз бук» однажды назвал Честнат-стрит улицей, где господствуют новейшие моды, безрассудство, удовольствия и бизнес.

За время своей недолгой работы в «Бук» Джемайна научилась хорошо разбираться в моде. Сегодня на ней были элегантное муаровое платье серовато-жемчужного цвета, изящные башмачки и лайковые перчатки. В руках она держала белый зонтик от солнца. Стоял жаркий день, и на узких улочках, ограниченных кирпичными стенами домов, было особенно душно.

Клара тоже была хорошо одета, хотя и не так модно. Еще раньше она говорила Джемайне:

– Я не забочусь об одежде больше, чем того требуют приличия. Я должна поддерживать больную мать, а врачи стоят – просто ужас! Кроме того, если мне когда-нибудь удастся привлечь поклонника, пусть это будет благодаря внутреннему содержанию, а не мишуре, которую я ношу.

Они ускорили шаг. В это время на улице появился маль-

чишка, торгующий сегодняшним номером «Бюллетеня».

– Джемайна, ты читала статью Оуэна Тэзди о Лестере Гилрое во вчерашнем номере «Леджер»? – спросила Клара.

Джемайна кивнула:

– О да, читала. Сильная статья. Оуэн заставил задуматься мистера Гилроя, открывать ли ему фабрику здесь, в Филадельфии.

– Ты называешь его просто Оуэн? – Клара с любопытством посмотрела на нее. – Не думала, что ты знакома с ним так близко.

Джемайна почувствовала, что краснеет.

– Мы не были близко знакомы до того, как четыре дня назад он спас меня от несносных приставаний мистера Гилроя.

– Что? – Клара остановилась, пристально глядя на нее. – Зачем ты связалась с этим человеком?

Джемайна поспешно рассказала, как все произошло.

– Ну, знаешь, по-твоему, мистер Гилрой – настоящий злодей.

– Так оно и есть, поверь мне. Я была счастлива, что рядом оказался мистер Тэзди.

– Я почти завидую тебе, – мечтательно произнесла Клара. – Оуэн дьявольски красив.

– Да что ты, Клара! Я думала, тебя вовсе не интересует это в мужчинах.

Теперь настала очередь Клары покраснеть.

– Это не то, что я имела в виду. Кроме того, бывают ис-

ключения. Впрочем, не имеет значения, Оуэн никогда дважды не взглянет в мою сторону. Мне кажется, стоит ему только щелкнуть пальцами – и любая женщина в Филадельфии будет его.

– Этакий покоритель сердец? – спросила Джемайна упавшим голосом.

– О да. Даже Сара равнодушна к нему.

– Меня удивляет, почему Сара до сих пор снова не вышла замуж. Ведь ее муж давно умер.

Клара пожала плечами:

– Она сказала мне однажды, что слишком увлечена своим делом, чтобы думать о замужестве. Ты же знаешь, как многие мужчины относятся к женщинам, которые хотят работать. Сара говорит, что ни один мужчина не стоит того, чтобы жертвовать ради него своей карьерой. – Клара посмотрела на часы. – Мы уже долго гуляем, пора возвращаться.

– Верно. – Они развернулись и пошли назад по Честнат-стрит. – А как ты, Клара? Если бы у тебя был выбор, что бы ты предпочла: замужество или карьеру?

Клара смущенно засмеялась.

– К счастью или к несчастью, у меня пока нет такого выбора. Однако, думаю, если бы я встретила мужчину, которого полюбила, то предпочла бы замужество.

– Но это было бы непростое решение, не так ли? – задумчиво проговорила Джемайна. – Никак не пойму, почему большинство мужчин против того, чтобы их жены работали.

– В твоём возрасте, Джемайна, я бы не очень беспокоилась об этом. У тебя еще много времени впереди. – Клара лукаво посмотрела на нее. – Ты ведь не думаешь об Оуэне Тэзди и о браке с ним?

– Конечно, нет! – горячо воспротивилась Джемайна.

– А если даже и так, то тебе лучше сразу забыть об этом. Мистер Тэзди не из тех, кто женится.

– Можешь не беспокоиться. Если я решу выйти замуж, то едва ли выберу Оуэна Тэзди!

Дверь в кабинет Сары Хейл отворилась, и вошел Оуэн.

Сара, занятая редактированием очередного номера «Ледиз бук», раздраженно подняла голову.

– Оуэн, тебе не приходило в голову, что надо стучаться?

Он усмехнулся:

– Дорогая Сара, если бы я попросил разрешения войти, ты могла бы не пустить меня, и я лишился бы удовольствия видеть тебя.

Она откинулась назад и улыбнулась, как бы прощая его.

– Тебе бы это не понравилось. Только представь себе: знаменитый Оуэн Тэзди отвергнут простой женщиной!

Он расселся в кресле перед ее письменным столом, вытянув ноги.

– Я думал, что мне всегда рады здесь, Сара.

– Всему свое время. Сейчас я очень занята, как видишь. Иногда мне кажется, что ты работаешь у нас, настолько часто и свободно приходишь сюда.

– Бесплезно вербовать меня, Сара, – предупредил он серьезным тоном. – Ты же знаешь, я никогда не буду работать здесь. Писать о рецептах и дамских модах – не мое ремесло.

– Мы пишем не только о модах, и ты хорошо знаешь это! – Увидев его улыбку, она раздраженно вздохнула. – Чего ты хочешь, Оуэн?

– Я думал, тебе доставляют удовольствие мой визиты, Сара, и мы могли бы, как обычно, обмениваться мнениями.

– Оуэн! – воскликнула она предупреждающе.

– Хорошо, хорошо! Господи, работать с тобой, наверное, ужасно трудно. Я просто подумал... – Он придал своему голосу небрежный тон. – Я подумал, прочитала ли ты мою статью о Лестере Гилрое?

– Ну конечно. – Сара улыбнулась. – Знаменитый Оуэн Тэзди интересуется моим мнением о своей работе.

– Да, ведь речь идет о благополучии города, который мы оба любим, Сара, – сказал он, как бы оправдываясь.

– Моей первой реакцией было удивление, что ты взялся за такую незначительную историю. Здесь нет ни войн, ни захватывающих битв.

– Это событие, о котором нельзя умалчивать, к тому же мне надоело сидеть, ничего не делая. Кстати, оно не такое уж незначительное, как может показаться!

– По-моему, ты написал прекрасную статью, Оуэн, – похвалила Сара неожиданно серьезно. – Согласна, она действительно необходима. Нам в Филадельфии не нужна всякая

дрянь.

Оуэн широко улыбнулся в ответ на ее похвалу, и Сара подумала, что даже такой прославленный журналист, как Оуэн Тэзди, нуждается в ее одобрении. Она была польщена.

Он наклонился вперед.

– Тебе будет приятно узнать, что статья достигла своей цели. Мистер Гилрой уехал из города сегодня утром так поспешно, будто ему подпалили хвост. Держу пари, он больше не сунется сюда в ближайшее время.

– В таком случае поздравляю с хорошо сделанной работой, Оуэн.

Прежде чем он успел ответить, раздался легкий стук в дверь.

– Войдите! – крикнула Сара. Дверь открылась, и вошла Джемайна.

– Сара, я хотела поговорить с тобой о... – Она замолчала, увидев Оуэна.

Оуэн встал и слегка поклонился.

– Мисс Бенедикт, очень рассчитывал увидеть вас сегодня.

Сара, заметив, как покраснела Джемайна и улыбнулся Оуэн, внезапно поняла причину его неожиданного визита.

Джемайна бросила взгляд на Сару. Оуэн продолжал:

– У меня два билета на завтрашний вечер, мисс Бенедикт. Эдвин Форрест играет главную роль в «Макбете». Сочту за честь, если вы пойдете со мной.

– О, я никогда не видела мистера Форреста, хотя много

читала о нем... – Джемайна замолчала и снова поглядела на Сару, которая слегка пожала плечами.

– Так, значит, вы пойдете со мной? – спросил Оуэн. – А после театра мы могли бы поужинать, если хотите.

Джемайна посмотрела на него, чувствуя, что краска еще не спала с ее лица. Сара заметила: взаимное влечение между молодыми людьми становится вызывающе очевидным. Она вспомнила, как предупредила Джемайну в первый же день, когда та пришла в редакцию журнала. Оуэн, конечно, волокита, это верно, но при этом он красив, как дьявол, и с ним приятно общаться. Однако Джемайна явно пренебрегла опасностью. Впрочем, подумала Сара, это не ее дело. Хотя она и чувствовала ответственность за девушку, но Джемайна всего лишь ее подчиненная, а не ребенок.

– Да, Оуэн, я пойду с вами в театр, – пообещала Джемайна.

– Прекрасно! – Оуэн улыбнулся своей коварной, улыбкой, подмигнул Саре и стукнул тростью об пол. – В таком случае будьте добры дать мне свой адрес. Я заеду за вами завтра вечером ровно в семь.

Джемайна сообщила ему адрес тети, и Оуэн, распрощавшись с обеими женщинами, удалился.

Раскрасневшаяся Джемайна села в кресло, которое он освободил.

– Надеюсь, ты не возражаешь, Сара?

– Возражаю? Почему я должна возражать, детка? Я тебе

не судья. Мне нравится Оуэн, но еще раз предупреждаю тебя... не увлекайся им, иначе придется пожалеть.

Джемайна отвернулась.

– Этого никогда не произойдет.

«Так ли? – подумала Сара. – Ну что ж, посмотрим».

– Зачем ты хотела видеть меня, Джемайна? – спросила она.

– О! – Джемайна вынуждена была сделать паузу, чтобы собраться с мыслями. Почему она всегда начинает волноваться в присутствии Оуэна Тэзди? – По поводу женского миссионерского медицинского общества, которое ты хочешь организовать. Помнишь, ты поручила мне написать серию статей об этом проекте? Сара, большинство женщин не имеет соответствующей квалификации. Я нашла всего нескольких с опытом сиделок, однако все они, кроме двоих, замужем.

– Ты сообщила мне об основном содержании будущих своих статей. И уже считаешь, что женщины должны иметь необходимую квалификацию для данной миссии? Расскажи читательницам, как эти несколько женщин приобрели медицинский опыт или даже элементарные знания, необходимые сиделкам. Можешь упомянуть Элизабет Блэквел. Поговори также с замужними женщинами. Напряги свое воображение, Джемайна!

Девушка кивнула:

– Все это приходило мне в голову. Согласна, у меня накопилось достаточно материала. Но ты также хотела, чтобы я

нашла женщин, из которых ты могла бы организовать миссионерское общество.

– Ты сказала, что среди опрошенных есть две незамужние?

– Да, но одна из них слишком больна, чтобы принять участие в задуманном тобой деле.

– А другая?

– Марта Сандерс. Молода, здорова, у нее трехлетний опыт сиделки. Она, кажется, очень заинтересовалась проектом. По крайней мере выразила готовность предоставить свои услуги и поехать в любую часть света.

– Тогда начнем с нее. – Сара наклонилась вперед, на лице ее застыло напряжение. – Любое, даже самое дальнее путешествие начинается с первого шага, Джемайна. Пусть Марта Сандерс и станет нашим первым шагом к светлому будущему.

Джемайна ощутила волнение.

– Я напишу статью о Марте Сандерс и подчеркну, что в настоящее время она является единственной подходящей кандидатурой для осуществления задуманного тобой проекта.

Сара одобрительно кивнула:

– Превосходная мысль! Опиши также основные цели миссионерского общества, как я тебе их обрисовала в общих чертах. Я не рассчитываю на немедленные результаты. Пропытый опыт говорит о том, что такие вещи делаются очень медленно. Мне потребовалось несколько лет, чтобы органи-

зовать Общество помощи морякам в Бостоне, и двенадцать лет на то, чтобы увидеть завершение строительства монумента на Бункер-хилл...

Театр на Уолнат-стрит был старейшим театром Филадельфии, а также одним из старейших в Соединенных Штатах. Фасад здания украшали шесть дорических колон, увенчанных красивыми металлическими гирляндами. Под мерцающими газовыми фонарями беспорядочно двигалась толпа хорошо одетых людей.

Оуэн помог Джемайне выйти из экипажа. Он выглядел, как всегда, очень эффектно, особенно в вечернем наряде. Высокий, улыбающийся, изысканно вежливый, молодой человек слегка поклонился, взял ее под руку и повел в театр.

Вестибюль был просторным, с нишами, в которых торговали кондитерскими изделиями. Оуэн провел Джемайну через вестибюль. Они поднялись наверх в одну из лож.

– Ложа! – воскликнула девушка. – Как вам удалось?

Оуэн приподнял бровь.

– Журналист имеет обширные знакомства среди важных персон и часто пользуется их любезностью. – Когда они устроились в своих удобных креслах в просторной ложе, Оуэн сказал: – Вы знаете, что Эдвин Форрест весьма эксцентричный человек.

– Нет, я не знала этого. – Джемайне потребовалось слегка повысить голос, чтобы он ее услышал среди шума. – Слышала только, что он имеет мировую известность.

– Да, он известен в мире, и не только актерским мастерством. У него неистовый темперамент, и он использует все свои возможности, чтобы поддержать американских артистов. Его дебют на нью-йоркской сцене состоялся в возрасте четырнадцати лет. В 1826 году он сыграл роль Отелло и прославился как величайший трагедийный актер. Три года назад Форрест наделал много шума в Англии, выступив в той же роли. Английская публика боготворила своего собственного кумира – Уильяма Чарлза Макреди и отнеслась настороженно к Форресту. Однако он был очень убедителен.

– Вы имеете в виду, ему удалось завоевать зрителей?

– Я же говорил, что он очень эксцентричен, – со смехом заявил Оуэн. – Я видел игру Форреста однажды, и вы скоро сами убедитесь, он довольно-таки... ну, скажем, необычен.

Когда спектакль начался и Макбет встретил трех ведьм на мрачном болоте, Джемайна поняла, что имел в виду Оуэн. Манера игры Форреста захватывала, у него был звучный голос, и необыкновенное сценическое мастерство актера увлекло Джемайну с первого момента появления его на сцене. Она действительно поверила, что он был повелителем Глеймиса.

Когда леди Макбет наконец убедила мужа убить Дункана, короля Шотландии, и Макбет пробрался в королевскую спальню, чтобы вонзить нож в сердце монарха, Джемайна крепко сжала руку Оуэна. Затем она позволила ему держать свою до конца спектакля.

В кульминационный момент, когда во время битвы Макдуф отрубил Макбету голову, Джемайна заплакала, не стесняясь слез. Возможно, игра Эдвина Форреста в этом эпизоде могла показаться несколько мелодраматичной, но Джемайна нашла ее очень сильной.

Выйдя из театра, они уселись в экипаж, и Оуэн поинтересовался:

– Как вам понравилась пьеса?

– О, очень! – с чувством ответила девушка. – А вам?

– Должен признаться, я пропустил значительную часть спектакля, – сказал он, улыбаясь. – Я больше наблюдал за вами.

– Наблюдали за мной? Зачем, черт побери, вы делали это?

– Меня увлекла игра испытываемых вами чувств. Все, что вы переживали, отражалось на вашем лице. Я бы не советовал вам когда-либо играть в покер, дорогая.

Джемайна почувствовала, что краснеет. Она и не подозревала о такой своей особенности.

– Однако в этом есть одно преимущество для меня, – продолжал Оуэн. – Я всегда знаю, когда вы сердитесь на меня или, наоборот, довольны мной.

– Не слишком ли вы самонадеянны, мистер Тэзди? Кажется, считаете, что мы уже достаточно близко знакомы? – Джемайна сообразила, что начинает кокетничать, но в данный момент это вполне соответствовало ее настроению.

Оуэн снова улыбнулся:

– Полагаю, в будущем мы могли бы получше узнать друг друга. Думаю, мы были бы прекрасной парой...

– Вот как! Да у вас нет ни капли скромности.

– Я никогда не претендовал на роль скромного человека, – признался он, ничуть не смутившись. – Но убежден: у нас много общего, и нам неплохо вместе.

– А что будет, когда вас пошлют-с очередным заданием через весь континент?

– Таковы издержки моей профессии, – сказал он, пожав плечами. – Но я всегда возвращаюсь, моя дорогая. Кстати, вас тоже могут отправить куда-нибудь. Гоуди часто посылает своих корреспондентов в Париж на демонстрацию мод и тому подобное.

Джемайна напряглась, уловив снисходительные нотки в его голосе.

– Конечно, это не такое важное событие, как война или нечто подобное!

– Джемайна... – Он тяжело вздохнул. – Вы чертовски обидчивы! Вас не могут послать освещать войну по двум причинам. Во-первых, «Ледиз бук» не печатает репортажи с войн, во-вторых, вы – женщина.

Джемайне никак не удавалось успокоиться. В какой-то момент она даже хотела спросить, почему женщина не может писать о войне, но тут же остановила себя. Она вовсе не испытывала интереса к войнам, так зачем лицемерить?

– Все правильно, мистер Тэзди. Вы пишете о сражениях,

а я удовлетворюсь менее волнующими темами.

Оуэн привел ее ужинать в не менее популярный ресторан, чем в прошлый раз. Метрдотель в смокинге так же приветствовал Оуэна и проводил их за уютный столик в конце зала. Шум от разговоров был едва слышен, и тишину нарушало только случайное позвякивание тяжелого серебра о фарфоровые тарелки.

Оуэн заказал бутылку французского шампанского и, когда бокалы были наполнены, провозгласил тост:

– За прекрасный вечер, даже если игра Эдвина Форреста пришло мне не совсем по вкусу.

– Я выпью за это. – Они чокнулись, и Джемейна осторожно отпила вино маленькими глотками. – Я не очень-то поняла,, что вы имеете в виду, говоря о Форресте, так как мне его игра очень понравилась. Но должна признаться, мой театральный опыт довольно ограничен. Мой отец очень строг и придерживается мнения, что театр – это рассадник греха.

– Типичное провинциальное отношение, – констатировал Оуэн, приподняв бровь. – Действительно, многие постановки не отличаются завидной репутацией, однако пьесы Шекспира заслуживают уважения.

– Но не у моего отца. Он заявляет, что произведения Вильяма Шекспира вульгарны и молодой девушке не пристало видеть и слышать их.

Оуэн рассмеялся:

– Ну, если произведения Шекспира считаются таковыми,

мне вас жаль...

В этот момент официант протянул Оуэну меню. После того как официант ушел, Оуэн посмотрел на Джемайну.

– Наверное, вы недовольны, что меню принесли не сразу. Мне тоже это не понравилось. Если хотите взглянуть... – Он протянул меню Джемайне.

После недолгого колебания девушка сухо отказалась:

– Нет, закажите сами. У вас больше опыта в таких делах.

– Если таким образом вы хотите поставить меня на место, то считайте, что достигли цели, – весело признался он. – Почему бы вам не рассказать мне о своей жизни в... Бостоне?

Джемайна вздрогнула.

– Зачем? Это совсем неинтересно.

– Для газетчика все интересно. Кроме того, я хотел бы побольше узнать о вас, Джемайна.

– Ну, что я могу сказать о себе? Мне двадцать два года. Я родилась и выросла в Бостоне. Там же ходила в школу. До этого лета никуда не ездила дальше чем за сотню миль от Бикон-Хилла.

– От Бикон-Хилла? – Он снова приподнял бровь. – Это первоклассный район.

– Мой отец – банкир, – поведала она, пожав плечами. – Типичный благоразумный, степенный бостонский банкир. Он не считается слишком богатым, однако всегда содержал нас в полном достатке.

Вернулся официант, и Оуэн заказал черепаховый суп, те-

лячью грудинку с овощами и попозже – мороженое. Повернувшись к Джемайне, он спросил:

– А ваша мать?

– Она вышла замуж за отца в моем возрасте и была счастлива всю жизнь... Впрочем, может быть, я ошибаюсь. К моему удивлению, когда я сообщила, что собираюсь работать в «Ледиз бук», в то время как отец бушевал по этому поводу и произносил напыщенные речи, она призналась, что завидует мне.

– А как насчет братьев и сестер?

– Нет, я единственный ребенок.

– И в общем не совсем избалованный, как это часто бывает в подобных семьях. – Оуэн улыбнулся. – Если не считать упрямства.

– Это только вы так считаете.

– Может быть. – Он внимательно посмотрел на нее. – А теперь самый важный вопрос... Как насчет поклонников?

– Вы слишком дерзки, сэр!

– Возможно. – Он пожал плечами. – Я не имею в виду сейчас, в Филадельфии. Я говорю о Бостоне.

Несмотря на раздражение, Джемайна нехотя ответила:

– Было несколько мужчин, точнее, мальчиков. Мой отец постоянно приводил их в дом и знакомил со мной.

– Но никто не устраивал вас, так ведь?

– Когда я решу выйти замуж, то сама выберу мужа.

– Аплодирую, мэ-эм. – Он тихо похлопал в ладоши. – Боль-

шинство девушек вашего возраста уже замужем и имеют детей. – Он замолчал, сосредоточившись на еде.

Джемайна наклонилась вперед.

– А вы, Оуэн? Он поднял голову.

– Я? Вы хотите знать, есть ли у меня женщины?

– О, мне известна ваша репутация в этом отношении. Меня не раз предупреждали. Нет, меня интересует... ваш образ жизни. – Она обвела рукой ресторан. – Только самые роскошные заведения. Дорогая одежда. Я знаю, как оплачивается ваша профессия. Едва ли на эти деньги можно вести такой образ жизни.

– Кто из нас теперь проявляет нахальство? – Он тихо засмеялся. – Но я охотно отвечу на ваш вопрос. Когда я в Филадельфии, то веду джентльменский образ жизни. Понимаете, Джемайна, я нахожусь здесь только часть года, чаще всего очень незначительную. Когда я на задании, «Леджер» оплачивает все мои расходы, так что я могу копить свое основное жалованье.

– Мой отец, будучи банкиром, наверняка не одобрил бы такого расточительства. Он поинтересовался бы, к чему вы придете в пожилом возрасте.

– В пожилом возрасте? – Оуэн поморщился. – Как грустно! Впрочем, у меня еще есть время позаботиться о будущем. – Он усмехнулся. – Хотя моя профессия связана с риском и, вполне вероятно, я не доживу до старости.

У Джемайны вертелся на кончике языка вопрос, не ско-

пил ли он денег на случай женитьбы, чтобы содержать жену и детей, но она вовремя сдержалась и оставшийся вечер больше молчала.

Когда они уже собрались покинуть ресторан, ей неожиданно пришло в голову: он все узнал о ней, а она о нем почти ничего. Все, что ей известно, она узнала от других. Оуэн был разговорчив, однако каким-то образом ухитрялся очень мало сообщать о себе.

– Как тебе понравился театр, Джемейна? – спросила Сара на следующее утро.

– Я получила огромное удовольствие, хотя Оуэн счел игру мистера Форреста слишком вычурной.

– Оуэну нравится изображать из себя театрального знатока.

– Я обнаружила в нем нечто странное, Сара. Я уже дважды ужинала в его компании, он много говорит, как тебе известно, но почти ничего не рассказывает о себе.

– Верно, – улыбнулась Сара. – Оуэн весьма загадочный человек. Я встретила его несколько лет назад, когда он начал работать в «Леджер». С тех пор мы стали хорошими друзьями, но он почти ничего не рассказывал мне о своем прошлом. Я никогда не расспрашивала его слишком настойчиво, но на случайные вопросы он всегда отвечал довольно расплывчато. Кажется, никто не знает даже, откуда он.

– Но зачем такая таинственность? Может быть, у него темное прошлое и он скрывает что-то нехорошее, возможно, да-

же преступление?

Сара задумчиво нахмурилась.

– Признаться, такое не приходило мне в голову. Оуэн ни разу не давал оснований думать о нем так, и он не кажется мне человеком с криминальным прошлым. Знаешь, некоторые мужчины любят создавать вокруг себя атмосферу загадочности, полагая, что таким образом легче привлечь женщин.

– Судя по тому, что ты рассказывала мне о нем, а также исходя из моих наблюдений, Оуэн не нуждается в подобных уловках, чтобы привлечь противоположный пол, – заметила Джемайна.

Сара посмотрела на нее прищуренными глазами:

– Джемайна, почему ты так заинтересовалась Оуэном и его прошлым?

– Просто любопытно.

– Ты уверена, что это не более чем любопытство?

– Уверена. Что же еще может быть?

– Надеюсь, ничего. Рискую повториться, однако предупреждаю: не увлекайся Оуэном Тэзди. Я знала многих девушек, вышедших замуж за горьких пьяниц, негодяев, игроков, даже преступников в надежде исправить мужа, и никогда не могла их понять. В каждом случае все кончалось катастрофой. Не хочу сказать, что Оуэн относится к этой категории людей, но если тебя привлекает его таинственное прошлое, будь осторожнее, моя дорогая.

– Это не тот случай, Сара. Я же сказала, мне просто любопытно.

Джемайна встала и поспешно вышла из кабинета. Сара озабоченно смотрела ей вслед.

Глава 8

Оуэн имел основания скрывать свое прошлое.

Он был незаконнорожденным и даже не знал имени отца. Впрочем, и мать тоже не знала имени своего любовника. Оуэн стал плодом ее короткой связи с человеком, о котором ей было известно только, что он либо моряк, либо лодочник, либо кто-то в этом роде.

Мать Оуэна долго не могла оправиться от родов и, будучи портнихой, трудиться полный рабочий день. Ему запомнилась ужасная бедность. Почти всегда не хватало еды, а одежду, которую он носил, мать шила сама или покупала поношенную. Его ранние воспоминания относились к тому времени, когда мать, больная туберкулезом, лежала в постели неподвижно, как мертвая, или из последних сил шла на работу, оставляя сына на попечение соседки по квартире – вдовы с тремя собственными детьми.

Мальчику исполнилось семь или восемь лет, когда он заинтересовался отцом. Как-то за ужином ребенок спросил:

– Мама, мой папа умер?

Мать с грустью посмотрела на него.

– Нет, сынок, твой отец не умер. Однако я давно уже не видела его. Я могла бы соврать тебе и сказать, что он умер, но ты все равно когда-нибудь узнал бы правду.

– Значит, он плавает вокруг света на корабле? Ты говори-

ла, что он моряк.

– Я говорила, мне так кажется, сынок. То ли моряк, то ли лодочник, я не уверена. Мы были знакомы всего неделю. Он – единственный мужчина в моей жизни. Налетел на меня, как шторм, и я поддалась его очарованию, к своему большому сожалению.

– А он когда-нибудь вернется? Когда кончится его путешествие? – спросил Оуэн, не представляя, как долго может длиться путешествие вокруг света.

– Нет, Оуэн, твой отец не вернется. Сначала я надеялась на это, но после твоего рождения поняла: он никогда не вернется, – с тоской сказала она. – Я помню, на его правом предплечье вытатуирован корабль. Когда твой отец сгибал и разгибал руку, казалось, что корабль плывет. Странно, но я запомнила это...

– Он должен вернуться! – отчаянно воскликнул Оуэн. – Он мой папа!

Мать посмотрела на него, лицо ее выражало неопишемую грусть.

– Он даже не знает о твоём существовании, сынок. Ты родился вне брака. Тебе еще не ведомо, что это значит, но скоро поймешь. Я надеялась скрыть от тебя правду, но поняла, что не могу. Многие в курсе этого и позаботятся, чтобы и ты узнал.

Через несколько лет болезнь совсем извела мать, превратив почти в скелет. Однако она продолжала упорно цеплять-

ся за жизнь, работая по мере сил. В десять лет Оуэн тоже начал подрабатывать: продавал газеты, мыл посуду, подметал полы, разносил кружки с пивом в салуне. Его небольшой заработок увеличил их семейный бюджет, теперь они могли платить за квартиру и имели достаточно еды. Оуэн сделался шустрым и довольно хитрым малым. Он научился воровать фрукты и овощи из палаток, а также уголь из фургонов.

Его спасло то, что он родился с ненасытной жадной жадностью, и мать, немного образованная, научила его читать и писать. На школу у них не было ни времени, ни денег, но он читал газеты, которыми торговал, а также в букинистических лавках за гроши покупал книги. Каждый сэкономленный цент он тратил на них. Оуэн читал все подряд: классическую, историческую литературу, а также недавно опубликованные романы, если мог позволить себе приобрести их.

Он занимался самообразованием в полном смысле этого слова. К двенадцати годам Оуэн понял, что одно только чтение никогда не научит его правильно говорить. Он начал торговать вразнос газетами около клубов, где собирались манхэттенские богачи, а также брал с собой ящик для чистки обуви и после того, как распродал все газеты, располагался у входа в клуб, предлагая за цент почистить ботинки и прислушиваясь к разговорам образованных людей.

Позднее Оуэн часто думал, что из него мог бы получиться неплохой актер, – он обладал явными способностями к подражанию. Хороший слух позволял ему улавливать нюансы

правильного произношения, и с годами Оуэн мог говорить не хуже, чем выпускник колледжа. Много, что он узнал в те годы, пригодилось ему в дальнейшем, – например, как прилично одеваться.

В тринадцать лет Оуэн познал, что значит быть незаконнорожденным. Он редко находил время поиграть с ровесниками. Фактически у него было только два друга – Тод и Джордж Риардоны сыновья соседки, оба приблизительно его возраста.

Однажды в воскресенье у Оуэна выдалось полдня свободного времени. Он играл с Риардонами на пустынной, заросшей сорняками площадке неподалеку от дома. Мальчики боролись друг с другом. Благодаря той жизни, которую Оуэн вел последние несколько лет, он чувствовал некоторое превосходство над Риардонами, к своему явному удовольствию.

Тод Риардон был на год старше Оуэна, тяжелее на двадцать фунтов и немного выше, однако Оуэн отличался гибкостью и быстротой реакции, а долгие часы физического труда помогли ему развить мускулатуру. Через несколько минут борьбы он прижал плечи Тода к земле. Затем, смеясь, отпустил его и вскочил на ноги.

Оуэн хорошо знал, что Тод Риардон не любит проигрывать. И на этот раз он, нахмурившись, медленно поднялся на ноги.

– Ты победил нечестно. У тебя было преимущество.

– Какое преимущество? – Оуэн презрительно засмеялся. –

Ты хотел бороться, мы и боролись, и я положил тебя на лопатки.

Тод отвернулся в сторону и поднял палку с острым концом. Он прочертил на земле линию, затем ехидно процедил:

– Попробуй только пересечь эту границу, Оуэн.

– Тод, ты что? – Оуэн снова засмеялся. – Мы слишком взрослые для таких забав.

– Ты испугался, вот и все.

– Хорошо, пусть я испугался. – Оуэн повернулся, чтобы уйти. – Я должен позаботиться о маме.

– Маленький сыночек прячется за ее юбки! Может быть, залезешь под них? Я слышал, любой может это сделать.

Оуэн напрягся и повернулся к обидчику.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты – ублюдок, Оуэн Тэзди, вот что, – насмешливо проговорил Тод. – Все знают, что твоя мать не замужем и у тебя нет отца. Ублюдок, ублюдок!

Оуэн в ярости перешагнул линию, прочерченную Тодом, и набросился на него. Оба упали, так что Оуэн оказался сверху. Вся его злость сосредоточилась на ненавистном лице, находящемся в нескольких дюймах от него. Вцепившись в длинные прямые волосы парня, Оуэн приподнял его голову и с силой стукнул о землю.

Тод завопил и попытался перевернуться, но Оуэн уселся на него верхом, крепко держа за волосы. Затем снова приподнял голову бывшего приятеля и ударил о землю. Потом

еще раз и еще...

Он смутно видел, как Джордж с криком мечется вокруг него.

– Ты делаешь ему больно! Отпусти Тода!

Оуэн, не обращая на него внимания, снова стукнул Тода головой о землю.

Тогда Джордж начал колотить Оуэна по голове и плечам палкой, которой его брат начертил линию на земле. Разозлившись, Оуэн развернулся в сторону Джорджа, пытаясь предупредить удар, но не успел – тот ткнул его острым концом палки прямо в левый глаз.

Боль была невыносимой, какой Оуэн не испытывал никогда в жизни. Он отпустил Тода и поднялся на ноги, прижимая ладонь к глазу. Вдруг почувствовал кровь и потерял сознание.

Если бы ему оказали надлежащую медицинскую помощь, вероятно, глаз сохранили бы, но денег хватило только на одно посещение врача, во время которого мальчику его удалили, оставив пустую глазницу.

Оуэн мучился целый месяц, пока рана не зажила, но горечь потери невозможно было исцелить. Со временем он научился скрывать ее за шутками, но внутренне продолжал переживать;

Незаконное рождение и потеря глаза очень угнетали его, и он твердо решил: никто никогда не узнает о его происхождении и о причинах увечья.

С тех пор как лишился глаза, Оуэн люто возненавидел обманувшего мать человека, благодаря которому он появился на свет, и поклялся отомстить ему за все.

После случившегося здоровье матери еще более ухудшилось. Она умерла спустя несколько месяцев, и сын несчастной еще сильнее возненавидел неизвестного ему родителя.

Оставшись один, Оуэн начал искать другие средства существования. Через месяц мальчик услышал, что требуется рассыльный в редакцию газеты «Нью-Йорк пост», которой он так долго торговал вразнос. К своей великой радости, он получил эту работу. Теперь у него было денег гораздо больше, чем раньше, а еще появилась возможность переехать из убогой квартирки, сняв небольшую, но чистую комнату недалеко от редакции.

Он давно мечтал здесь работать, ведь газеты стали для него своеобразным окном в мир, многому научили. Ему нравилось все: быстрота, с которой он должен выполнять поручения, ежедневное волнение из-за поставленных сроков – таков теперь ритм его жизни! Ему виделось неплохое будущее, которое давало надежду избавиться от нищеты, очаровывало его, манило и возбуждало...

Вскоре Оуэн понял, что газеты формируют общественное мнение, расширяют кругозор. Люди не только узнают из них последние новости, но и получают всевозможную информацию о театре, книгах, знаменитостях, о развитии современной моды. Их взгляды на происходящие в мире события за-

частью находятся под влиянием газетных материалов.

С первого же дня Оуэн активно включился в работу, при этом старался узнать как можно больше о газете.

Он не представлял себе жизни вне редакции, домой приходил только поесть и поспать. Иногда сотрудники просили его сбегать за сигарами, купить для них еду или выполнить другие мелкие поручения. Вскоре юноша стал всеобщим любимцем.

Как-то Оуэн поведал о своих честолюбивых стремлениях Джеку Стивенсу, циничному ветерану журналистики с двадцатилетним стажем.

Стивене откинулся назад в своем кресле, внимательно изучая его поблекшими голубыми глазами.

– Значит, ты хочешь стать репортером, правильно я понял?»

– Больше всего на свете! – страстно подтвердил Оуэн.

– В который уже раз я слышу это от разносчиков! – Стивене вздохнул. – Сколько тебе лет, паренек?

– Пятнадцать, сэр.

– Уже исполнилось? А на вид можно дать чуть меньше. Для того чтобы стать репортером, необходимо поработать разносчиком еще несколько лет. Долгое, томительное ожидание, как правило, расхолаживает большинство парней.

– Я буду ждать, сколько потребуется. Стивене искоса посмотрел на него:

– Уверен? Хорошо. Ты кажешься мне решительным и

смышленным. Хотя большой ум едва ли тут нужен. Иначе кто выбрал бы работу репортера делом своей жизни?

– Вы же сделали это, мистер Стивене.

– Верно, но подобный выбор еще ничего не говорит о моих умственных способностях. Впрочем, я совсем не хочу отговаривать такого чудесного парня, как ты. Однако будь готов к трудной дороге. Если ты останешься и тебя продвинул по службе, то начнешь учиться, присоединившись к похоронной бригаде.

– Похоронной бригаде, сэр?

– Так я называю отдел некрологов. Там пишут сообщения о смерти известных людей. Большинство из нас начинало с этого. Я тоже. Если справишься, тебе в конце концов доверят писать статьи о живых.

Пророчество Стивенса сбылось. В восемнадцать лет Оуэн начал вести колонку некрологов. Он выдержал три года – гораздо дольше, чем другие разносчики, – кроме того, постоянно приставал к главному редактору с просьбой доверить ему репортерскую работу и вполне заслуженно получил эту колонку, как только прежде занимавшийся ею коллега пошел на повышение.

Составление некрологов было скучным занятием, заключающимся в изложении наиболее важных фактов из жизни умерших людей. Обычно Оуэн ограничивался двумя строчками. Если же покойный являлся важной персоной, то требовалось дать больше сведений, и некролог занимал тогда

целый абзац и более.

Теперь Оуэн по крайней мере писал и видел свой текст напечатанным, пусть даже это были скупые строки и имя его не указывалось. Впрочем, подписи не ставились и под более значимыми статьями. В последнее время репортеры, правда, все чаще стали настаивать, чтобы их имена фигурировали под важными материалами.

Оуэн занимался колонкой некрологов свыше двух лет, но все время стремился к корреспондентской работе. Он изучал статьи признанных репортеров, слово за словом, строчку за строчкой, и пришел к выводу, что может писать не хуже, если не лучше. Однако ему постоянно отказывали в самостоятельной деятельности.

Наконец Оуэн принял решение, давно зревшее в его голове: он должен уехать из Нью-Йорка! Здесь ему никогда не добиться своей цели. Конечно, Нью-Йорк – солидный издательский город, но Филадельфия считалась крупнейшим издательским центром в стране. Там издавалось множество журналов и книг, печаталось огромное количество газет, большинство из которых пользовалось хорошей репутацией.

Оуэн выглядел гораздо старше своих двадцати лет и набрался, как считал, достаточно опыта газетной работы, так что мог спокойно заявить о себе как о выдавшем виды репортере.

Итак, он оставил Нью-Йорк и уехал в Филадельфию, где познакомился с Томасом Каррузерсом. Двухцентровая «Фи-

ладельфия леджер» являлась наиболее популярной среди нескольких десятков газет, печатавшихся в городе. Ее тираж был сравним с тиражом «Лондон стандарт». Издательство располагалось недалеко от «Гоудиз ледиз бук».

Аккуратно одетый, Оуэн уверенно вошел в кабинет главного редактора. Ему стало известно: Томасу Каррузерсу требуется репортер.

– Меня зовут Оуэн Тэзди, – решительно заявил молодой человек. – Я репортер и хотел бы работать в вашей прекрасной газете. Мне сказали, вы лично должны познакомиться с кандидатом.

Каррузерс откинулся назад и нахмурился, пуская клубы сигарного дыма, что, как вскоре узнал Оуэн, было для него обычно.

– Значит, говоришь, прекрасная газета? Надеешься, что лесть поможет тебе?

– Думаю, не причинит и вреда, – улыбнулся Оуэн.

– Полагаю, у тебя прекрасный опыт?

– Самый лучший. Я несколько лет проработал в «Нью-Йорк пост».

Каррузерс скептически кивнул:

– Если бы я принимал на работу каждого, кто приходит сюда и заявляет, что он хороший репортер, то вскоре был бы по горло в репортерах.

Однако Каррузерс не выставил Оуэна. Он начал дотошно расспрашивать его о том, как юноша представляет себе ра-

боту журналиста, и Оуэн не колеблясь отвечал на все его вопросы.

Наконец Каррузерс снова кивнул:

– Хорошо, вы приняты. Условно. Все зависит от качества вашей работы. – Он передвинул какие-то бумаги на, своем письменном столе. – У меня есть задание для вас. «Леджер» печатает серию статей о выдающихся гражданах Филадельфии. Вы слышали о Саре Хейл? Или о Луисе Гоуди?

– Редактор и издатель «Гоудиз ледиз бук»? Каррузерс слегка улыбнулся.

– По крайней мере вам кое-что известно. Возьмите интервью у миссис Хейл и мистера Гоуди, затем напишите статью, а там посмотрим.

Так Оуэн впервые встретился с Сарой Хейл. Ему сразу понравилась эта женщина с независимым мышлением, а ее привлекла дерзость начинающего репортера.

Тэзди очень быстро написал статью и принес ее Каррузерсу с таким расчетом, что редактор прочтет ее и оценит, прежде чем получит сведения о нем из «Нью-Йорк пост».

Два дня спустя Каррузерс вызвал Оуэна в свой кабинет.

– У меня здесь интересное сообщение из «Нью-Йорк пост». – Он взял в руки письмо. – Оказывается, некто Оуэн Тэзди действительно работал там. – Он бросил на юношу недоброжелательный взгляд. – В качестве разносчика и автора некрологов!

Проклятие! А он-то надеялся выиграть немного времени.

Оуэн пожал плечами:

– Ну да, полагаю, это ценный опыт. И я не соврал вам, только не сказал, чем занимался в «Пост».

Каррузерс пристально посмотрел на него тяжелым взглядом, затем бросил письмо на стол. Он закурил сигару, отогнал рукой дым от лица и снова посмотрел на Оуэна.

– По поводу твоей статьи о Гоуди и миссис Хейл. Она пойдет в завтрашний номер.

Оуэн затаил дыхание.

– Значит, она понравилась вам?

– Скажем, да, – неохотно произнес Каррузерс. Сердце Оуэна бешено колотилось. Он уже знал, что эти слова – единственная похвала, на которую способен Каррузерс.

– Значит, вы не увольняете меня?

– Я позволю тебе остаться на некоторое время. И опять условно – все зависит от тебя. Только не лги мне снова. Я знаю, – он поднял руку, – ты не обманул меня, однако умолчание – разновидность лжи. А сейчас послушай вот что, Тэзди. Обычно я не беру на работу людей без тщательной проверки их прошлого. Но в тот день, когда ты появился здесь, я уволил двух человек, и мне нужна замена. Так что считай, тебе чертовски повезло, парень!

Через некоторое время между редактором и репортером возникла крепкая дружба. По мере того как оттачивалось репортерское мастерство Оуэна, Каррузерс давал ему все более ответственные задания. Наконец молодой человек стал

видным журналистом и самым известным репортером «Леджер». В свою очередь, росло и его уважение к старшему товарищу, особенно после того как он понял, что за внешней жесткостью Каррузерса скрывается доброе сердце. Их отношения смахивали на отношения между грубоватым отцом и дерзким сыном.

«Леджер» являлась относительно новой газетой – она была основана в 1836 году и никогда не имела полевых корреспондентов, описывающих важные военные и политические события, происходящие в стране и за ее пределами. После долгих уговоров Каррузерс наконец послал Оуэна освещать президентскую кампанию Д. Полка в качестве собственного корреспондента. Но Тэзди вряд ли удалось бы закрепиться на этой должности, если бы не одно обстоятельство.

В апреле 1841 года Хорас Грили начал выпускать «Нью-Йорк дейли трибюн», которая тотчас завоевала популярность. Грили явился новатором в газетном деле. «Трибюн» выходила два раза в день, утром и вечером, шесть дней в неделю. Он ввел должности полевых, или собственных, корреспондентов, а также распорядился ставить подписи под статьями ведущих репортеров.

Оуэн воспользовался этим аргументом при давлении на Каррузерса. В результате он стал первым полевым корреспондентом в «Леджер», а затем добился, чтобы его имя ставили под статьями. В конце концов он пригрозил уволиться и перейти на работу в «Трибюн», хотя и не совсем серьезно.

Каррузерс ворчал и ругался, но все же Оуэн получил, что хотел, отправившись с экспедицией Керни в Мексику.

Таким образом, к 1848 году многие честолюбивые стремления Оуэна осуществились. Одно продолжало мучить его: он часто просыпался по ночам от кошмара, в котором преследовал безликое существо с татуировкой корабля на руке. Оуэн Тэзди был все еще уверен, что так или иначе найдет человека, который так безответственно породил его, и отомстит ему за все.

Глава 9

Джемайна была озадачена последним поручением редакции. Она выросла в городе и видела сельскую местность только из окна экипажа или поезда. О сельском хозяйстве вообще ничего не знала.

Когда девушка сказала об этом Саре, та отмахнулась от ее возражений, заметив:

– Это не имеет значения. Ты должна открыть новые перспективы для нашего журнала. Понимаешь, Джемайна, очень многие наши подписчики – сельские жители, а мы частенько игнорируем их проблемы в «Ледиз бук», адресуя большинство наших материалов горожанам. Думаю, статья о сельской жизни будет своевременной и встретит одобрение среди женщин сельских общин. В обозрении, полученном в начале декады, говорится, что всего в Соединенных Штатах имеется пять с половиной миллионов наемных рабочих и из них свыше трех с половиной заняты в сельском хозяйстве. Письмо одной из подписчиц заставило меня задуматься над этим.

Сара взяла распечатанное письмо со своего стола.

– Оно от миссис Эллен Монро. Она давно выписывает «Ледиз бук» и обожает наш журнал, но не может понять, почему мы печатаем так мало статей о семьях фермеров. Я написала ей и заверила, что буду рада опубликовать подобные

статьи, если смогу послать одного из наших авторов к ней на ферму. Миссис Монро прислала ответ: она будет счастлива принять в своем доме корреспондента, и тот может пожить у нее сколько потребуется. Ее семья с радостью окажет необходимую помощь. Я пообещала ей, что один из наших сотрудников скоро посетит ее.

– А где находится эта ферма?

– Недалеко от Аллентауна. Тебя кто-нибудь встретит на станции.

– Помню, я где-то читала, что в тех местах много квакеров. Семейство Монро – не исключение?

Сара посмотрела на Джемайну тяжелым взглядом.

– Понятия не имею, но думаю, это не имеет значения. Религия – одна из тем, которых мы избегаем в «Бук», кроме общих фраз. Луис говорит – религиозный вопрос весьма спорный, и я согласна с ним.

– Так о чем в основном я должна писать?

– О том, что миссис Монро хочет увидеть в «Бук». Полагаю, и другие читательницы должны заинтересоваться этим.

Выходя на указанной станции в нескольких милях южнее Аллентауна, Джемайна не представляла, кого ей ждать.

Ее встретил Картер Монро, рослый, застенчивый юноша двадцати с небольшим лет, на сверкающем черном кабриолете, запряженном серой лошадью. Картер представился и уложил в коляску дорожную сумку Джемайны, затем помог ей сесть.

Когда они тронулись, девушка спросила:

– Как велика ваша семья, мистер Монро?

– Нас семеро, мэм, – сообщил он, робко улыбаясь. – Пятеро детей: три мальчика и две девочки. Я – старший.

– Довольно большая семья, – заметила Джемейна.

– Да, мэм. Отец говорит, мы должны сами управляться с хозяйством и никого не нанимать. – Затем он густо покраснел и больше не смотрел в ее сторону.

Экипаж быстро ехал по дороге, поднимая за собой пыль. Дома, мимо которых они проезжали, выглядели очень опрятными, поля по обеим сторонам были заботливо обработаны. Кукуруза длинными рядами возвышалась по плечо. Джемейна ощутила приятный аромат.

– Чем так хорошо пахнет?

Картер наконец взглянул на нее.

– Это свежескошенная люцерна, мэм.

– Ваш основной продукт?

– Не только. Люцерну, а также картофель и другие овощи мы продаем горожанам в Аллентауне.

Он свернул с главной дороги на узкую дорожку, ведущую к двухэтажному белому дому. Позади дома виднелся большой сарай.

Через несколько минут Джемейне помогли выйти из кабриолета, и она была представлена Эллен Монро и ее дочерям – двум пышущим здоровьем, хихикающим девушкам.

Миссис Монро, полная сияющая женщина лет сорока, ра-

достно приветствовала ее.

– Мой муж Дэвид и двое других сыновей работают в поле.

Вы увидите их за ужином.

– Вы очень любезны и гостеприимны, миссис Монро.

– Для нас большая честь принять гостью из вашей редакции. «Годиз ледиз бук» – мой любимый журнал. Признать-ся, я не ожидала, что миссис Хейл ответит на мое послание.

– Сара по возможности старается лично отвечать на письма.

Джемайну провели наверх в уютную спальню. Слабый ветерок шевелил шторы, создавая в комнате приятную атмосферу, несмотря на жару ранней осени.

Распаковав вещи, девушка немного расслабилась. Как можно было чувствовать себя неловко среди этих гостеприимных людей!

Устав от путешествия, она вытянулась на удобной кровати с балдахинном и задремала. Ее разбудил приятный аромат готовящейся еды, когда уже наступили вечерние сумерки. Джемайна быстро переделась и спустилась вниз, где встрети-лась с Дэвидом Монро и сыновьями. Покончив с делами, они расположились на открытой террасе, ожидая ужин. Дэ-вид Монро был довольно молчаливым, замкнутым челове-ком. Он вынул изо рта трубку и смущенно приветствовал го-стью.

Девушка заметила, что дочери очень похожи на мать, а сыновья – на отца, высокие, худощавые, застенчивые и спо-

койные.

– Чем помочь вам? – спросила Джемайна миссис Монро.

Пожилая женщина всплеснула руками:

– О Боже, детка, ты же наша гостья! Я и не думаю о твоей помощи.

– Нет, я настаиваю, – твердо заявила Джемайна. – Должна признаться, я никогда не была на ферме и не смогу написать о вашей жизни, если не буду принимать участия в делах.

– Это тяжелая работа, мисс Бенедикт, – серьезно сказал мистер Монро. ~– Доеение коров, сбор яиц, кормление поросят. Думаете, справитесь с этим?

– Нет, Дэвид! – Миссис Монро замахала руками на мужа. – Ты совсем запугаешь бедную девочку.

– Если вы и ваши дочери делаете это, смогу и я, – решительно проговорила Джемайна. – По крайней мере попытаюсь.

– Хорошо, – согласилась миссис Монро, – в таком случае, пожалуйста, помогите накрыть на стол. Мы будем ужинать через несколько минут.

Меню ужина было разнообразным: сладкая кукуруза в початках, белоснежное картофельное пюре, огромные куски жареной говядины, цыплята, зеленый горошек, каравай свежеспеченного хлеба и еще с полдюжины блюд и приправ. Джемайна никогда не видела такого обилия еды на столе.

Миссис Монро не переставала говорить, хлопоча на кухне:

– Ты приехала как раз вовремя, Джемайна. Моя старшая дочь Марта через два дня выходит замуж. – Сияя, она указала на высокую девушку с длинными светлыми волосами. Густо покраснев, та опустила голову.

– О, извините, миссис Монро, – встревожилась Джемайна. – Меньше всего вам нужны посторонние в доме во время приготовления к свадьбе.

– Ерунда, детка, – живо ответила миссис Монро. – У нас будет так много гостей, что еще один человек вовсе не помещает. Мы очень рады, что ты будешь с нами. – Затем робко добавила: – Может быть, напишешь строчку или две об этом.

Перед ужином все склонили головы, в то время как Дэвид Монро своим низким голосом произнес молитву. Затем по его жесту тарелки с кушаньями двинулись по кругу. Джемайна поняла, зачем потребовалось так много еды. Все ели с большим аппетитом, особенно юноши и глава семьи. Даже Джемайна ела больше обычного – свежий воздух способствовал хорошему аппетиту, а пища была здоровой и вкусной.

На следующее утро Джемайна пожалела о своем решении заняться работой сельской женщины. Задолго до восхода солнца ее разбудили звуки, доносившиеся с первого этажа. Быстро одевшись, она поспешила вниз. Семья сидела за столом, заканчивая завтрак. Миссис Монро огорченно воскликнула:

– О, я надеялась, что мы не побеспокоим тебя, Джемайна!

Хоть ты и говорила, что хочешь помогать нам, но по крайней мере в первое утро нам следовало бы дать тебе выспаться.

Джемайна глубоко вздохнула и улыбнулась:

– Поскольку я пробуду у вас всего несколько дней, хочу немедленно приступить к работе.

Миссис Монро выглядела очень довольной.

– Ну, если ты действительно хочешь этого...

К тому времени как Джемайна закончила завтрак, мужчины уже ушли в поле, а миссис Монро и ее дочери занимались приготовлением к дойке. Джемайна отправилась с ними в хлев.

– У нас дюжина молочных коров, – пояснила миссис Монро. – Гораздо больше, чем необходимо для семьи, поэтому мы продаем молоко и масло в городе, а также несколько дюжин яиц в неделю, так как у нас почти сотня несущихся кур.

Миссис Монро и девушки расположились около коров на маленьких трехногих табуретках, зажав между ног молочные ведра. Затем они ухватились руками за коровьи соски, и в ведра полились струйки молока. Джемайна с интересом наблюдала за женщинами.

– Покажите, как это делается, и дайте мне попробовать, – попросила она миссис Монро через некоторое время.

Эллен уступила ей место и стала смотреть, как девушка, присев на табуретку, сжимает и отпускает соски. Однако попытки Джемайны не увенчались успехом – ей удалось выжать лишь несколько капель молока. Подошедшие дочери

миссис Монро захихикали, и даже мать не удержалась от улыбки.

– У меня ничего не получается! – разочарованно воскликнула Джемайна. – Что я делаю не так?

– Ничего, детка, – успокоила миссис Монро. – Нужна практика. Я знала многих людей, которые поначалу никак не могли приноровиться.

После дойки Джемайна помогла девушкам покормить поросят – их было не меньше дюжины. Потом они собрали яйца. Хоть здесь, иронически подумала Джемайна, ее помощь пригодилась, так как в этом не требовалось особого умения.

Следующий этап – уборка дома, затем приготовление обеда для мужчин. После обеда женщины занялись штопаньем и шитьем, а Джемайне предложили немного подремать, и та с радостью согласилась.

Через час она проснулась, чувствуя себя виноватой: без сомнения, во время ее сна миссис Монро с дочерьми продолжали работать.

Джемайна поспешно поправила одежду и прическу, а затем спустилась вниз. По пути на кухню, откуда раздавались голоса женщин, она заглянула в гостиную и увидела там много книг и журналов.

В это время миссис Монро и девушки готовили ужин. Джемайна спросила пожилую женщину:

– Я заметила, что у вас в доме полно книг и журналов. Ваша семья много читает?

– Да, я читаю, девочки тоже. – Миссис Монро решительно кивнула: – Впрочем, мальчики... не так часто берут в руки книгу. Мы с Дэвидом настояли, чтобы все дети научились читать и писать, хотя они мало посещали школу. Я же всегда очень любила читать.

– Мне кажется, вы так заняты, что на чтение у вас не должно оставаться времени.

Миссис Монро засмеялась:

– Это только сейчас, детка. Весенние посадки, летние работы и осенний сбор урожая действительно занимают много времени. Но в зимние месяцы мы имеем возможность проводить вечера у огня и читать.

– Другие женщины на фермах тоже много читают?

– Не могу сказать обо всех, но из тех, кого я знаю, некоторые читают мало, другие больше, однако... очень многие подписываются на «Гоудиз ледиз бук»!

Из разговора с миссис Монро и ее дочерьми Джемайна выяснила, что они на удивление хорошо информированы о многих вещах, не только о рецептах приготовления пищи и моде. Например, женщины прекрасно разбирались в текущих событиях.

Джемайну удивило еще одно обстоятельство. Последовав на следующее утро за миссис Монро по обычным делам, она пошутила:

– Глядя на ваш тяжелый физический труд, я, кажется, начинаю понимать, почему на Юге продолжают отстаивать раб-

ство.

– Не говори так, детка, – возмутилась пожилая женщина. – Я ненавижу рабство. Это грех в глазах Бога. Ни один человек не вправе порабощать другого!

По правде говоря, Джемайна никогда раньше не задумывалась над этим вопросом, но сейчас она испытала неловкость.

– Согласна с вами, миссис Монро. Это неосторожное и неумное замечание с моей стороны.

Смягчившись, миссис Монро кивнула:

– А мне не следовало бы так обижаться. Дело в том, что мои близкие очень расстраиваются, когда речь заходит о рабстве. По словам Дэвида, эта проблема разрывает страну на части. – Она понизила голос: – Я скажу тебе кое-что, хотя, может быть, не стоит – ты ведь работаешь в журнале.

– Можете не бояться, «Ледиз бук» не печатает статей на подобные темы.

– А ты – северянка и против сохранения рабства? – спросила миссис Монро, посмотрев на Джемайну.

Девушка кивнула.

– Да, я из Бостона, и моя семья против рабства, хотя об этом редко говорят в доме.

– Ясно. Люди в Квакертоне, что неподалеку отсюда, начали кампанию под названием «Подпольная железная дорога». Они тайно перевозят рабов с Юга к новой свободной жизни и получают широкую поддержку жителей окрестных мест.

В этот вечер после ужина, сидя в своей комнате и напевая про себя, Джемайна начала писать.

* * *

Сельское хозяйство является краеугольным камнем в экономическом фундаменте нашей страны. Оно не только снабжает людей продуктами питания в больших и малых городах, но и помогает утверждать моральные принципы жизни.

Ученые считают, что земледелие стало не только первым ремеслом, освоенным человеком, но и отцом всех остальных ремесел, которые не могут долго существовать без него. Процветание страны зависит от уровня развития ее сельского хозяйства. И конечно, никто не станет отрицать, что нация просто не выживет без сельхозпродукции.

Но если сельское, фермерское, хозяйство является фундаментом нации, то женщины на фермах представляют собой опору фундамента. Эти женщины и будут центром внимания в данной статье, а также в серии других, посвященных сельским общинам нашей великой страны...

Статьи, опубликованные в трех номерах журнала, имели большой успех. В третьей статье рассказывалось о свадьбе Марты Монро.

Рождения, свадьбы и похороны являются основными вехами нашей жизни, однако эти события имеют наибольшее значение в фермерских семьях, особенно свадьбы, так как

они означают начало новой жизни для двух людей.

Ваш корреспондент стала свидетельницей одной из таких свадеб в доме Дэвида и Эллен Монро. Их старшая дочь Марта сочеталась браком с сыном фермера Джедом Лейксом.

Время свадеб обычно наступает весной после сева или осенью после сбора урожая. Эта свадьба состоялась после сбора урожая и, таким образом, явилась двойным праздником. Было очень весело. Торжеству предшествовали большие приготовления, в которых ваш корреспондент принимала участие в меру своих скромных возможностей. Невероятное количество муки, сахара, молока и яиц превратилось в разнообразные восхитительные лакомства. Это был настоящий пир!

Весь день на ферму прибывали люди из ближних и дальних мест. Одежда и украшения были достойны двора Людовика XIV: Девушки сделали прически с большим количеством завитушек и косичек. На голове матрон красовались банты и чудесные шляпки.

Вначале свадебное веселье было не таким очевидным, все присутствующие вели себя тихо и сдержанно, ожидая торжественной церемонии.

Наконец священник произнес заключительные слова:
– Объявляю вас мужем и женой!

Все бросились поздравлять молодоженов, целуя невесту и пожимая руку жениху. Гости сели за столы, затем заиграли скрипки, и начались танцы. Шумное веселье продолжа-

лось до одиннадцати часов, после чего вся компания дружно разошлась и наступила тишина. На ферме не было заметно никаких признаков жизни, за исключением одного или двух тусклых огоньков в доме Монро.

Мы заканчиваем на оптимистичной ноте – еще одна сельская женщина соединилась со своим мужем. Вскоре они начнут новую жизнь. Марта Лейке присоединится к множеству счастливых фермерских жен, как это сделала в свое время ее мать и как сделают ее подруги. Эти женщины, дорогие читатели, образуют ядро американского общества, и мы должны благодарить Бога за то, что они существуют.

Сара Хейл похвалила материалы Джемайны. Даже Луис Гоуди снизошел до комплимента. Однако Джемайна еще не была уверена до конца в качестве того, что она сделала, пока не начали приходить письма читателей, причем не только от фермерских жен, но и от горожанок.

Девушка почувствовала уважительное отношение со стороны сотрудников «Бук», а Клара молвила с некоторой завистью:

– Тебя ждет большое будущее, Джемайна.

– О, мне кажется, рано говорить об этом.

Тем не менее она испытывала явное удовольствие.

– Возможно, не все, что ты напишешь в дальнейшем, будет заслуживать такого же внимания. Но у тебя, несомненно, талант, – сказала Клара. – У меня нет такого и никогда не будет.

Даже Оуэн Тэзди нашел несколько теплых слов.

– Чертовски хорошо написано, дорогая. Проницательно, интересно, ярко. Можно подумать, вы родились и выросли на ферме, а не в Бостоне. Вы не только хорошо пишете, но и обладаете способностью уловить самую суть событий. Очень многие умеют соединять слова вместе, но не все вникают в жизнь людей, понимают особенности их профессии и окружения.

Джемайна с удивлением посмотрела на него:

– Не ожидала услышать такие слова от вас.

– Почему? – пожал он плечами. – Я же похвалил вас за статью о Блэквел. И всегда стараюсь похвалить коллегу.

– Даже если коллега – женщина? – насмешливо спросила она.

Он усмехнулся:

– Должен признаться, вы первая женщина-автор, которой я расточаю комплименты.

Оуэн Тэзди все еще продолжал удивлять Джемайну. Сначала она думала, что он красивый, обаятельный и компанейский мужчина – и это действительно так, – но он также казался ей тщеславным и высокомерным человеком, что на самом деле неверно.

Они встречались раз или два в неделю, посещая концерты, спектакли, или просто за ужином, и он никогда не переступал границ приличия. Он мог взять ее за руку в экипаже, иногда поцеловать при прощании, но только легким прикос-

новением губ. Однако за этим ничего не следовало.

Где же скрывается волокита, опасный повеса, о котором ее предупреждали?

Вскоре Оуэн пригласил Джемайну на поздний ужин. Он выглядел несколько подавленным, даже грустным.

Джемайна не удержалась от вопроса:

– Что-то не так, Оуэн?

Он бросил на нее испуганный взгляд.

– Разве заметно? Дело в том, что я немного расстроен.

Прошло уже достаточно времени с тех пор, как я нахожусь в Филадельфии, однако Каррузерс, мой редактор, говорит, что в настоящее время ничего важного в стране не происходит.

– Ты имеешь в виду – ни войн, ни громких убийств?

Он нахмурился.

– Не обязательно должны быть войны. Например, сейчас много говорят о баснословных залежах золота в Калифорнии. Я просил Каррузерса послать меня туда, но он решил подождать и убедиться, что это не просто слухи.

– Калифорния! О Боже, значит, ты скоро надолго уедешь! – испуганно воскликнула она. Молодые люди настолько сдружились, что перешли на ты.

– Да, это будет длительное путешествие. Почти год. – Он слегка улыбнулся. – Ты будешь скучать обо мне, дорогая?

Джемайна покраснела от досады.

– Какое самомнение!

– Это не ответ на мой вопрос. Ты будешь скучать, Дже-

майна?

– Какой ты забавный, Оуэн. Мне будет скучно без тебя.

– Мне этого недостаточно, – угрюмо заметил он.

Больше за ужином ничего не было сказано, и девушка пожалела о своих легкомысленных словах, тем более что она действительно будет скучать по Оуэну. С другой стороны, Джемайна решила, что неразумно говорить ему об этом.

Когда их экипаж тронулся от ресторана, Оуэн неожиданно спросил:

– Ты ведь ни разу не была у меня дома, не так ли? Откинувшись назад, Джемайна не знала, как ей быть: обидеться или нет?

– Нет, не была.

– Может быть, окажешь честь? У меня есть бутылочка превосходного бренди, и хотя я веду холостяцкий образ жизни, мое жилище имеет вполне приличный вид, особенно если учесть, что я провожу там очень мало времени.

Джемайна внезапно почувствовала, что у нее перехватило дыхание и она покраснела. Девушка не имела представления о своей чувственности, оказавшейся неожиданно глубокой и сильной. Она давно заметила, что испытывает странное возбуждение в присутствии Оуэна.

Джемайна не питала иллюзий по поводу того, зачем ее пригласили. Наконец он начал свою прелюдию. Подумав, она обнаружила, что ничуть не обиделась. Она была уже не та девочка, которая не так давно приехала из Бостона. Теперь

она вполне самостоятельная, и, если решила познать сексуальную жизнь, ее не беспокоило, что подумают об этом родители, или Сара Хейл, или тетя Хестер.

Понимая, что прошло уже достаточно много времени с того момента, как Оуэн задал вопрос, она сказала:

– Да, Оуэн, я хотела бы посмотреть, где ты живешь.

Он слегка откашлялся, что могло означать либо удивление, либо удовлетворение, и постучал тростью по крыше экипажа. Когда кучер вопросительно взглянул на него, Оуэн указал ему другой адрес.

Джемайна была немного удивлена, увидев, что экипаж остановился перед двухэтажным кирпичным домом на Деланси-стрит, напротив парка, усаженного акациями. Это был район Сосайети-Хилл, где жили состоятельные граждане Филадельфии.

Оуэн мало говорил по дороге, лишь задумчиво смотрел на Джемайну, что несколько ее озадачило.

Оуэн и сам был озадачен. Приглашение как-то невольно вырвалось у него, удивив его самого не меньше, чем Джемайну. Он действительно давно желал ее и не раз собирался пригласить к себе. Его репутация повесы была в значительной степени оправданна – он очень любил женщин. Однако проявлял большую разборчивость и никогда не связывался с проститутками. Когда Оуэн однажды поведал об этом ближайшему другу, тот сухо заметил:

– Это потому, что ты не нуждаешься в их услугах. Надо

сказать, Оуэн часто пользовался своей привлекательностью с целью покорить женщин. Но в случае с Джемайной что-то настораживало его. Прежде всего он испытывал к ней совсем другие чувства, нежели к тем женщинам, которых знал. Порой за ее показной искушенностью проглядывала явная уязвимость. Он чувствовал, что она легко ранима, и не хотел обижать ее.

Впервые встретив женщину, которая, вероятно, значила для него больше-, чем любая другая, Оуэн не был уверен, что готов к этому. А если нет, то нечестно по отношению к Джемайне играть ее чувствами.

И вот, как ни странно, она приняла его импульсивное приглашение, а он теперь не мог отказаться, чтобы не выглядеть полным болваном.

Когда они вышли из экипажа перед его домом, Оуэн улыбнулся, заметив ее удивленный взгляд:

– Ты, видимо, подумала, что это слишком шикарный район для журналиста, да?

– Я действительно удивлена.

– Мне нравится здесь, и я могу позволить себе такую роскошь. Этим домом владеет женщина, которая живет внизу. Она вдова, и ей хочется, чтобы в доме был мужчина, поэтому и сдала мне второй этаж довольно дешево. – Немного помолчав, он продолжил: – Знаешь, здесь жили некоторые знаменитости. Например, чуть выше, на Четвертой улице, находится дом Тодда, где некоторое время проживала Долли

Пэйн Тодд, которая вышла замуж за Джеймса Медисона, после того как ее муж умер во время эпидемии желтой лихорадки в 1793 году. Когда Медисон был избран президентом, Долли стала знаменитой хозяйкой Белого дома. И еще много других известных людей проживали в нашем районе...

Он говорил так много и так быстро, что Джемайна догадалась о его волнении. Она погасила улыбку – странно, такой обычно самоуверенный мужчина и нервничает, приглашая женщину в свою квартиру!

Оуэн занимал весь верхний этаж здания. Джемайну поразили размеры просторных комнат – ведь жил он в них один, – Дорогая мебель и огромное количество книг.

После того как он снял с нее плащ и отправился за бренди, девушка прошла по гостиной, изучая названия книг на полках. Вкусы Оуэна были всеобъемлющими: биографическая и историческая литература, научные тома по разным областям и самое удивительное – романы, классические и современные.

Джемайна обнаружила несколько книг, обзор которых делала Сара в своей ежемесячной колонке «Перечень рекомендуемой литературы». Ей хотелось почитать многие из них, но не хватало времени. Она не очень удивилась, обнаружив книгу «Наша армия в Монтерее» Т.Б. Торпа и «Походные зарисовки во время войны с Мексикой» капитана У.С. Генри, так как знала, что Оуэн давал много репортажей о той войне.

Однако «Прекрасная француженка»? Джемайна читала этот роман анонимного автора и считала его хорошо написанным, с замечательно прорисованными характерами героев. Она удивилась, что Оуэн тоже проявил интерес к этой книге, тогда как могла легко понять, почему на его полке стоит книга «Кратер, или вершина вулкана» Фенимора Купера, так как этот приключенческий роман скорее для мужчин, чем для женщин.

Чем больше она узнавала Оуэна, тем более сложным человеком он ей казался. Джемайна размышляла об этом, когда он вернулся, неся бокалы с бренди.

– Ты много читаешь, – заметила она.

– Да, всегда беру с собой много книг, уезжая на задание. Не важно, сколь волнующими являются события, о которых я пишу, всегда существуют периоды скуки. С книгой в руке время летит незаметнее.

– Разве там не бывает женщин? – язвительно спросила она.

– Очень мало, – ответил он невозмутимо. – В военных лагерях живут только офицерские жены да несколько шлюх. Несмотря на то, что ты слышала обо мне, я выдерживаю определенный стандарт.

– Извини, Оуэн. Мое замечание неуместно.

Ни слова не говоря, он протянул ей бокал с бренди, затем в молчании поднял свой.

Джемайна сделала глоток и почувствовала острое жжение

в горле. Боже, она наедине с женщиной пьет бренди в его квартире! Как был бы шокирован ее отец.

Поставив свой бокал, Оуэн внимательно посмотрел на нее. Джемайна почувствовала, что начинает краснеть под его взглядом, и в растерянности решила немедленно уйти.

Затем она заставила себя расслабиться, готовая ко всему, что бы ни случилось. Она уже давно не ребенок, а вполне взрослая женщина, испытывающая определенные желания. Джемайна почувствовала, что ее тянет к нему.

Должно быть, Оуэн прочел ее мысли, так как сделал несколько шагов навстречу. Он обхватил ладонями ее лицо и постоял так некоторое время, ничего не говоря. В этом прикосновении, в выражении его лица было что-то тревожное, и Джемайна еще раз почувствовала, что он не уверен в себе.

Эта мысль вызвала улыбку на ее губах, и он наклонился, чтобы поцеловать эти улыбающиеся губы. Поцелуй был нежным, нетребовательным, однако прикосновение его губ заставило ее сердце учащенно забиться, и все тело запылало жарким огнем.

Внезапно он отпустил ее и сделал шаг назад. Джемайна знала, что стоит ей воспротивиться, как он тут же отступит. Но вместо этого она вдруг ощутила себя покинутой и произвольно шагнула к нему, испытывая потребность в его прикосновении.

– Джемайна... – произнес Оуэн, запинаясь. – Я давно желаю тебя, вероятно, с первой встречи. Но ты уверена, что то-

же хочешь?..

– Я хочу... сама не знаю чего.

Окончательно выдав себя, она снова разволновалась. Что теперь делать? Что ждет ее? Девушка почти ничего не знала о физических отношениях между женщиной и женщиной. От матери Джемайна не слышала ни единого слова об этом. То немногое, что ей известно, поведала тетушка Хестер, никогда не давая полного ответа на робкие вопросы.

– Извини, девочка, это слишком сложно, – говорила она обычно. – Женщины не обсуждают такие деликатные темы. Несмотря на то что считаю себя современной дамой, я не могу говорить об этом. Скажу только одно: это естественный акт между женщиной и женщиной. Когда придет время и ты полюбишь кого-нибудь, сама узнаешь обо всем. Если мужчина порядочный и добрый, а не какая-нибудь скотина, тебе ни о чем не надо будет заботиться.

И вот теперь Джемайна поняла, что тетя была права. Оуэн повел ее в спальню, усадил на кровать и начал раздевать, останавливаясь, чтобы поцеловать в губы, шею и плечи, когда они обнажились. Затем, сняв с Джемайны почти всю одежду, Оуэн начал ласково гладить ее тело.

В голове у нее все смешалось, и ее охватило ошеломляющее желание. Она едва понимала, что он делает. Тем не менее, несмотря на всю свою неискренность, девушка чувствовала, что Оуэн – опытный любовник.

Когда Джемайна наконец оказалась полностью обнажен-

ной и вытянулась на кровати, Оуэн встал и начал снимать свою одежду, не отрывая взгляда от девушки. В углу на столе горела небольшая лампа, света которой было достаточно, чтобы Джемайна могла рассмотреть своего первого мужчину. Она хотела отвести взгляд, зная, что ее лицо пылает от смущения, но была не в силах это сделать. Когда он наконец предстал перед ней во всей своей мужской красе, у нее перехватило дыхание: он был одновременно красив и страшен.

Оуэн подошел к ней и лег рядом. Легкими прикосновениями пальцев он ласкал ее, нашептывая нежные слова. Тело Джемайны начало откликаться на поглаживания, на прикосновение его губ к ее губам, шее, груди...

Казалось, он знал, когда можно овладеть ею. Джемайна напряглась, почувствовав боль, которую ожидала, однако благодаря его опыту и умению боль пришла и ушла почти сразу после того, как девушка ощутила ее. Необыкновенное, неведомое до сих пор чувство захлестнуло ее, заглушив все остальные. Джемайна испытала неземное наслаждение.

Затем они лежали бок о бок, постепенно возвращаясь к действительности, и у Джемайны появилось время разобраться в том, что произошло. Она вовсе не чувствовала себя в чем-то виноватой. Разве может быть плохим то, что доставляет такое наслаждение? Почему близость между мужчиной и женщиной, когда они сливаются в единое целое, должна быть постыдной?

Она посмотрела на Оуэна. Лицо его было спокойным и

безмятежным. Однако даже в минуты отдохновения от него исходила какая-то неуловимая опасность. Но чем мог угрожать ей или кому-то другому этот человек, такой нежный и любящий?

Она протянула руку – коснуться его груди, но тут же опустила ее. Однако движение воздуха или шестое чувство подсказало ему о ее намерении. Он внезапно взглянул на нее, и слабая улыбка тронула его губы.

– Оуэн... я хотела бы задать тебе вопрос, если это не очень личное.

– Спрашивай, – позволил он, пожав плечами. – Но нет гарантии, что я отвечу.

– По поводу твоего глаза... Я спрашивала тебя как-то об этом, но ты не ответил, как на самом деле потерял его. Я слышала несколько версий. Одни говорят, что ты потерял глаз на дуэли из-за женщины, другие – что это произошло во время мексиканской войны.

– Ты слышала только это? – Он тихо рассмеялся. – Есть и другие варианты. Знаю, потому что сам распространил их. Мне казалось: почему бы не сделать эту историю привлекательной и романтической? В действительности же в ней нет ничего романтического.

Он рассказал ей, как потерял глаз, однако не решился признаться, что был незаконнорожденным ребенком. Сообщил только, что драка произошла из-за унижительного замечания в адрес его матери. Он соврал относительно отца, сказав, что

тот был моряком и погиб в море, когда Оуэн был совсем маленьким.

– Помню, на правой руке у него была татуировка корабля. Когда он напрягал мускулы, казалось, что корабль плывет.

– Очень сожалею, Оуэн, по поводу твоего отца. – Джемайна улыбнулась. – По крайней мере ты потерял глаз за честь дамы.

Оуэн посмотрел на нее странным взглядом.

– Знаешь, ты первая, кому я сказал правду. Я подумал... – Он резко сел. – Впрочем, уже поздно. Я провожу тебя до дома. – Он встал и начал одеваться.

Через некоторое время они двинулись вниз по узкой лестнице, Джемайна шла впереди. Как только они спустились в вестибюль, сбоку открылась дверь, и в дверном проеме появилась женщина в пеньюаре. Глаза ее расширились при виде Джемайны, и она отступила на полшага назад.

– Миссис Логан, – раздался голос Оуэна из-за спины Джемайны, – как поживаете? Джемайна, это моя хозяйка Этта Логан. Миссис Логан, моя подруга Джемайна Бенедикт.

– Здравствуйте, мисс Бенедикт, – приветствовала женщина низким голосом.

Джемайна почувствовала, что лицо ее залила краска. Она приложила все силы, чтобы сдержать дрожь.

– Рада познакомиться с вами, миссис Логан. Женщина кивнула, отступила назад и закрыла дверь. Когда Джемайна спускалась по ступенькам крыльца, она была уверена, что

видела неясную фигуру мужчины позади хозяйки Оуэна.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Философ, которого спросили: что прежде всего необходимо, чтобы завоевать любовь женщины, – ответил: подходящий случай.

Журнал «Гюйдиз ледиз бук»

Глава 10

Джемайна всегда отличалась веселым нравом, однако теперь, благодаря новым отношениям с Оуэном, девушка просто светилась счастьем, что часто бывает с женщинами, когда к ним приходит любовь.

Хестер первой заметила перемену в племяннице. Однажды воскресным утром за завтраком она спросила:

– Что с тобой происходит в последнее время, девочка?

Слегка вздрогнув, Джемайна осторожно ответила:

– Ничего, насколько мне известно. Просто я довольна своей работой.

Хестер покачала головой.

– Нет, не то. Не влюбилась ли ты, Джемайна? Джемайна растерялась и не знала, что ответить. Она еще не знала, можно ли кому-нибудь доверить свою тайну. Если хоть что-то станет известно об их отношениях с Оуэном, ее репутация

будет подорвана, и она может потерять должность в «Бук». Джемайна знала, что Сара довольно либеральный человек, однако очень религиозна, со строгими моральными принципами, и любовная связь вне брака, по ее мнению, – за пределами правил приличия.

Влюблена ли Джемайна в Оуэна? Она неожиданно осознала, что не может ответить на этот вопрос. Просто ей нравится заниматься с ним любовью.

Девушка посмотрела прямо в глаза тети.

– Это личный вопрос, тетя Хестер!

– Вздор! – Хестер махнула рукой. – Впрочем, не важно. Я уже знаю ответ и ничуть не удивлена. Тебе уже двадцать два года, и ты – красивая женщина. Однако послушай меня, девочка. – Она наклонилась вперед. – Прошу тебя, будь осторожной. Ты еще не так опытна, как думаешь, и можешь легко пострадать. Это порой случается. Кто же счастливец?

Джемайна покачала головой, глубоко огорченная тем, что не смогла скрыть свои чувства.

– Не могу назвать его имя. Хестер пожала плечами:

– Я вовсе не хочу знать имя этого человека, Джемайна. Но ради Бога, послушай меня. Будь осторожной.

После разговора с теткой Джемайна пыталась вести себя более сдержанно, но ее счастье невозможно было скрыть. Она решила: если люди и заметят ее приподнятое настроение, то отнесут это скорее на счет ее успехов в работе, которые, без сомнения, превзошли все ожидания. После очерка

о Блэквел и серии материалов с жизни сельских женщин ей стали поручать ответственные задания.

Джемайна заметила, что журнальные статьи делятся в основном на две категории: о событиях и о людях. Она могла писать и те и другие, но предпочитала о людях. Девушка также понимала, что ей очень повезло. Большинству новых сотрудников «Бук» поручалось писать о моде, приготовлении пищи или о рукоделии. Ей удалось избежать этой участи, и она была безмерно рада этому.

Джемайна продолжала встречаться с Оуэном по меньшей мере раз в неделю, и их роман приносил обоим удовлетворение. О любви никто не упоминал. Хотя теперь Джемайна твердо знала, что любит его всем сердцем, она была убеждена: говорить об этом – ошибка. Впрочем, что-то подсказывало ей: Оуэн тоже глубоко любит ее. Но она знала, что он предпочитает свободу, привык поступать по-своему и опасается всяких обязательств.

Это ее мало беспокоило, так как она была далека от того, чтобы выйти замуж даже за человека, которого любила. Джемайна, вполне удовлетворенная своей жизнью, опасалась, что замужество неизбежно изменит ее. Конечно, очень многие женщины старались любым способом заполучить Оуэна. Но она не такая и очень гордилась этим обстоятельством.

Однажды, довольно поздно, когда влюбленные выходили из экипажа перед домом Оуэна, они встретили мужчину, появившегося из квартиры на первом этаже. Он был высоким,

средних лет, но Джемайна недостаточно хорошо рассмотрела его лицо, так как джентльмен отвернулся и быстро прошел мимо них, не поздоровавшись.

Наверху Джемайна сказала:

– Кажется, у миссис Логан есть друг? Мужчина, которого мы только что видели?

– Понятия не имею, – ответил Оуэн. – Она имеет на это право, не так ли? В любом случае это не наше дело.

Неделю спустя, в тот день, когда они должны были увидеться вечером, Оуэн прислал в редакцию записку, в которой просил, если она сможет, встретиться с ним прямо в холле его дома ровно в семь. У Джемайны не было ключа от квартиры Оуэна, да она и не просила его об этом, так как считала подобную просьбу неприличной.

Она вышла из редакции, без труда остановила экипаж и прибыла к дому Оуэна на полчаса раньше. Немного поколебавшись, Джемайна постучалась в дверь миссис Логан. Ее не привлекала мысль ждать Оуэна тридцать минут в холле – в конце концов, она была представлена этой женщине. Послышался звук шагов, и дверь открылась. В проеме показалась миссис Логан. Она улыбалась, но когда увидела Джемайну, улыбка тотчас исчезла. Джемайна заметила на ее лице следы недавних слез и пожалела, что постучала в дверь.

Девушка быстро сказала:

– Миссис Логан, я – Джемайна Бенедикт, помните? Оуэн познакомил нас несколько дней назад.

– Да, помню, – ответила подавленно миссис Логан. – Вы...

Миссис Логан замолчала, а Джемайна никак не могла понять, что она имеет в виду.

– Я должна встретиться с ним здесь, но приехала слишком рано и подумала...

– Я сейчас приготовлю чай, – предложила Этта Логан. Она отступила назад, приоткрыв пошире дверь. – Не хотите ли войти и подождать у меня?

– Вы уверены, что я не помешаю вам?

– Нет-нет, – произнесла женщина тем же унылым тоном. – Буду рада компании.

Джемайна последовала за ней. Все шторы в квартире были задернуты, здесь было очень уютно. В небольшой гостиной с удобной мебелью и многочисленными безделушками царил беспорядок. В углу громко тикали старинные часы.

Этта жестом указала на диван:

– Садитесь, пожалуйста. Сейчас принесу чай. Должно быть, он уже готов.

Джемайна осторожно присела, когда женщина вышла из комнаты. Она пожалела, что поддалась импульсивному желанию постучаться в эту дверь. Этта Логан была подавлена, и Джемайна подозревала, что это связано с таинственным мужчиной, которого она как-то видела здесь.

На мгновение она почувствовала неясную тревогу. Может быть, такова и ее судьба? Вдруг Оуэн оставит ее, и ей тоже придется испытать горечь разочарования?

Джемайна резко тряхнула головой, прогоняя мрачные мысли, когда в комнату с подносом в руках вернулась Этта. Джемайна заметила, что она ополоснула лицо, смыв следы слез, и теперь, казалось, пребывала в более веселом настроении.

Пока Этта разливала чай, Джемайна исподволь изучала ее. Женщине, похоже, немногим больше сорока. Ее лицо нельзя назвать красивым. Слишком полная, но по-своему привлекательная. Джемайна легко поняла, чем она заинтересовала пожилого мужчину.

На вкус Джемайны, чай был немного горьковат, но сладкие пирожки оказались очень вкусными. Девушка заметила, как Этта с жадностью поедает маленькие пирожки, будто старается избавиться от своего горя.

Джемайна поймала ее взгляд и быстро отвернулась.

– Вы давно знаете Оуэна? – поинтересовалась Этта.

– Несколько месяцев, с тех пор как приехала в Филадельфию.

– О, значит, вы не местная?

– Нет, из Бостона и работаю в журнале «Гоудиз ледиз бук», – молвила Джемайна с оттенком гордости.

Впервые на лице женщины промелькнул интерес.

– В самом деле? Должно быть, это очень интересная работа. Я не выписываю журнал регулярно, но почитываю время от времени.

– Да, это очень интересная работа. Мне нравится.

– А что вы делаете там?

– Я – редактор-корреспондент. – Как бы отвечая на вопросительный взгляд Этты, Джемайна продолжила: – Если быть точнее, учусь профессии редактора. Редактор читает статьи, рассказы и тому подобное и решает, достойны ли они публикации в журнале, а также правит рукописи. Я же пишу статьи для «Бук».

– О да, кажется, мне знакомо ваше имя! Вы писали о женщине-враче Элизабет Блэквел.

Джемайна кивнула, неожиданно осознав: Этта – первая, кто упомянул, что читал ее статью. Редакция получила много писем от читателей, но совсем другое дело, когда встречаешься с читателем лицом к лицу. Конечно, слова Этты не являлись похвалой, но Джемайне тем не менее было очень приятно.

– Я часто думала устроиться на работу, но не владею никакой профессией, – продолжала Этта. – Я вышла замуж очень молодой, понимаете, и когда мой Дэниел умер, оказалось, я ничего не умею делать. К счастью, он оставил мне состояние.

– Значит, вы счастливы, – настороженно сказала Джемайна.

– В общем да, но иногда чувствую себя очень одинокой. – Женщина сделала неопределенный жест. – У нас не было детей, и у меня нет родственников, понимаете? Я совсем одна.

На мгновение Джемайне показалось, что Этта вот-вот разразится слезами. Ее лицо конвульсивно задергалось, но жен-

щина быстро отхлебнула чаю и взяла себя в руки.

– А вы счастливы, мисс... можно я буду называть вас просто Джемайной?

– Пожалуйста, Этта.

– Оуэн такой очаровательный, красивый мужчина. – Этта посмотрела на нее заговорщическим взглядом с некоторым лукавством, и Джемайна внезапно почувствовала, что краснеет. Неужели эта женщина приравнивает свое положение к ее? Конечно, в некотором смысле ситуация похожа, подумала Джемайна, как бы она ни пыталась отрицать это. Джемайна еще раз пожалела, что пришла сюда. Она украдкой бросила взгляд на тикающие часы и почувствовала облегчение – Оуэн должен быть здесь с минуты на минуту. Этта продолжала говорить с легкой завистью: – Много раз я видела, как вы вдвоем выходите вечером в парадной одежде, вероятно, направляясь в ресторан или театр. Я так завидую вам, Джемайна...

Джемайна услышала, как открылась дверь в вестибюле, затем послышались шаги.

– Это Оуэн. Большое спасибо за чай, Этта. Она поспешила к двери, открыла ее и вышла в холл. Оуэн смотрел наверх, затем испуганно оглянулся через плечо.

– Джемайна! Что...

Девушка закрыла дверь и взяла его за руку.

– Я пришла слишком рано, и Этта пригласила меня на чай.

Он взглянул на дверь в квартиру Этты Логан.

– Не думал, что ты так хорошо ее знаешь.

– Видишь ли, мне не хотелось ждать тебя здесь. Бедная женщина, она так одинока!

– Одинока? – Оуэн насмешливо приподнял бровь. – А как насчет ее друга, о котором мы говорили несколько дней назад? – Он жестом пригласил ее подняться по лестнице впереди него.

– Это так, но кажется, ее не очень устраивает такая ситуация. По-моему, Этта на самом деле очень несчастная женщина.

На верхней площадке лестницы Джемайна сделала шаг в сторону, чтобы Оуэн мог открыть дверь своим ключом. Когда они вошли в квартиру и дверь за ними закрылась, Оуэн небрежно заметил:

– Вероятно, она попыталась повести его к алтарю, а он заартачился.

Его слова, а главное – тон вызвали у Джемайны раздражение.

– А что, если и так? Не вижу в этом ничего плохого.

– Знаешь, как сказал один мудрец, – произнес Оуэн с некоторой злостью. – Если получаешь бесплатное молоко, то зачем нужна... – Он замолчал, густо покраснев.

Джемайна не сразу поняла, о чем он. Затем гневно выпалила:

– Какие ужасные вещи ты говоришь, Оуэн Тэзди! Я была лучшего мнения о тебе!

– Извини, это только шутка. Причем неудачная, должен признаться, – пробормотал он. – Но замечу, многие мужчины рассуждают подобным образом. Возможно, и друг Этты тоже.

Джемайна взволнованно посмотрела на него.

– А ты, Оуэн? И ты так считаешь?

Он отшатнулся.

– Подожди, при чем здесь я?

– Ты так же думаешь обо мне?

– Конечно, нет! Как я могу? Ты же хорошо меня знаешь.

– Я? Я надеялась, что знаю, но не ожидала, что ты способен на такие пошлые замечания в адрес кого бы то ни было, а тем более Этты!

Оуэн поморщился.

– Я сказал не подумав, но извинился же. Прости меня.

– А что ты подумаешь или скажешь, если я попытаюсь потащить тебя к алтарю? – испытующе спросила Джемайна.

Он замолчал, задумчиво глядя на нее.

– Ты заявила мне однажды, что не желаешь выходить замуж.

– Сейчас – нет. Но в будущем? В конце концов я захочу выйти замуж.

– Джемайна... – Он вздохнул, избегая ее взгляда. – Я не могу жениться, так как подолгу бываю в отъезде. Сейчас самый долгий период моего пребывания в Филадельфии за много лет. Что ты будешь делать в мое отсутствие?

– То же, что и сейчас, – ответила она, немного успокоившись. – Работать в издательстве.

– Мне не нравится, когда жены работают, – холодно проговорил он. – Это хорошо для тебя, пока ты не замужем. Но замужней женщине не пристало работать. Это неприлично.

– Неприлично! Но почему, Оуэн? Я думала, ты более современен, чем остальные мужчины. – Теперь Джемайне стало смешно, и она рассмеялась.

Все еще не глядя на нее, он сказал:

– Когда жена работает, люди считают, что муж не в состоянии содержать ее.

– Ты говоришь, как мой отец, – заметила Джемайна, продолжая улыбаться.

– А тебе не приходило в голову, что, возможно, он прав? – угрюмо поинтересовался Оуэн. Затем махнул рукой. – Разве сейчас подходящий момент обсуждать это?

Джемайна подошла к нему и заглянула в глаза.

– Кажется, это наша первая ссора. Не беспокойся, дорогой, я не стану пытаться склонять тебя к браку. Ты прав, сейчас неподходящее время.

Она поднялась на цыпочки и нежно поцеловала его. Затем обхватила руками и прижалась к нему. Он тотчас ответил на ее ласку, и очень страстно. Девушка удивлялась своей смелости – она впервые проявила активность, но вместо стыда испытала восторг.

Через некоторое время, когда они отдыхали от сладо-

страстных утех, Оуэн прошептал ей на ухо:

– Извини, Джемайна, за то, что я наговорил тебе. Это ужасно! Клянусь, подобные мысли ни в коей мере не относятся к тебе.

– Джемайна, – сказала Сара, – у меня возникли кое-какие соображения относительно тебя. Недавно мы опубликовали серию статей о героинях американской революции, и эти публикации были хорошо приняты. Теперь я замыслила рассказать читателям о женщинах Филадельфии, вошедших в историю нашей страны: Бетси Росс, Долли Пэйн Тодд, впоследствии Долли Медисон, миссис Рид, Лидии Дарра и многих других.

– Ходили слухи, что на самом деле не Бетси Росс, как считается, сшила наш первый флаг, – поведала Джемайна.

– Я тоже слышала, но не знаю, насколько это верно. Вот ты и разберешься.

Джемайна несколько секунд размышляла.

– Это совсем ново для меня: я никогда не писала о людях или событиях прошлого.

– Знаю, – согласилась Сара. – Для тебя это хорошая возможность повысить свой профессиональный уровень. У тебя ведь мало опыта в исторических исследованиях?

– Вообще никакого.

– Поэтому я и поручаю тебе это дело, Джемайна. Рано или поздно хороший автор должен заняться исследованиями. Я верю, что для тебя это не станет неразрешимой проблемой.

– Конечно, я уже занималась небольшими исследованиями, когда писала об Элизабет Блэквел.

– Это почти то же самое. Внимательно изучи старые газеты, просмотри книги и прочие публикации по истории Америки.

– Должно быть, это будет очень интересно, – медленно произнесла Джемайна.

Неожиданно девушка вспомнила библиотеку Оуэна, ей тогда показалось, что некоторые из книг имеют отношение к истории. Возможно, в них есть ценная информация.

Когда Джемайна сообщила Оуэну о своем новом задании и о соображениях по поводу его книг, он кивнул:

– Не помню названий, но точно знаю, что некоторые книги помогут тебе. Можешь пользоваться ими.

Джемайна заметила изменение в отношении Оуэна к ее работе, особенно после публикации первой статьи о сельских женщинах. Она почувствовала уважение к ее труду с его стороны.

– Поскольку ты собираешься пользоваться моей библиотекой, – предложил он, улыбаясь, – я дам тебе ключ от своей квартиры.

Джемайна тихо рассмеялась:

– Полагаешь, мне можно доверять?

– Кажется, да.

– Знаешь, одна из женщин, о которой упомянула Сара, – Бетси Росс. Мне известно из различных источников, что на

самом деле она не имела никакого отношения к пошиву первого американского флага.

Оуэн кивнул.

– Я слышал то же самое. Но если это легенда, то, согласись, довольно красивая. – Он вопросительно посмотрел на Джемайну: – Что ты будешь делать, если это действительно окажется мифом?

Она бросила на него испуганный взгляд.

– Не знаю. Вероятно, со временем я найду какое-нибудь решение.

* * *

Поначалу ей казалось скучно рыться в книгах и подшивках старых газет. Не то что общаться с живыми людьми. Но постепенно девушка увлеклась, узнавая много интересного из истории своей страны.

Вскоре Джемайна собрала необходимый материал, за исключением сведений о Бетси Росс, вокруг имени которой царил атмосфера таинственности. Бетси Росс умерла всего двенадцать лет назад, члены ее семьи все еще жили на Арч-стрит, между Второй и Третьей улицами, где Бетси, как предполагают, сшила флаг. Ее родственники до сих пор занимаются бизнесом по изготовлению флагов.

Они решительно отвергли распространяемые слухи. Конечно, именно Бетси сшила знаменитый флаг! Правда, неко-

торые утверждают, что это сделал кто-то другой, но имени назвать не могут.

Джемайна вспомнила замечание Оуэна по поводу красивой легенды. Она поняла: стране нужны герои и героини. И не важно, мифические они или нет. Поскольку у нее не было твердых аргументов против Бетси Росс, девушка решила включить ее в статью как подлинную изготовительницу первого звездно-полосатого флага.

Работать над статьями Джемайна, с согласия Оуэна, решила в его квартире. Здесь было тихо, и девушка имела постоянный доступ к библиотеке. Джемайна несколько раз видела Этту Логан, обменивалась с ней дружескими приветствиями. Однако друга Этты девушка ни разу не встречала. Видимо, порвали отношения, думала она.

Джемайна приступила к работе холодным осенним днем. Глубоко вздохнув, она начала писать:

В Филадельфии проживало немало известных в истории нашей страны женщин, в том числе героинь американской революции. Серия наших статей, дорогой читатель, посвящена этим знаменитым женщинам, а также тем, кто так или иначе отличился в прошлом. Возможно, здесь было бы уместно процитировать отрывок из речи одной из них, которая была опубликована во всех филадельфийских газетах в июне 1780 года.

Говоря о храбрых мужчинах, вступивших в смертельный бой с британцами, она заметила:

«Разве мы будем колебаться, чтобы выразить им свою благодарность? Разве мы будем колебаться, если речь пойдет о том, чтобы ценой небольших лишений заслужить их благословение? Кто из нас не отвергнет с большим удовольствием роскошную одежду, пустые украшения, чтобы доблестные защитники Америки могли бы воспользоваться деньгами, вырученными за них, и были бы лучше защищены от непогоды, а также после тяжких трудов получили бы необходимую помощь? Эти подарки будут иметь для них еще большую ценность, когда они смогут сказать: это сделали наши женщины».

Эти прекрасные чувства испытали все женщины, о которых мы будем писать в следующих статьях...

* * *

Ее прервали громкие голоса, доносившиеся снизу. Джемайна не могла разобрать слов, однако ничуть не сомневалась: голоса принадлежали мужчине и женщине, которые ссорились. Девушка выглянула в окно. Стоял холодный ветреный день. По небу проплывали низкие снежные облака, и на улице было почти темно.

Голоса стихли, и Джемайна снова взялась за перо. Вдруг раздался выстрел, от которого девушка похолодела. Выстрел донесся снизу, в этом не было никакого сомнения...

На мгновение застыв в нерешительности, Джемайна вско-

чила и бросилась к двери, поспешила вниз по узкой лестнице, не думая о возможной опасности.

Она постучала в дверь миссис Логан, громко взывая к ней:
– Этта! Этта! Откройте!

Прошло несколько минут, прежде чем она услышала тяжелые шаги и дверь медленно открылась. Перед Джемайной стояла Этта Логан с пистолетом в руке. Лицо ее было белым как мел, глаза широко раскрыты.

– Этта, вы невредимы? Что случилось?

Не ответив, Этта сделала шаг назад. Джемайна последовала за ней в комнату. Там на полу лежал на спине мужчина, которого девушка видела раньше, когда тот приходил к Этте. Его глаза безжизненно смотрели в потолок, грудь была залита кровью.

– О Боже! – Джемайна прижала ладонь ко рту. – Что здесь произошло?

– Он обещал мне, – произнесла Этта мрачным тоном. – Он обещал, обещал!.. – Потрясенная Джемайна посмотрела на женщину. – Он обещал, а сегодня сказал, что никогда не женится на мне. Я не выдержала этого!

Глава 11

Убийство стало сенсацией, наделавшей много шума в Филадельфии. Жертвой оказался Хомер Мэрдок, вдовец, владелец магазина тканей. Он пользовался хорошей репутацией, имел двоих женатых сыновей, которые добавили свои голоса к требованиям горожан – как можно скорее допросить Этту Логан, осудить и повесить.

В день убийства сосед, живший недалеко от дома Этты, услышал выстрел и тотчас заявил об этом в полицию. Оуэн пришел домой как раз перед тем, как прибыли полицейские, и увидел Этту и Джемайну, пытавшуюся утешить несчастную женщину.

Этта в состоянии, близком к шоковому, продолжала нечленораздельно твердить одно и то же:

– Он обещал мне!..

Она не отрицала, что убила своего любовника. После того как полицейский увез Этту, Оуэн повел Джемайну наверх. Она находилась на грани истерики.

– Бедная женщина! Что с ней будет, Оуэн?

– Нет сомнений, ее признают виновной в убийстве и, вполне вероятно, повесят. Не так часто вешают женщин, но этот случай вопиющ. Боюсь, Этта ни у кого не вызовет сочувствия.

– Ты напишешь об этом в «Леджер»?

– Нет, уверен, Каррузерс уже поручил это дело кому-то другому. – Оуэн с любопытством посмотрел на Джемайну. – А почему ты спрашиваешь?

– Я подумала, что ты мог бы описать эту историю в выгодном для Этты свете.

– Как бы мне удалось? – спросил он с некоторым раздражением. – Она убила человека и даже не отрицает этого.

– Но он ведь обещал жениться на ней!

– Это едва ли оправдывает убийство. Кроме того, у нас нет ничего, кроме ее слов.

– А зачем ей лгать?

– Джемайна, если бы ты проработала в газете столько, сколько я, то знала бы, что люди довольно часто лгут, особенно когда попадают в неприятную ситуацию.

– Это весьма циничное заявление!

– Возможно. – Оуэн пожал плечами. – К сожалению, оно чаще бывает справедливо, чем нет.

– Но мы должны сделать что-то для Этты.

– Ничего не могу придумать. А почему ты так расстроена, Джемайна? Ты же ее почти не знаешь.

– Дело не в этом. Несправедливо, что мужчина обещал жениться на женщине, неоднократно использовал ее, а затем отказался от данного им слова.

– Есть такая вещь, как иск о нарушении обязательств, и можно было попробовать, если бы речь шла о женщине с безупречной репутацией. Едва ли можно считать Этту Логан та-

ковой.

– Не понимаю, какое значение имеет репутация Этты. Обещание есть обещание!

– Общество, моя дорогая, судит иначе. Этта предстала перед Филадельфией как падшая женщина, убившая своего любовника.

– Даже если бы она была проституткой, у нее все равно должны быть какие-то права!

– Общественное мнение не на ее стороне...

Джемайна больше не могла слушать. Она соображала, что можно предпринять. Оуэн не хочет помогать, это совершенно ясно. Он – на стороне жертвы, как и все остальные мужчины.

– Я поговорю с Сарой, – решила девушка. – Может быть, она разрешит написать статью об Этте.

– «Ледиз бук» защищает распутство и убийство! – Оуэн пренебрежительно засмеялся. – Луиса Гоуди хватит удар, если он узнает о таком предложении.

– Я все-таки попытаюсь, – упрямо заявила Джемайна. – Кому это может повредить?

– Тебя могут уволить.

– Сара, я обещала, что буду консультироваться с тобой, прежде чем писать что-либо по собственному желанию, – начала Джемайна, войдя в кабинет Сары.

Та посмотрела на нее:

– Что ты задумала?

– Ты слышала об Этте Логан?

– Кажется, нет... – Затем глаза ее расширились. – Постой, не та ли это женщина, которая недавно убила своего любовника?

– Да, она.

– И ты хочешь написать о ней статью? Зачем?

– Я подумала, что ее осуждают несправедливо. Она была вынуждена убить этого человека.

– Вынуждена? – Глаза Сары сузились. – Ты говоришь так, будто ее знаешь.

– Знаю немного. Этта Логан – хозяйка квартиры Оуэна.

– Оуэна Тэзди? – Сара пристально посмотрела на Джемайну.

Девушка слишком поздно поняла, что допустила промах: не подумав, она призналась в своей близости с Оуэном, что Сара вряд ли могла одобрить.

Однако Сара ничего не сказала, только заметила:

– Боюсь, эта женщина не может быть героиней статьи в нашем журнале.

Джемайна попыталась коротко рассказать известную ей историю:

– Этта была влюблена в этого мужчину, Хомера Мэрдока, а он не только уверял ее в своей любви, но и постоянно обещал жениться на ней. Но однажды заявил, что вовсе не намерен жениться!

– Это, несомненно, печальная история, которая повторя-

ется в течение многих веков.

– Но теперь ты понимаешь, почему она убила его?! – возбужденно воскликнула Джемайна. – Женщина поняла, что все ее будущее разбито и что этот человек все время обманывал ее. Она была вынуждена убить, Сара!

Сара выглядела озадаченной.

– Джемайна, повторяю: это трагическая история, но я не могу оправдать убийство. Какой ты себе представляешь статью обо всем этом в «Ледиз бук»?

– Я подумала, что могла бы убедить читателей, насколько нечестно обошелся мужчина с этой женщиной: обещал жениться на ней, а затем, когда она надоела ему, бросил. Если мне удастся, статья может спасти Этте жизнь.

– Дорогая Джемайна... – Сара вздохнула. – Даже если ты напишешь статью, к тому времени, когда она появится в печати, твоя подруга уже будет допрошена и осуждена.

– Если статья не поможет Этте, то в будущем может спасти других женщин! – возразила Джемайна.

– В результате получится, что «Ледиз бук» поощряет безнравственное поведение? – Джемайна молчала, подыскивая подходящий ответ. – Важно предвидеть, что мы получим в итоге. Ты еще очень молода, и тебе еще многому надо учиться, – сказала Сара доброжелательно. Она наклонилась вперед, опершись ладонями о стол. – Ты должна знать, что такого рода материал мы никогда не опубликуем в «Бук». Я готова согласиться: Этта Logan страдает из-за нравов нашего об-

щества, однако нельзя отрицать и того, что она распущенная женщина и совершила убийство. При этом, но не для нас. – Она мрачно улыбнулась. – Могу себе представить реакцию Луиса, если ему только намекнуть на возможность публикации такой статьи в нашем журнале.

Джемайна отвернулась, побежденная. В душе она понимала, что Сара права: история такого рода не для «Бук». Оуэн тоже прав. Даже упоминать о такой статье – ошибка с ее стороны.

По-видимому, угадав ее мысли, Сара улыбнулась:

– У тебя есть идеалы, ты способна на любовь и сострадание. Я восхищаюсь тобой, дорогая. Однако ты не должна позволять своим чувствам мешать профессиональной деятельности. А теперь иди и можешь поплакать.

Джемайна вышла из кабинета с чувством полной беспомощности, но без слез. Она отправилась навестить Этту Логан, судебное разбирательство по делу которой должно начаться через неделю.

Этта была единственной женщиной в тюрьме. Она сидела в маленькой камере. Девушке стало не по себе при виде несчастной: одежда здорово помята – видно, она спала в ней, – волосы спутаны, лицо серое и безжизненное, глаза потускнели. Казалось, она уменьшилась в размерах, вся как-то съежилась.

Джемайна попыталась придать своему голосу бодрый тон: – Как ты себя чувствуешь, Этта?

– Хорошо, – мрачно ответила женщина.

– Ты выглядишь такой... такой похудевшей. Ты хорошо питаешься? Может быть, еда здесь плохая? Может быть, мне поговорить с кем-нибудь?

– Еда нормальная. Просто у меня нет аппетита.

– Этта... Я очень сожалею, что все так произошло. – Джемайна взяла женщину за руку и почувствовала, как она холодна. – Я попыталась сделать кое-что для тебя, хотела рассказать в журнале о твоём положении, но мне не разрешили.

В глазах Этты мелькнула искра.

– Я должна умереть, да?

– О, Этта, не говори так! Нельзя терять надежду. Искра погасла, и глаза женщины снова стали безжизненными.

– Все правильно, – процедила она безразличным тоном. – Я хочу умереть. Мне незачем больше жить.

Они поговорили еще немного, и Джемайна постаралась как можно скорее уйти, не нарушая приличий. Разговор с Эттой оказался для нее тяжелым испытанием.

Покинув тюрьму, Джемайна продолжала размышлять, чем помочь женщине. Эта мысль стала почти наваждением. Возможно, оттого, что положение Этты чем-то напоминало ее собственное? Правда, Оуэн не обещал жениться на ней, и она вовсе не рассчитывала на брак. Но ведь может случиться, что он, попользовавшись ею, захочет бросить ее...

Если говорить честно, не это являлось главной причиной желания девушки защищать Этту. По крайней мере так ей

казалось. Хомер Мэрдок несправедливо обошелся с бедной женщиной. Можно сказать, сам толкнул ее на преступление, сначала запятнав ее репутацию, а затем решив бросить. Не оправдывая убийства, Джемайна понимала, что у Этты не было выбора.

Должна ли она умереть за то, что сделала? Очевидно, у нее от отчаяния помутился рассудок... Безусловно, ее следует наказать, но обязательно ли казнить?

Джемайна уже ничем не могла помочь несчастной. Она попыталась, но теперь до конца осознала, что очень рисковала потерять работу. Что еще она могла сделать?

Две недели спустя Джемайна предприняла еще одну попытку.

Судебное разбирательство длилось два дня, и Этту Логан признали виновной в убийстве. Судья, председательствовавший на процессе, отложил вынесение приговора на неделю, но никто не сомневался, что это будет смертный приговор.

Джемайна услышала новости, находясь в редакции. Не отдавая себе отчета, она села за письменный стол, взяла перо и бумагу и написала страстное письмо.

Достопочтенный сэр, я пишу это письмо в надежде, что Вы, руководствуясь безграничной мудростью, найдете в своем сердце сострадание к Этте Логан и проявите к ней снисходительность. Прошу Вас, не приговаривайте ее к смерти!

Хомер Мэрдок воспользовался доверчивостью бедной женщины и обманул ее, обещая жениться. Когда стало яс-

но, каким негодяем он оказался, Эта убила его, безусловно, находясь в состоянии аффекта, иначе не совершила бы преступления.

Миссис Логан не заслуживает смерти. В данной ситуации женщина беззащитна, она полностью зависит от мужчины. Теперь, добровольно вверив себя правосудию, она смиренно ждет наказания в надежде на снисхождение.

Умоляю Вас, distinguished сэр, не посылайте глубоко страдающую женщину на смерть.

Искренне Ваша Джемейна Бенедикт.

Запечатав конверт с письмом, девушка надписала его: Судье Финиасу Ратледжу. Лично. Затем позвала. Тимми, рассыльного, и попросила его доставить письмо судье.

Два дня спустя Джемейну вызвали в кабинет Сары.

Когда ее приняли, она увидела Луиса Гоуди, возбужденно шагающего взад-вперед по комнате. При появлении Джемейны он повернулся к ней с хмурым видом. Сара с серьезным лицом неподвижно сидела за своим письменным столом.

– Что все это значит, юная леди! – Гоуди потряс листком бумаги перед ней. Узнав свое письмо, Джемейна с упавшим сердцем взяла его дрожащими пальцами. – Поскольку здесь стоит ваша подпись, я полагаю, что вы написали это чертово письмо?

– Да, я, – прошептала Джемейна. Затем обиженно подняла голову. – Оно ведь личное! Он не имел права показывать его вам!

– Не имел права? Не имел права! Прежде всего это вы, юная леди, не имели никакого права писать подобные вещи. – Разволновавшись, Гоуди начал снова ходить по комнате. – То, что вы сделали, в высшей степени неприлично, даже неэтично. Финиас Ратледж – мой хороший друг. Он был глубоко оскорблен тем, что мой журнал прибег к такой тактике.

– Это письмо не имеет никакого отношения к «Бук». Я послала его от себя лично.

Гоуди остановился и гневно посмотрел на Джемайну:

– Вы поручили Тимми доставить письмо. Естественно, Финиас решил, что оно из журнала и написано с моего согласия. Он полагает, мы пытаемся повлиять на приговор по делу Логан. То, что вы сделали, юная леди, не лезет ни в какие ворота! Мне потребовалось немало сил убедить судью в моей непричастности к данному письму! Эта женщина – распутница и убийца, а вы осмеливаетесь просить за нее!

Джемайна очень испугалась гнева Гоуди, она не представляла, что шеф способен на такую ярость.

– Извините, мистер Гоуди. Я не думала...

– Не думала! Мне кажется, вы вообще не способны думать!

– Теперь я вижу, что с моей стороны было ошибкой поручать Тимми доставку письма. – Джемайна взяла себя в руки. – Однако содержание письма выражает мои личные мысли, и я поставила на нем свою подпись!

– Вы не имели права, поскольку дело касается моего жур-

нала! – Гоуди сердито посмотрел на нее. – Ваш поступок дает мне основание отказаться от ваших услуг.

Сара впервые за все это время вступила в разговор:

– Подожди, Луис, не спеши. Я полностью согласна с тобой: Джемайна поступила весьма опрометчиво. Она молодая женщина с твердыми убеждениями, пусть даже мы не согласны с ними. Нашему издательству нужны такие люди. Сколько раз ты говорил мне: все, что я делаю вне журнала, – мое личное дело?

– Но ты никогда бы не сделала такого, Сара.

– На званом вечере в вашем доме, мистер Гоуди, – сказала Джемайна, – я слышала, как вы защищали мистера По. Тогда вы упомянули о том, что написали передовую статью, хотя ваш журнал был не вполне согласен с его взглядами. В статье вы заявили, что вас не запугают жалобы читателей.

Гоуди посмотрел на нее сердито.

– Есть огромная разница между мистером По и вами, юная леди. Он не является сотрудником моего издания и, что еще немаловажно, – известнейший писатель.

– Но даже если так...

– Хватит. – Он прервал ее резким жестом. – Я остаюсь при своем мнении. Учитывая вашу молодость и усердие, а также то, что Сара защищает вас, я не стану ничего больше предпринимать. – Гоуди направился к двери. Открыв ее, он остановился и обернулся. – Но предупреждаю вас: не пытайтесь в дальнейшем испытывать мое терпение. Еще одна подобная

выходка – и я уволю вас, мисс Бенедикт.

Когда дверь за ним закрылась, Джемайна повернулась к Саре.

– Сожалею, что доставила тебе неприятности, Сара, – проговорила она дрожащим голосом.

– Ничего, дорогая, хотя должна признаться: никогда не видела Луиса в таком состоянии, – сказала она с легкой улыбкой. После паузы Сара продолжила: – Это письмо – большая глупость с твоей стороны, девочка. На что ты рассчитывала?

Джемайна беспомощно махнула рукой:

– Сама не знаю. Но чувствовала – я должна сделать что-то!

– К сожалению, Джемайна, мир полон несправедливости, – мягко произнесла Сара. – Но не могу согласиться с тобой относительно Этты Логан. Впрочем, это не важно. Мы ничего не можем сделать, дорогая. Остается только уповать на Божий суд, как на высшую справедливость, и идти своей дорогой...

Вечером Джемайна все рассказала Оуэну. Молодой человек тяжело вздохнул:

– Я согласен с Сарой, Джемайна. Это большая глупость с твоей стороны. Черт побери, ты же едва знакома с Эттой!

Джемайна понимала, что он прав, – она не испытывала к Этте никаких особых чувств.

– Не имеет значения, – возразила девушка. – Она не заслуживает смерти за свой поступок. Если Этту казнят, я все-

гда буду чувствовать, что сделала недостаточно для ее спасения. И ты тоже, Оуэн.

– Не надо переключать ответственность на меня! – молвил он резко. – Из-за своей повышенной чувствительности не надо... – Он замолчал, отвернулся и запустил пальцы в свои волосы. Затем добавил что-то, но Джемайна не расслышала.

– Что ты сказал, Оуэн?

Он снова повернулся к ней лицом.

– Я сказал... что не хочу в это вмешиваться. – Он глубоко вздохнул. – Завтра я уезжаю в Калифорнию.

– В Калифорнию? – Ошеломленная, Джемайна опустилась на ближайший стул. – Завтра?

– Каррузерс наконец убедился, что новости с золотых приисков представляют значительный интерес, и согласился, чтобы я освещал происходящие там события. – Оуэн начал взволнованно ходить взад-вперед. – Ты, должно быть, помнишь, я говорил, что хочу уехать.

– Да, и не так давно. Как долго ты будешь отсутствовать?

– Возможно, год. – Оуэн пожал плечами. – Не знаю точно, сколько потребуется времени. – Он остановился под ее взглядом и присел на стул, взяв ее безжизненные руки. – Не надо так огорчаться, Джемайна. Я предупреждал, такова моя жизнь, и с моей стороны было бы нечестно вступить в брак. Я постоянно буду куда-нибудь уезжать.

– Нечестно по отношению к кому? – прошептала она.

– Конечно же, к тебе. – Он приподнял бровь. Как только первое потрясение прошло, Джемайну охватил гнев.

– Ты ведь узнал об этом не сегодня, Оуэн? Когда стало известно о твоей поездке?

– На прошлой неделе. – Оуэн отвел взгляд.

– Почему же ничего не сказал мне? Почему молчал до последней минуты?

– Ты была слишком занята делом Этты... Нет, не хочешь лгать. – Он посмотрел на нее. – Я не знал, как сказать тебе. Боялся, что расстроишься...

– Негодяй! – Джемайна вскочила на ноги, ею овладела слепая ярость. – Тебе наплевать на меня. Тебе наплевать на все, кроме собственной персоны, Оуэн Тэзди!

Он вздрогнул.

– Неправда, и ты знаешь это. Просто у тебя своя работа, а у меня – своя. Не такой уж это долгий срок, милая. – Он протянул руки и заключил ее в свои объятия. – Ты будешь занята работой в журнале, и время пролетит незаметно...

– Не утешай меня! – Она забарабанила по его груди своими кулачками. – Ты нарочно ждал до последнего дня, чтобы сообщить мне о своем отъезде!

Джемайна вырвалась из его объятий и бросилась к двери, глупые слезы слепили ей глаза. У двери она обернулась.

– Не надейся, что я буду ждать тебя, как глупая девчонка. Я не собираюсь тосковать по тебе, можешь быть уверен, Оуэн Тэзди!

На следующий день после того как Оуэн покинул Филадельфию, Этта Логан повесилась в тюремной камере, не дождавшись вынесения приговора. Она разорвала свое платье, сделала из лоскутков петлю и повесилась на решетке.

Джемайна вырезала заметку об этом из газеты «Леджер», положила ее в конверт и отправила по почте Оуэну.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Люди вменяют в вину женщине слабость рассудка – якобы дьявол-искуситель подверг ее своим нападкам в первую очередь. Разве это не говорит о том, что она была духовным лидером, которого трудно одолеть, так как для женщины долг важнее всего? Дьявол знал, что если он сможет очернить ее, то добьется желаемого результата.

Журнал «Годиз ледиз бук»

Глава 12

Так дуйте же, ветры, дуйте!
Мы плывем в Калифорнию.
Там полно золота
На берегах Сакраменто.
Так нам говорили.

Оуэн с интересом наблюдал и слушал, как два парня громко распевали, пробираясь сквозь толпу на набережной. Район нью-йоркского порта был буквально запружен будущими золотоискателями, пытающимися пробраться на корабли, отплывающие в Сан-Франциско. Люди прибывали каж-

дый день, у всех в глазах светилась надежда.

Забавно и в то же время трагично. Обретет ли кто из них желанное богатство?

Оуэн задумчиво улыбнулся. Но, что бы ни нашли эти люди, драматизм происходящих событий заслуживает подробного описания. Хотя золото действительно было обнаружено вблизи Саттерс-Милл совсем недавно, мало кто верил тогда сообщениям, поступавшим на восточное побережье.

«Золотая лихорадка» началась, когда президент Джеймс Полк открыто обратился к конгрессу в начале Декабря этого года. В своем послании президент заявил:

Стало известно, что в Калифорнии на значительной территории обнаружены залежи ценных металлов. Недавние открытия показали, что эти залежи гораздо обширнее, чем предполагалось вначале. Приблизительные подсчеты говорят о таком невероятном количестве золота на этой территории, что трудно поверить в достоверность поступающих сообщений.

После этого выступления сведения о золоте приобрели официальный характер, и «золотая лихорадка» охватила всю страну. Однако даже слова президента не убедили Каррузера в том, что надо послать в Калифорнию корреспондента. Вспомнив о своем главном редакторе, Оуэн усмехнулся. Каррузерс всегда считал «Леджер» достойным соперником «Нью-Йорк дейли трибюн» Хораса Грили, которая через четыре дня после выступления президента возвестила: Мы

на пороге золотого века! В течение следующих четырех лет в обращение поступит по меньшей мере тысяча миллионов долларов.

Это окончательно заставило Каррузерса пошевелить своим толстым задом, и он согласился послать Оуэна в Калифорнию. Тот с энтузиазмом взялся за дело.

Улыбка Оуэна сменилась хмурым выражением лица. Если бы Каррузерс оказался немного порасторопнее, Оуэн уже давно был бы на месте. Правда, в этом случае он, наверное, никогда бы не встретился с Джемайной... Но сейчас не время думать об этом.

Если бы Каррузерс разрешил отправиться на золотые прииски в начале лета, Оуэн смог бы быстрее добраться до Калифорнии по суше через весь континент. Это трудный, но зато самый короткий маршрут. Сейчас же, в середине зимы, горные районы закрыты до наступления весны.

Другой маршрут предполагал морское путешествие: сначала вдоль Атлантического побережья обеих Америк, затем вокруг мыса Горн и далее по Тихому океану до Сан-Франциско. Этот путь рассчитан на четыре месяца, а то и больше. К тому же зимой наиболее опасно огибать мыс Горн. Рассказывали, что многие корабли заканчивали там свой поход на дне океана.

Третий маршрут, который и выбрал Оуэн, пролегал как по суше, так и по морю: сначала вдоль Атлантического побережья, затем через Панамский перешеек к Тихому океану и

далее вверх вдоль западного побережья до Сан-Франциско.

Это было дорогое путешествие – одна дорога стоила приблизительно две тысячи долларов. Оуэн по рассказам знал, что поездка будет проходить в весьма тяжелых условиях. Теперь, когда началась «золотая лихорадка», переполненные корабли отходили от причалов, оставляя на берегу толпы людей, днями и неделями ожидающих очередного судна. Поскольку Оуэн являлся корреспондентом газеты, он имел приоритетное право посадки на корабль.

Поправив шапку, Тэзди смахнул пыль с рукава плаща. Оуэна трудно было узнать с первого взгляда. Это был не тот прекрасно одетый молодой человек, каким он выглядел дома: в полевых условиях нет смысла хорошо и дорого одеваться – не только непрактично, но и опасно. Среди людей, с которыми ему предстояло общаться во время долгого пути и на приисках, щегольский вид мог вызвать всяческие насмешки и нежелательные выходки. На Оуэне были добротные сапоги, шерстяная шапка и плотный плащ. В саквояже лежали две смены белья, туалетные принадлежности, постельное белье в скатке и все необходимое для ведения записей – короче, ничего лишнего. При нем также находилась неизменная трость, из которой при нажатии кнопки на рукоятке выдвигалось стальное лезвие. Кроме того, в саквояже на всякий случай был припрятан маленький пистолет.

Наконец в верхней части трапа убрали барьер, и Оуэн присоединился к толпе, устремившейся на борт корабля. На пер-

вом этапе путешествия для него забронирована отдельная каюта, но он сомневался, что ему так же повезет в дальнейшем.

Оуэн и другие пассажиры высадились в Чагресе – деревушке из нескольких лачуг. Вокруг были сплошные болота, в которых легко подхватить лихорадку.

Расстояние до города Панамы через перешеек составляло около семидесяти пяти миль, и первые пятьдесят преодолелись на каноэ, которые местные жители называли бангос. Гребли и управляли парусом местные лодочники, испанцы или индейцы. Они часто останавливались – передохнуть и подбодрить себя ромом, который, на вкус Оуэна, был совершенно непригоден для употребления.

Большинство американцев, путешествующих на каноэ, представляло собой шумную компанию. Мужчины, вооруженные длинными охотничьими ножами и пистолетами, часто угрожали ими лодочникам, заставляя тех грести быстрее, но при этом никому не приходило в голову помочь. Лодочники сделались угрюмыми и в знак протеста гребли еще медленнее.

Оуэн держался в стороне от этих парней. Глядя на них, он размышлял: как быстро жажда золота меняет людей в худшую сторону! Когда не было дождя, который шел почти непрерывно, он спешил записать свои наблюдения. Жара стояла невыносимая, окутывая людей подобно влажному душному одеялу. Днем и ночью донимали москиты и прочие

надоедливые насекомые. На деревьях пронзительно кричали попугаи, на камнях грелись игуаны.

Однако настоящая опасность скрывалась в мутной воде реки, кишашей крокодилами. Оуэн видел, как один парень, напившись бренди, ткнул палкой в крокодила. Тот зажал палку своими страшными челюстями и выдернул человека из каноэ. Прежде чем кто-либо успел помочь ему, крокодил схватил парня и исчез с ним под водой.

Некоторые умирали от холеры и малярии, и их хоронили на болотистых берегах реки. Оуэн был очень осторожен с питьем и едой, и когда они достигли деревушки Крузес, он находился в добром здравии. От этой деревушки до Панамы было двадцать с лишним миль, и их можно было преодолеть либо пешком, либо на мулах. Оуэн купил мула и остаток пути преодолел довольно легко. К тому же теперь он мог путешествовать один, без этого пьяного сброда.

Панама представляла собой массу лачуг и ветхих строений на улицах, заросших травой. Гостиниц не было. Город, основанный в XVII веке испанцами, долгое время являлся их форпостом в Новом Свете, правда, от бывшего величия ничего не осталось. Теперь его наводнили золотоискатели, стремящиеся добраться до Сан-Франциско. Все они тщетно пытались найти транспорт. Кораблей, курсирующих между Панамой и Калифорнией, было удручающе мало. Несмотря на то что Оуэн являлся журналистом и готов был заплатить высокую цену, ему никак не удавалось заказать билет. Он

наблюдал за мужчинами, сражающимися за спальные места на нескольких судах, – они пускали в ход кулаки, ножи и даже пистолеты. Некоторые поединки кончались смертью.

Наконец ему повезло.

Спустя две недели после прибытия в Панаму, 17 января 1849 года, Оуэн увидел в порту необычайное зрелище: пароход под американским флагом входил в залив, выпуская в небо клубы черного дыма. Оуэн смог прочесть название на борту – «Калифорния». Корабль шел с юга.

Тэзди знал, что конгресс по настоянию президента еще в прошлом году проголосовал за выделение более полумиллиона долларов частным компаниям на строительство кораблей, которые должны обеспечивать регулярное сообщение между Нью-Йорком и Чагресом, Панамой и Сан-Франциско, а также между другими городами западного побережья. Это был один из пароходов, который начал свои регулярные рейсы.

Оуэн был в восторге: теперь он сможет преодолеть последний этап пути!

Вскоре молодой человек понял, что сделать это не так-то просто: около полутора тысяч золотоискателей жаждали того же. А на борту уже было 70 перуанцев, также отправившихся на золотые прииски.

Когда об этом стало известно, дело дошло чуть ли не до бунта. Только после того как генерал Персифор Ф. Смит, направлявшийся в Калифорнию для наведения там поряд-

ка и также застрявший в Панаме, зачитал собравшимся американским золотоискателям письмо, напряжение несколько спало. Письмо, адресованное консулу Соединенных Штатов в Панаме, выражало требование: граждане Соединенных Штатов должны иметь приоритет в приобретении билетов на пароход.

После собрания Оуэн ухитрился поговорить с генералом Смитом.

– Генерал, меня зовут Оуэн Тэзди. Я корреспондент газеты «Филадельфия леджер» и призван освещать события на золотых приисках. Я нахожусь здесь с начала месяца, и мне крайне необходимо как можно скорее попасть в Калифорнию. Можете ли вы помочь мне?

– Думаю, ваш приоритет неоспорим, мистер Тэзди, – живо поддержал его генерал. – Ваше дело не терпит отлагательств в отличие от золотоискателей. – Он поморщился. – Грязный сброд. Я отдам распоряжение, чтобы капитан «Калифорнии» обеспечил вам место на своем корабле.

– Буду очень признателен, генерал. Благодарю вас.

«Калифорния» отошла от Панама 1 февраля. Капитан внял пожеланиям генерала Смита и предоставил места на «Калифорнии» двумстам пятидесяти американцам. Таким образом, вместе с находившимися на нем перуанцами корабль принял почти вдвое больше пассажиров по сравнению с тем, на что был рассчитан.

Оуэн, вынужденный делить каюту с другими пассажира-

ми, был счастлив: он находился на последнем этапе пути к цели своей командировки. Когда они отплыли, Тэзди сидел на палубе, размышляя над началом статьи, в которой намеревался описать путешествие до Сан-Франциско.

Он начал писать:

1 февраля в девять часов утра мы тронулись в путь с радостными криками, раздававшимися со всех сторон. Гвалт стоял невообразимый – к голосам людей присоединились крики петухов, кур, овей, коз, коров и поросят, которые тоже оказались на борту.

На палубе сооружены столовые, и капитан назначил норму питания. Это непростая задача – накормить всех нас, так как корабль не имеет достаточного запаса пищи...

«Калифорния» прибыла в Сан-Франциско 28 февраля, и Оуэн сделал новую запись:

Сегодня мы бросили якорь в заливе Сан-Франциско. Ваш корреспондент насчитал еще тридцать кораблей, уже пришедших туда. Многие из них, так и не разгруженные, уже начали гнить. Мне сказали: как только корабль прибывает в Сан-Франциско, все, включая команду, тотчас покидают судно и отправляются на золотые прииски.

Часто некого нанять разгрузить корабль: все устремились за золотом! В мыслях людей только золото. Это единственная тема всех разговоров. Некоторые капитаны, как только корабль встает на якорь, приковывают цепями своих матросов, дабы они не могли сбежать.

В беседе с капитаном «Калифорнии» Кливлендом Форбсом я узнал, что он обещал платить главному механику и повару пятьсот долларов в месяц, а обычным матросам – двести за то, чтобы они остались на корабле. Ежемесячный оклад самого капитана – всего двести долларов!

Что касается Сан-Франциско, численность его населения сильно увеличилась за последние два года. В 1847 году в городе проживало всего триста человек, сегодня жителей значительно больше. Строения представляют собой поспешно воздвигнутые палатки, в которых размещаются салуны, рестораны и бордели, единственная цель которых – ободрать прибывающих и уезжающих золотоискателей. Некоторые охотники за золотом бросают свое занятие, приезжают сюда. Затем те, которым посчастливилось добыть немного, пытаются отправиться домой, но спускают все свое золото, прежде чем успевают купить билет. Затем снова возвращаются на прииски в поисках богатства. Довольно мрачный замкнутый круг!

Перед тем как покинуть «Калифорнию», Оуэн передал капитану Форбсу свои заметки, чтобы тот доставил их в Панаму, на первый этап маршрута в Филадельфию. Оуэн знал, что пройдет много недель, прежде чем его репортажи попадут к Томасу Каррузерсу, но его согревала мысль, что он один из немногих корреспондентов, отважившихся отправиться в Калифорнию.

Оуэн задержался в Сан-Франциско всего на сутки, ку-

пил там лошадь, седло и прочее необходимое снаряжение, а также столько еды, сколько смог увезти. В Сан-Франциско продукты стоили дорого, но на золотых приисках, он знал, будут еще дороже.

Закончив сборы, он двинулся верхом на северо-восток вдоль реки Сакраменто. Молодой человек мог бы воспользоваться одной из лодок, постоянно курсировавших по реке, что гораздо удобнее, но необходимо было экономить средства, которые ему пригодятся на приисках.

Спешить было некуда, поэтому Оуэн двигался медленно, осматривая окрестности. Он не представлял, что климат в Калифорнии так резко отличается от филадельфийского. Хотя ночи довольно холодные, днем очень тепло. В это время года в Филадельфии уже лежит снег. Здесь же только в пасмурные дни от реки Сакраменто поднимается холодный туман, а в ясную погоду на голубом небе светит яркое солнце.

Достигнув места слияния Сакраменто с ее притоком, Оуэн взял курс на восток. После нескольких дней пути по равнине он добрался до ее края, где приток Сакраменто делал изгиб, и наконец достиг местечка Саттерс-Милл.

Оуэн спешился и подошел поближе к краю откоса, глядя вниз на реку. Вокруг лесопилки сгрудились деревянные лагуги и саманные хижины. Повсюду были раскинuty палатки.

– Можете ли вы поверить, что год назад здесь было меньше сотни людей? – раздался справа тягучий голос. – А сей-

час Колома насчитывает около десяти тысяч душ.

Оуэн обернулся. Неподалеку, прислонившись спиной к стволу огромного дуба, сидел худощавый, долговязый человек с узким, костлявым лицом, обрамленным густыми рыжими волосами, ниспадающими на плечи.

– Колома? – удивился Оуэн. – А я думал, это Саттерс-Милл!

– Был когда-то, дружище. А теперь называется Колома, – поведал незнакомец. В тихом голосе мужчины чувствовался южный акцент.

Подойдя поближе, Оуэн заметил на коленях у незнакомца огромный альбом для эскизов, а в правой руке – карандаш. Рядом лежала открытая коробочка с красками и цветными карандашами.

Оуэн остановился перед сидящим мужчиной.

– Я Оуэн Тэзди.

– Джон Райли. Прошу прощения. – Бросив взгляд на долину, он сделал пару быстрых широких штрихов карандашом. Отойдя в сторону, Оуэн взглянул на эскиз. Райли рисовал янтарные и бурые холмы, возвышающиеся за рекой. Оуэн сразу понял, что этот человек – чертовски хороший художник!

Райли отложил альбом для эскизов, встал, вытянувшись во весь рост, и протянул руку.

– Добро пожаловать в Эльдорадо, Оуэн. Оуэн ответил твердым рукопожатием.

– Почему вы рисуете здесь, наверху, вместо того чтобы добывать золото там, внизу, вместе с остальными?

– Потому что я зарабатываю себе на жизнь эскизами и картинами. Порой заработок весьма скуден, но мне нравится это дело. Что касается тех, внизу, это не по мне. Удачливых золотоискателей лишь единицы. Большинству же после длительного и мучительного труда удается добыть всего несколько унций. – Его серые глаза с любопытством изучали Оуэна. – Вы тоже приехали сюда поохотиться за желтым металлом, Оуэн?

Оуэн покачал головой и слегка улыбнулся:

– Я здесь для того, чтобы описать происходящие события. Я корреспондент газеты «Филадельфия леджер».

– А... тогда понятно! Вы выглядите слишком интеллигентно для охотника за золотом. – Райли лукаво подмигнул. – Вы узнаете здесь очень многое для вашей газеты. Но некоторые рассказы будут правдивые, а больше – чистый вымысел. Например, про одного золотоискателя, который долго ничего не мог найти. И вот однажды утром он сидел, расстроенный, на скале. Со злости парень пнул ногой камень и сломал два пальца на ноге. Но от его толчка камень сдвинулся, и под ним оказался семифунтовый самородок. Кто знает, правда это или выдумка? – Он немного помолчал, затем продолжил: – А вот другая история, она произошла на самом деле, я – свидетель. Это случилось у ручья Карсон. Умер один старатель, друзья решили устроить ему прилич-

ные похороны вместо обычных быстрых погребений. Вначале все немного выпили. Я знаю об этом, потому что находился в том же салуне. Когда они отправились на кладбище, неся мертвого товарища, я последовал за ними, чтобы запечатлеть это событие на эскизе. Один из старателей был священником. Он начал читать молитвы, в то время как остальные стояли на коленях перед открытой могилой. Отпевание длилось довольно долго, и старатели, протрезвев, начали нервничать. Некоторые из них, находясь у края могилы, брали землю горстями и пропускали ее между пальцев. Неожиданно один парень закричал: «Золото!» Он обнаружил в земле крупички драгоценного металла. Священник крикнул: «Служба закончена!» – Райли рассмеялся. – Тело быстро отнесли в сторону от могилы и на время забыли о нем, так как все начали рыть землю. И знаете, они нашли там достаточно много золота. Как вы думаете, это может заинтересовать ваших читателей в Филадельфии?

Оуэн усмехнулся. Внезапно в голову ему пришла интересная мысль.

– Вы сказали, что были на похоронах, делая там зарисовки. Может быть, эскизы все еще у вас?

– Конечно. – Мужчина потянулся к рулону бумаг, прислоненному к дереву, и достал скрученный лист.

Оуэн взял его, развернул и начал внимательно изучать. Это был комический эскиз, почти карикатура. Умерший лежал по одну сторону могилы, мирно сложив руки на груди,

в то время как золотоискатели, включая священника, одетого во все черное, отчаянно копали землю по другую сторону ямы. На их лицах застыла маска неумолимой жадности.

– Очень хорошо, Райли. Может быть, покажете мне еще что-нибудь?

– Конечно. У меня мало шансов продать здесь хоть что-то. Райли порылся в рулоне и дал Оуэну еще несколько свернутых в трубочку листов. Оуэн начал разворачивать их один за другим.

Большинство зарисовок сделано карандашом или углем, но несколько рисунков выполнено акварельными красками. На одном из них изображена река, извиляющаяся серебряной нитью на фоне темного леса, на другом – дубовая роща и равнина, усеянная осенними цветами. На третьей акварели виднелось стадо оленей с черными хвостами и стадо антилоп, пасущихся на низких склонах гор, с белоснежной вершиной горы Шаста в отдалении на фоне ярко-голубого неба.

Оуэн вернул рисунки Райли.

– Вы отличный художник, Райли.

– Знаю, – ответил Райли просто, без ложной скромности и добавил с кривой усмешкой: – Однако это не приносит мне денег в этих краях. Надеюсь выгодно продать их, когда наконец вернусь на восток.

– Как долго вы намерены оставаться здесь?

– Пока не кончатся деньги, – сказал Райли, пожав плечами, – а это скоро произойдет. Я в этих краях с июля прошло-

го года и хотел бы прожить здесь целый год. Однако скоро мне придется есть дикие ягоды или заняться поисками золота, не знаю, что хуже.

– Могу предложить вам выход из положения, если вы согласитесь.

Райли посмотрел на Оуэна пронизывающим взглядом.

– Слушаю вас.

– Думаю, что смогу убедить своего редактора использовать многие из ваших эскизов. Например, тот, что изображает сцену у могилы, просто великолепен! Вы будете делать зарисовки к каждому сюжету, который я стану посылать в редакцию. В настоящий момент, конечно, много платить не смогу, но на еду хватит обоим, пока я не договорюсь с газетой относительно вас и нам не пришлют дополнительных денег. Однако, как вы знаете, почта на восток идет медленно, хотя я и посылаю сообщения фельдъегерской почтой.

– Предложение заманчивое, – осторожно произнес художник. – Значит, большую часть времени мы будем путешествовать вместе?

– Думаю, да. Во всяком случае, я надеюсь на ваш опыт, поскольку мне мало что известно о здешних местах. – Оуэн приподнял голову и улыбнулся. – Думаете, мы сможем терпеть друг друга?

– Я всегда предпочитал одиночество, однако вы кажетесь мне вполне покладистым парнем. Но должен предупредить: я люблю выпить при каждом удобном случае.

– Я тоже не питаю отвращения к выпивке. Так что же, ударим по рукам, Джон Райли?

– Думаю, мы заключили удачную сделку, приятель.

Райли протянул руку, и они скрепили договор торжественным рукопожатием.

Глава 13

Эта зима оказалась тяжелой для Джемайны. После того как Этта покончила жизнь самоубийством и уехал Оуэн, весь мир представлялся ей в мрачном свете. Тем не менее она достаточно хорошо справилась с начатой работой, правда, не испытывала особой радости, приступив к новой статье, и находилась все это время в крайне подавленном состоянии.

Джемайна получила отпуск на время рождественских каникул и решила провести его в Бостоне.

Когда девушка приехала домой, Бесс Бенедикт тотчас начала беспокойно суетиться вокруг дочери.

– Ты похудела, Джемайна, и побледнела. Здоровая ли?

– Мама, ты же знаешь, я всегда была бледной, – быстро ответила Джемайна. – А если и похудела на фунт или два, то, по-моему, это только на пользу.

– Наверное, ты плохо питаешься, – заключил отец ворчливым голосом. – Хестер всегда плохо готовила.

– Папа, я сама готовлю, и довольно неплохо. Мама научила меня. – Джемайна поцеловала мать в щеку.

– Хестер позволяет тебе заниматься приготовлением еды? – сердито спросил Генри Бенедикт. – Вероятно, она эксплуатирует тебя, заставляя готовить и убираться в доме. А ты к тому же весь день работаешь в редакции!

– Отец, – со вздохом возразила Джемайна, – тетя Хестер

тоже работает в своем магазине. Мы делим с ней обязанности по дому, и это справедливо.

– Я полагал, что со временем тебе надоест твоя работа в журнале и ты вернешься в родной дом, – проговорил он с хмурым видом.

– Вряд ли это произойдет. Мне нравится мое дело.

Джемайна заставила себя придать своему голосу бодрый тон. Несмотря на чувство неудовлетворенности в последнее время, ей все-таки нравилась работа в «Бук», и девушка была уверена, что скверное настроение скоро пройдет и все будет по-прежнему.

Она надеялась расслабиться и снова обрести бодрость духа в кругу своей семьи, но по прошествии трех дней почувствовала, что настроение ее не меняется. Здесь все ей казалось серым и скучным по сравнению с Филадельфией. Джемайна вдруг поняла, что резко изменилась за прошедшие несколько месяцев. Однако она обещала провести неделю дома и понимала, что родители будут крайне обижены, если она уедет раньше времени.

На следующий день после Рождества Генри Бенедикт пригласил к себе на обед Джеймса Уортингтона с семьей. Уортингтон – ближайший друг ее отца и помощник в банке – тяжеловесный и скучный, нудный, как и подобает банкиру, а его жена, пухленькая общительная женщина, интересуется только одним: своим сыном Вильямом Уортингтоном, студентом Гарвардского университета, прибывшим домой на

каникулы.

Вилли Уортингтон – симпатичный молодой человек на год старше Джемайны, без сомнения, привлекательный. Отец Джемайны еще раньше приглашал его в свой дом, представляя на суд дочери.

После обычного плотного бостонского обеда Вилли пригласил Джемайну прогуляться. Обрадовавшись возможности избавиться от тягостной атмосферы дома, Джемайна охотно согласилась. Девушка слегка повеселела, заметив, как родители обменялись самодовольными взглядами.

На улице было холодно. На Рождество выпал обильный снег, который лежал на земле толстым белым одеялом. Вечер был ясный, дул легкий ветерок, и на темном небе сияли холодные звезды.

Джемайна остановилась на дорожке перед домом. Прозрачный холодный воздух, казалось, оживил ее, и она почувствовала прилив энергии.

– Вилли, давай покатаемся на санках! – предложила девушка. При дыхании на морозном воздухе у нее изо рта вырывался пар, напоминавший клубы дыма.

Молодой человек удивленно посмотрел на нее, затем медленно расплылся в улыбке.

– Давай. – Он сделал паузу и нахмурился. – Но у нас нет санок.

– Есть одни на заднем дворе, в сарае. Я пользовалась ими, когда была маленькой.

Вилли кивнул, и Джемайна повела его на задний двор. Она чувствовала – отец вряд ли одобрил бы такое легкомыслие. В углу сарая под кучей ветоши они отыскивали санки, покрытые пылью, но вполне пригодные для катания. Таща их за собой, молодые люди направились вниз по холму на ровную площадку. По-видимому, эта мысль пришла не только им – они увидели еще несколько катающихся пар.

Джемайна уселась на санки, Вилли потянул их все быстрее и быстрее. Смеясь, как Дети, они носились взад и вперед по площадке.

Через некоторое время девушка настояла на том, что теперь ее очередь возить санки. Вилли засомневался:

– Это ведь тяжело, Джемайна.

– Пустяки, – ответила она. – Я крепкая женщина, Вилли. Вот увидишь.

Полозья санок уже достаточно обледенели, и по укатанному снегу Джемайна могла легко тянуть Вилли. Это было замечательное развлечение, впервые за несколько недель Джемайна радостно смеялась, забыв обо всех проблемах и наслаждаясь моментом.

Когда они наконец покинули площадку и пошли к дому, их лица были розовыми, щеки покалывало от мороза.

– Чудесно, правда? – спросил Вилли.

– Просто изумительно, Вилли! – Джемайна засмеялась, запрокинув голову.

Вилли сменил руку, которой тянул санки, и нащупал ла-

донь Джемайны. Девушка вся напряглась, намереваясь отдернуть свою руку, но затем расслабилась.

Когда показался дом Бенедиктов, Вилли замедлил шаг.

– Наверное, родители удивляются, где мы пропадаем так долго. Может быть, не стоит говорить им, что мы катались на санках.

Джемайна снова рассмеялась.

– Не скажу, если ты сам не проговоришься.

– Джемайна... – Он остановился и повернулся к ней лицом, все еще держа за руку. – Ты собираешься вернуться в Филадельфию и продолжить работу в журнале?

– Конечно.

– Во время весенних каникул... – Он глубоко вздохнул и сжал ее ладонь. – Филадельфия не так далеко отсюда. Если я приеду туда на несколько дней, могу я увидеть тебя?

Джемайна невольно высвободила руку.

– О, Вилли, это очень мило с твоей стороны. Однако не надо делать этого. Я... – Она глубоко вздохнула. – Я увлечена одним человеком в Филадельфии. Ты хороший парень, Вилли, и я польщена тем, что ты готов поехать в другой город ради встречи со мной, но это бесполезно.

Выражение разочарования на его лице заставило ее отвернуться.

Вернувшись в Филадельфию и продолжив работу: Джемайна почувствовала, что энтузиазм снова покидает ее. Она считала, что достаточно успокоилась, но, по-видимому,

ошиблась.

Девушка занялась своей последней статьей о знаменитых женщинах в истории Филадельфии. Через два дня ее вызвали в кабинет Сары. Стоял февраль. Джемайна была простужена и чувствовала себя неважно.

Сара, постукивая пальцами по письменному столу, внимательно изучала Джемайну.

– Ты плохо выглядишь, моя дорогая, – сказала она наконец.

– Я сильно простудилась, – ответила Джемайна и громко чихнула.

– Жаль. Наверное, тебе лучше пойти домой и лечь в постель. Укутайся теплым одеялом и постарайся пропотеть. – Сара слегка улыбнулась. – Знаю, дамы не любят потеть, но это лучшее средство в твоем состоянии. Однако сначала мы должны обсудить кое-что...

Сара снова начала постукивать пальцами, и Джемайна вдруг заметила на столе рукопись и ощутила страх, узнав свою статью.

– Приношу свои извинения за то, что затеяла этот разговор сейчас, когда ты в таком состоянии, дорогая, – продолжила Сара, – но это необходимо сделать. Твоя последняя статья никуда не годится.

– Что там неверно, Сара? Я тщательно изучила жизнь этой женщины. – Джемайна действительно много работала над статьей. После отъезда Оуэна она не могла пользоваться его

книгами и вынуждена была подолгу просиживать в библиотеках и рыться в частных собраниях в поисках необходимого материала.

– О, что касается фактов, то здесь все в порядке по статье, к сожалению, является всего лишь голым их перечислением. Фактический материал, безусловно, должен иметь место, но мы все-таки публикуем в «Ледиз бук» не просто историю. – Сара внимательно посмотрела на девушку. – В твоей статье о Блэквел женщина предстает перед читателями живой. И в материалах о сельских женщинах ты уловила самую их суть. За годы работы редактором я поняла, что многие авторы могут хорошо писать о современниках, но терпят неудачу, когда пытаются создать образы давно умерших людей, исторических личностей. Я бы решила, что ты относишься к этой категории журналистов, если бы не первая статья из этой серии – о Бетси Росс. Тебе удалось убедить меня вопреки всем слухам, что именно она изготовила первый американский флаг. Но это, Джемайна... – Сара взяла со стола рукопись и помахала ею. – Должна признаться, ты разочаровала меня. Я понимаю, что предъявляю довольно высокие требования, но я жду от своих людей только отличной работы.

Джемайна подумала, не собирается ли Сара уволить ее, и разволновалась, хотя в глубине души была уверена, что до этого не дойдет.

От мрачных мыслей ее отвлек голос Сары:

– Часто в таких случаях, как этот, Джемайна, я поручаю статью другому автору. Однако, поскольку я верю в тебя... Словом, постарайся сама переделать ее заново.

Она продолжала держать рукопись, и Джемайна протянула руку через стол, чтобы взять ее.

– Я постараюсь, Сара, – проговорила девушка глухим голосом. – Сожалею, но я неважно чувствую себя последнее время. – Она беспомощно развела руками.

– Это очевидно, моя дорогая, – подтвердила Сара сухим тоном.

Джемайна встала и пошла к выходу. Открыв дверь кабинета, она увидела Уоррена Баррикона.

– А, Джемайна, привет.

– Привет, Уоррен. – ответила она и прошла мимо.

Глядя ей вслед, Уоррен медленно закрыл дверь и сел на место, которое только что освободила Джемайна.

– Я хотел поговорить с тобой о гравюре, иллюстрирующей рассказ, Сара, но... – Он хмуро посмотрел на дверь. – Я заметил, что Джемайна не в себе последнее время, еще до Рождества.

Сара откинулась назад.

– Это произошло после того, как повесилась Этта Логан.

– Разве Джемайна имела к этому какое-то отношение?

– Некоторым образом. По крайней мере она интересовалась этим делом, и трагическая смерть женщины повергла ее в депрессию. Но мне кажется, есть еще что-то... Думаю,

Джемайна увлеклась Оуэном Тэзди...

– Этим негодяем! – Уоррен подался вперед, сжав кулаки. – Если он обидит ее!..

– Уоррен, вы удивляете меня, – насмешливо сказала Сара. – Что вы можете сделать, вызвать его на дуэль? Едва ли вы способны на это. Кроме того, вы немного опоздали. Оуэн на золотых приисках в Калифорнии. Он вернется только в декабре. Именно с декабря прошлого года Джемайна все время находится в удрученном состоянии.

– Но ведь она не знает, что он собой представляет!

– А в самом деле – что он собой представляет, Уоррен? Тэзди из тех, кто привлекает таких молодых женщин, как Джемайна. Я предупреждала ее и не думала, что она проигнорирует мои слова. Мне неизвестно, что произошло, да это меня и не касается. Так же как и тебя, Уоррен. Но мне больно видеть, как страдает этот ребенок.

– Полагаю, это влияет на ее работу? Сара кивнула в ответ.

Уоррен поразмыслил несколько секунд, затем с улыбкой поднял голову:

– У меня есть предложение, Сара. Оно может показаться тебе очень необычным, однако смена обстановки часто оказывает положительное влияние...

В конце рабочего дня Джемайне передали, что Сара хочет видеть ее. Девушка не ушла домой днем, как предлагала Сара, и начала переделывать статью, правда, пока безуспешно. Решив, что Сара уже хочет обсудить ее работу, Джемай-

на возмутилась и в таком состоянии вышла в холл. Входя в кабинет Сары, она вся кипела от гнева.

Уже с порога Джемайна не выдержала:

– Сара, я только начала работать над статьей! Как можно ожидать, что я закончу ее так скоро!

Сара удивленно посмотрела на нее:

– Дитя мое, конечно, я не ждала этого, а хотела поговорить с тобой совсем о другом. Сядь и послушай.

Немного успокоившись, Джемайна села. Сара сложила руки на столе.

– Как ты знаешь, мы обычно каждую весну посылаем двух-трех человек в Париж на просмотр новых мод.

Джемайна удивленно взглянула на Сару, и сердце ее неистово забилося.

– В этом году мы решили послать тебя, Джемайна. Я только что обсудила этот вопрос с мистером Гоуди, и он согласился.

В Париж? Джемайна испытала одновременно восторг и страх. Она никогда не выезжала из страны, а теперь вот поедет в Париж с заданием!

– Но я ничего не знаю о модах, Сара, – сказала она нерешительно.

– Так это еще лучше, у тебя свежий взгляд. Ты ведь ничего не знала о сельской жизни, однако написала серию прекрасных статей. Кроме того... – Сара замолчала, собираясь с мыслями и глядя в широко раскрытые глаза молодой жен-

щины.

Сказать Джемайне, что предложение поступило от Уоррена Баррикона? На мгновение она засомневалась: вдруг Уоррен преследует какую-то тайную цель? Но тут же отбросила эту мысль, Уоррен Баррикон – честный и порядочный человек.

– Ты можешь отправиться пораньше, если согласна, – продолжила Сара. – Уоррен не сможет поехать в Париж до конца марта, но прибудет туда к началу демонстрации весенних мод. Однако мне хотелось, чтобы ты поехала сейчас. Я ожидаю от тебя хороших материалов, Джемайна. Впечатления о Париже и о его жителях. Мы время от времени печатаем подобные статьи. Недавно были опубликованы «Впечатления о Риме» и даже «Впечатления о России». К тому же я хотела бы, чтобы ты сделала серию очерков о женщинах, известных в истории Франции, наподобие тех, что ты недавно опубликовала здесь, в Филадельфии. – Сара улыбнулась. – Как тебе это нравится?

Джемайна едва дышала.

– Не знаю, что и сказать, Сара. Это превосходный случай. Я и раньше мечтала, что когда-нибудь меня пошлют в Париж, но это произошло так неожиданно!

– Вполне тебя понимаю. Но нельзя терять время. Мы должны составить планы, хотя бы в общих чертах расписать твоё пребывание в Париже, заказать билеты. – Сара сделала паузу, внимательно изучая Джемайну. – Только вот что

беспокоит меня. Ты молода и не привыкла к путешествиям. Женщина в твоём возрасте, одна в чужом городе...

Это не было сомнением, но Джемайна восприняла эти слова именно так. Она внутренне собралась и ответила, даже привстав в гордом порыве:

– Мне уже двадцать три года, и я вполне могу постоять за себя!

– Ты уверена? – спросила Сара, и губы ее тронула улыбка. – Вероятно, ты права. Посмотрим. Значит, я могу считать, что ты согласна?

– О да! – воскликнула Джемайна. Затем внезапная мысль отрезвила ее. – А как же быть с последней статьёй, которую я начала переделывать?

– Возможно, ты найдёшь время до отъезда закончить ее. А если нет, ничего страшного. Закончишь, когда вернешься. – Сара улыбнулась. – Может, тогда у тебя будет более хорошее настроение.

Джемайна внимательно посмотрела на главного редактора.

– Сара, ты делаешь это ради меня? Я имею в виду мое состояние...

– Да, думаю, поездка пойдет тебе на пользу. – Сара почувствовала некоторое смущение и на мгновение отвела глаза. Затем снова посмотрела на Джемайну и твердо сказала: – Не пойми меня неправильно, дорогая. Если бы я не была уверена, что ты справишься с этим заданием, я бы не послала

тебя. Я также твердо верю: смена обстановки поможет тебе.

Джемайна задумалась над тем, что известно Саре и что она подозревает относительно ее отношений с Оуэном. Конечно, Сара неглупая женщина, она, должно быть, сразу связала подавленность Джемайны с отъездом Оуэна. Даже если она и догадалась об их романе, склонна ли осуждать ее? Джемайна хорошо знала глубоко религиозные убеждения пожилой женщины и ее строгое отношение к морали.

Поднявшись, Джемайна сказала:

– Какова бы ни была причина, Сара, я хочу, чтобы ты знала, как я благодарна за предоставленную возможность. Обещаю, ты никогда не пожалеешь об этом.

– Не сомневаюсь, – тепло улыбнулась Сара. Вернувшись на свое рабочее место, Джемайна взяла рукопись, которую Сара вернула ей, и быстро прочитала от начала до конца. Теперь она совсем по-другому осмыслила ее содержание и быстро уловила то, чем была недовольна Сара. Статья выглядела скучной и производила впечатление сухой компиляции.

Хотя уже пора было идти домой, она углубилась в работу. Даже симптомы простуды стали слабее. Через некоторое время Джемайна перестала писать. Держа перо на весу, она улыбнулась, что-то напевая себе под нос.

Нью-Йорк кишел людьми, ревел и грохотал. По мнению Джемайны, жизнь в Филадельфии более спокойная. Впервые она побывала в Нью-Йорке, когда направлялась в Джениву взять интервью у Элизабет Блэквел, и пробыла там ровно

столько времени, сколько потребовалось, чтобы пересесть на другой поезд.

Сара разрешила Джемайне уехать из Филадельфии за десять дней до отплытия корабля во Францию, так чтобы она провела некоторое время с родителями в Бостоне. Однако Джемайна не выдержала дома более четырех дней.

Ее родители были в ужасе, оттого что она отправлялась во Францию одна.

– Очень плохо, что ты едешь в Париж, в этот греховный город! – возмущался отец. – Да еще одна, в твои-то годы. Я не разрешаю тебе, Джемайна!

Джемайна рассмеялась:

– Папа, неужели ты не понимаешь, что теперь уже ничего не можешь запретить мне. Ради Бога, ведь я недавно отпраздновала уже двадцать третий день рождения!

Он продолжал кричать:

– Это тоже проблема! Тебе двадцать три, а ты еще не замужем. Давно пора. Ты уже старая дева, Джемайна. Мужчины будут думать, что у тебя что-то не в порядке, раз ты не замужем в такие годы!

Джемайна вспомнила об Оуэне и разозлилась.

– Я выйду замуж, когда сочту нужным, и твои слова не заставят меня немедленно сделать это.

Два дня спустя Джемайна покинула Бикон-Хилл и отправилась в Нью-Йорк, хотя до отплытия корабля во Францию оставалась еще неделя.

И вот теперь, гуляя по улицам Нью-Йорка, Джемайна радовалась, что у нее есть время познакомиться поближе с этим городом. Жизнь в Нью-Йорке бурлила. На улицах толпились пешеходы, повсюду мелькали конки и экипажи. Пройдя дюжину кварталов, она услышала разговор на многих языках. Голова ее была полна новыми идеями, и она улыбнулась: может быть, остаться здесь и не ездить в Париж? Конечно, она много читала о Париже, но сомневалась, что любой другой город может быть столь волнующим, как Нью-Йорк.

Джемайна гуляла по запруженным улицам, пока не устала, после чего отправилась в отель спать.

Каждый день, проведенный в этом городе, открывал ей что-то новое и удивительное, начиная от магазинов одежды на Пятой авеню до кварталов Бауэри с низкопробными кабаками.

В предпоследний день Джемайна оказалась в Нижнем Ист-Сайде, на острове Манхэттен. Она поняла, что это центр района, где изготавливается одежда. Уличное движение здесь было особенно оживленным, хотя люди передвигались в основном пешком. Джемайне потребовалось несколько минут, чтобы сообразить, почему все куда-то спешат. Она увидела людей, согнувшихся под тяжестью тюков с одеждой, и поняла: производители одежды готовятся к смене сезонов – скоро во всех магазинах появятся весенние фасоны.

Внимательно приглядевшись к фигурам с тюками на спи-

не, Джемайна вздрогнула. Носильщиками были маленькие дети, причем не только мальчики, но и девочки. Дети были так тяжело нагружены, что Джемайна не могла понять, как они выдерживают такую ношу.

Усталые, с безразличным выражением лиц, они выглядели такими жалкими, что на глазах у Джемайны выступили слезы, и она поспешила пройти мимо, опустив голову. Свернув за угол, Джемайна оказалась на Хестер-стрит. Она быстро пошла по улице, стараясь поскорее покинуть этот район. В середине квартала что-то неожиданно привлекло ее внимание.

Джемайна остановилась и внимательно посмотрела налево. Короткие ступеньки вели вниз к узкой двери, на которой висела вывеска: Л. Гилрой. Превосходные плащи. Не тот ли это человек, который пристал к ней тогда, в Филадельфии? Гилрой не очень распространенное имя...

Внезапно дверь широко распахнулась, и в проеме показались две борющиеся фигуры. Джемайна, не раздумывая, подошла поближе к лестнице. В тусклом свете она различила мужчину и женщину. Женщина отчаянно сопротивлялась, а мужчина крепко держал ее.

Джемайна услышала плачущий голос:

– Пожалуйста, сэр! Не делайте этого! Мне очень нужна работа. У меня двое детей.

– Надо было раньше думать о них, – грубо сказал мужчина. – В моей мастерской нет места лентяйкам. А теперь уби-

райся, женщина. Все кончено!

Мужчина поднял голову, и Джемайна вся съежилась. Тот самый человек! Казалось, он не узнал ее. Он с силой толкнул женщину. Она ухватилась за рукав его рубашки и разорвала его. Гилрой пробормотал проклятия и снова толкнул ее, опрокинув на ступеньки лестницы, затем стоял, наблюдая, как женщина на четвереньках карабкается вверх.

Когда несчастная оказалась на улице, Джемайна инстинктивно наклонилась и протянула ей руку, пытаясь утешить.

– Пойдем со мной, дорогая, – предложила она и повела ее по улице.

Все еще охваченный гневом, Лестер Гилрой стоял, глядя на хорошо одетую женщину, удаляющуюся вместе с его недавней работницей. Он лихорадочно думал, кто бы это мог быть. Возможно, какая-нибудь леди забрела сюда, пытаясь помочь так называемым угнетенным. Эти люди слишком глупы и не понимают, что многие женщины и дети стали бы попрошайничать на улицах, если бы он не предоставил им работу.

Он посмотрел на свой разорванный рукав. Проклятая баба! Ухитрилась порвать ему такую хорошую рубашку. Гилрой со злостью ухватился за рукав и оторвал совсем, до самого плеча, обнажив татуировку корабля. Он напряг мышцы, и корабль закачался на морских волнах...

Глава 14

Как обычно в ранний час, войдя в свой кабинет, Сара Хейл обнаружила на столе письмо от Джемайны.

Дорогая Сара, рано утром я сяду на корабль, отправляющийся во Францию, но перед отъездом решила написать тебе.

Однажды ты сказала, что я не должна начинать какой-либо проект, предварительно не обсудив его с тобой. Разумеется, то, что я задумала, невозможно осуществить, пока не вернусь из Парижа, тем не менее мне хочется, чтобы ты подумала над этим в мое отсутствие.

Перед отъездом у меня было время в Нью-Йорке, чтобы познакомиться с этим городом. Я очарована им, однако обнаружила и темные, гнетущие стороны. Я столкнулась с вопиющей несправедливостью, с которой необходимо бороться!

Однажды, гуляя по Ист-Сайду, я забрела в район, где изготавливают одежду. Там творятся невероятные вещи, Сара! Маленькие дети, мальчики и девочки десяти и менее лет, работают на улице, разнося такие тяжелые тюки с одеждой, что едва держатся на ногах!

Другие работают в ужасных условиях по четырнадцать часов в день. Рабочие места часто становятся очагами эпидемии. Там тусклое освещение и плохая вентиляция. И за тяж-

кий труд дети получают всего несколько центов в день. Женщины зарабатывают по доллару в день.

Я узнала об этих чудовищных фактах, лично не посещая производство, но получила информацию из весьма надежного источника.

Уверена, ты помнишь человека по имени Лестер Гилрой, который приезжал в Филадельфию с целью открыть там фабрики по пошиву одежды, но вынужден был покинуть город, когда «Леджер» опубликовала статью о его дьявольской затее. Гуляя по Хестер-стрит, я увидела на здании табличку с его именем! Пока я стояла там, пораженная совпадением, он появился в двери и выбросил на улицу женщину.

Я познакомилась с ней и привела в свой отель, чтобы она могла поесть. Ее зовут Мэриголд Тайлер. Какое славное имя для той, кто должен влачить жалкое существование! У Мэриголд двое маленьких детей, и она единственная их кормилица. Муж бросил ее. Она умела только орудовать иглой с ниткой. Получив работу у Лестера Гилроя, Мэриголд занималась тем, что пришивала пуговицы к женским плащам.

Возможно, тебе трудно поверить, Сара. Знаю, так как сама едва верила в это. Она работала по четырнадцать, а иногда по шестнадцать часов и всего лишь за один доллар в день! Мэриголд рассказала, что цена материала для плащей плюс стоимость труда составляют менее доллара за один плащ, а в магазине он продается за три доллара, иногда и дороже. Это значит, что мистер Гилрой получает прибыль в двести

процентов за каждую единицу и тем не менее платит своим рабочим за труд такую жалкую плату! Это преступление не только против женщин, но вообще против человечества, так как он эксплуатирует детей!

Мэриголд также рассказала, что мистер Гилрой уволил ее за то, что она уснула за рабочим столом, так как за день до этого проработала шестнадцать часов, а потом вынуждена была всю ночь ухаживать за младшим ребенком, у которого сильно болел живот. Гилрой не внял мольбам несчастной женщины и уволил ее.

Я плакала, слушая ее печальный рассказ, но ничем не могла помочь, кроме как купить ей хорошую еду и дать несколько долларов, которые сумела сэкономить.

Сара, необходимо разоблачить этого дьявола! Кому же еще, как не «Гоудиз ледиз бук», осудить эту гнусную практику! Из рассказа Мэриголд я поняла, что Лестер Гилрой – лишь один из многих производителей одежды, которые эксплуатируют женщин и детей ради собственной нечестивой выгоды.

Понимаю, что не смогу написать обо всем этом, пока сама тщательно не изучу условий труда на фабриках, но мне хотелось поделиться с тобой. Я мечтаю получить такое задание, как только вернусь в Америку.

Теперь о личном. Очень надеюсь на поездку в Париж. Я хорошо понимаю, что недавно позволила собственным проблемам повлиять на работу в редакции. Надеюсь, теперь все

это в прошлом, и постараюсь присылать хорошие материалы во время пребывания в Париже.

С любовью, твоя Джемайна.

Сара положила письмо на стол. От нее не ускользнул тот факт, что Джемайна старательно избегала упоминания имени Оуэна, ссылаясь на его статью о Лестере Гилрое.

Сара вздохнула и потерла глаза. «Если бы я была такой молодой, – подумала она, – могла бы я с таким рвением бороться со злом?»

Да, когда-то она тоже бралась за большие дела, но научилась умерять свой пыл. Мир держится на компромиссах, и Джемайна должна усвоить этот урок. Сара очень надеялась, что при этом Джемайна не слишком пострадает.

В то время как она размышляла над письмом, раздался стук в дверь. По ее приглашению вошел Уоррен Баррикон.

– А, Уоррен. Чем могу помочь?

– Гравюры с фасонами одежды для майского издания готовы. Я подумал, не захочешь ли ты взглянуть на них.

Он передал ей гравюры и сел, пока Сара просматривала их одну за другой. Наконец она подняла голову и удовлетворенно кивнула:

– Превосходно, Уоррен! Лучшее, что я видела в последнее время. Надеюсь, ты вернешься из Парижа с еще более прекрасными идеями. Что касается Парижа... сегодня утром я получила письмо от Джемайны.

Она взяла письмо и передала его Уоррену. Тот начал чи-

тать и заулыбался. Затем громко рассмеялся, закончив чтение.

– Да она просто смутьянка.

– Боюсь, девочка будет разочарована. Мы никогда не опубликуем подобные вещи в «Ледиз бук».

Уоррен сдержанно кивнул:

– Да, понимаю.

– Я не могу не восхищаться ее мужеством и рвением. Бог знает, возможно, она права. Надо что-то делать и разоблачить негодяев перед обществом. Мне стало кое-что известно об их деятельности, еще когда я жила в Бостоне. Не знаю, слышал ли ты название слоп-шоп для магазинов готового платья?

– Сомневаюсь, Сара.

– Я занималась организацией Общества помощи морякам, жизнь которых была очень тяжелой. Они месяцами находились в море, а жены и дети страдали. Их заработная плата была очень низкая, и семьи едва сводили концы с концами. А иногда моряки совсем не возвращались домой. Корабли тонули или разбивались о скалы, и тогда многие семьи оставались без кормильца. – Сара покачала головой. – Да, вдовы и сироты вызывали во мне особенную жалость. Некоторые женщины вышли из приличных семей, знали лучшую жизнь и вдруг в один день становились одинокими и фактически нищими.

Так вот. Большинство моряков и их семей вынуждены бы-

ли покупать одежду в слоп-шопах по очень высоким ценам, хотя товар там был обычно плохого качества. Название придумано для магазинов, торгующих всякой дрянью. Вскоре я поняла: женщинам нужна работа, а не благотворительность. Это было в конце прошлого десятилетия, тогда судьба одиноких женщин была более плачевной, чем сейчас. Порядочная женщина только в трех случаях могла обеспечить себя и своих детей: работать в качестве прислуги, стирать и шить. Мы снабдили женщин руководством по вышиванию и другим видам шитья и открыли недорогой магазин для семей моряков. Через два года мы имели свыше пяти тысяч единиц одежды, предназначенной для продажи преимущественно морякам. Наши работницы получали приличную заработную плату, что немедленно вызвало гнев у владельцев слоп-шопов, которые платили швеям ровно столько, чтобы они не умерли с голоду.

Сара мрачно улыбнулась.

– Я не позволила конкурентам сломить меня и продолжала помогать женщинам как могла. Так что, видишь, я знаю, о чем беспокоится Джемайна. Хотя я и использовала «Ледиз мэгэзин» для организации Общества помощи морякам, но не сделала его трибуной для борьбы с владельцами слоп-шопов. А теперь представь себе реакцию Луиса, если бы я предложила ему такой проект. Он бы сразу умер.

– Да, но Джемайна скоро будет в Париже. Возможно, жизнь в этом городе и весенний показ мод заставят ее поза-

быть о своих замыслах.

– Буду молить Бога об этом, но, насколько я знаю Джемайну, вряд ли это поможет. Она вернется и примется за свое дело. Кстати, о демонстрации мод... – Сара внимательно посмотрела на Уоррена. – Тебе тоже пора отправляться в Париж. Уверен, что хочешь поехать в этом году, Уоррен? Как себя чувствует твоя жена? Я могла бы послать кого-нибудь другого.

– О, мы недавно говорили с ней на эту тему. Элис не против. Как ни странно, но последние несколько недель она чувствует себя значительно лучше. Она оживляется в холодные месяцы. Жаркая погода действует на нее неблагоприятно. Во время моего отсутствия днем с ней будет находиться миссис Райт, а на ночь станет приходить другая женщина, с которой я договорился, так что Элис все время будет под присмотром. Женщины позаботятся о ней лучше, чем я.

Сара кивнула:

– Хорошо. Мы поможем, если будет нужно.

Но тем не менее Уоррена угнетало чувство вины, когда вечером он возвращался домой. Дело в том, что ему очень хотелось отдохнуть от Элис. Время в Париже для него – желанная передышка от гнетущей, болезненной атмосферы дома. К тому же там будет Джемайна...

Мысль о Джемайне и заставляла его чувствовать себя виноватым. Он будет с ней в Париже, в этом городе света, городе влюбленных! После того как Элис заболела, между супру-

гами прекратились нормальные отношения. Доктора сказали, что это может сильно повредить ее слабому здоровью, а если она забеременеет, то возникнет угроза ее жизни.

У Уоррена не было желания изменить жене... пока он не встретил Джемайну. Теперь он обнаружил, что, несмотря на отчаянное сопротивление, плотские мысли все чаще стали одолевать его.

Уоррен вздохнул и открыл дверь. Миссис Райт приветствовала его в своей резкой манере и уже через две минуты после его прихода была за дверью.

Войдя в холл, Уоррен крикнул:

– Я уже дома, дорогая!

Элис сидела в постели, опираясь на подушки, ее черные волосы были расчесаны. Она выглядела очень худой, почти бесплотной. Исключение составляли неестественно яркие серые глаза и лихорадочные пятна, которые подобно тепличным розам расцвели на ее щеках.

Уоррен остановился у постели и нежно поцеловал жену. Она обняла его и отчаянно прижала к себе на мгновение. Затем отпустила, и он сел на стул рядом с кроватью.

– Как прошел день, милая?

– Прекрасно, – живо отозвалась Элис. – Я даже вставала, провела немного времени в гостиной за шитьем и почти не кашляла весь день.

– Это хорошо. Ты ведь знаешь, мне хочется, чтобы ты посидела со мной за ужином.

– Теперь я могу вставать каждый день. – Она пристально посмотрела на него, и Уоррену стало неловко. Элис обладала способностью читать его мысли и чувства. – Как ты поработал, дорогой?

– О... почти как обычно. – Он отвел взгляд, затем не выдержал. – Сара говорила мне сегодня о поездке в Париж в следующем месяце. Она хотела знать, как ты относишься к такому длительному моему отсутствию.

– Уоррен... – Элис приподнялась повыше, опершись на спинку кровати. – Мы уже говорили с тобой об этом. Я очень не хочу, чтобы мое состояние мешало твоей работе.

– Сара все поняла бы. На самом деле она заявила, что нет особой необходимости в моей поездке в Париж. Она могла бы послать кого-нибудь другого.

Элис замотала головой:

– Нет, не хочу даже слышать об этом. Сейчас мне не хуже, чем в предыдущие годы. Я не перенесу мысли о том, что помешала тебе в любимой работе. У тебя ведь больше нет ничего – ни детей, ни жены... – На глазах ее выступили слезы, и она сказала, задыхаясь: – Я уже не женщина, Уоррен. Ты заслуживаешь лучшей участи.

– Не говори так! – Он строго посмотрел на нее. – Мы же условились, что никогда не будем касаться этой темы. Ты прежде всего моя жена... – Он хотел сказать: «в горести и в радости», но, к счастью, вовремя сдержался. Уоррен вытер пальцем слезы с ее глаз. – Я женился, потому что люблю те-

бя, и ничто не изменит моего отношения.

– Не понимаю, как ты можешь продолжать любить меня в таком состоянии, – произнесла она с горечью.

– Но я люблю. Ты – моя жена, Элис. А сейчас, – твердо заявил он, поднимаясь, – миссис Райт оставила нам на плите превосходное жаркое. Я принесу подносы с едой, бутылочку хорошего вина, и мы поужинаем здесь.

Уоррен бойко вышел из спальни, но постепенно шаги его замедлились. Он действительно раньше любил Элис и продолжал любить ее, но уже другой любовью. Уоррен не мог отрицать этого и был уверен, что и жена чувствует происшедшие изменения.

Приготовив подносы, Уоррен обнаружил, что его мысли снова перенеслись к Джемайне. Молодая и здоровая, она, несомненно, получит удовольствие от жизни в Париже. В первую поездку Уоррена в Париж Элис чувствовала себя еще достаточно хорошо и сопровождала его. Это были чудесные дни, которые запомнились навсегда.

Первые два дня в Париже Джемайна не испытывала никакого удовольствия. Путешествие через Атлантику прошло ужасно. Полпути стояла отвратительная погода, и Джемайна едва переносила качку. Ей было очень плохо, и она думала, что умирает. Ей хотелось даже приблизить час смерти, чтобы не испытывать этих мук. Джемайна чувствовала себя так же нехорошо, когда приехала в экипаже в Париж. Все, о чем она читала в книгах: собор Нотр-Дам, Сена, великолепные

бульвары и роскошные магазины, – осталось незамеченным.

Сара снабдила ее инструкциями и рекомендательным письмом для мадам Блан, которая держала небольшой пансион на Правом берегу, где Джемайну ждала комната.

– Там обычно останавливаются наши люди во время пребывания в Париже, – поясняла Сара, – и мадам прекрасно говорит по-английски. Я написала ей, и она тебя ждет.

Джемайна словно сквозь туман увидела мадам Блан, суетливую маленькую женщину с ясными глазами. Когда девушка объяснила, что все еще плохо чувствует себя после путешествия, та сразу захлопотала.

– Да, мадемуазель Бенедикт. Это морская болезнь, я знаю. Очень многие страдают во время путешествия по морю.

Мадам Блан поспешно проводила Джемайну наверх, в номер из двух комнат.

– Раздевайтесь и ложитесь в постель, – предложила она. – Я скоро вернусь.

Джемайна быстро сняла одежду и забралась в постель, даже не подумав умыться. Вскоре вновь появилась мадам Блан с миской дымящегося черепахового супа, чашкой горячего чая и тазиком для умывания. Почувствовав запах супа, Джемайна отвернулась, ее начало мутить.

– Пожалуйста, никакой еды! Прошу вас!

– Мой Бог, но вы должны поесть, дитя мое. Попробуйте сначала выпить немного чая.

Мадам Блан присела на кровать, слегка приподняла голо-

ву Джемайны и поднесла чашку к ее губам. Джемайна сделала глоток и чуть не задохнулась.

– Что вы положили туда? Такой ужасный вкус!

– Естественно, детка, – лукаво улыбнулась мадам Блан. – Это мое собственное средство. Все хорошие лекарства горьки на вкус. Однако выпейте его, – настаивала она.

Джемайна с трудом выпила больше половины чашки горького чая, и мадам Блан опустила ее голову на подушку. В этот момент Джемайна почувствовала в постели какое-то движение и, широко открыв глаза, увидела огромного серого в полоску кота, пристально глядящего на нее своими выразительными серыми глазами. Это был самый большой кот, какого Джемайна когда-либо видела. Несмотря на его громадные размеры, мягкий белый подбородок и длинные усы придавали кошачьей физиономии добродушное и любопытное выражение.

Мадам Блан цыкнула на животное:

– Нельзя, месье Эвид, ты не должен беспокоить нашу гостью!

Кот позволил, чтобы его опустили на пол, и мадам Блан расправила простыни.

– У меня несколько котов. Надеюсь, вы любите животных. Я постараюсь держать их в своей комнате, но коты такие... – Она выразительно пожала плечами. – Впрочем, вы, должно быть, знаете, какие они!

Джемайна слабо улыбнулась:

– Месье Эвид? Что означает это имя?

Мадам Блан рассмеялась:

– Это значит мистер Алчность! Он непрерывно ест и ест.

Джемайна с облегчением почувствовала, что чай успокоил ее желудок.

– Теперь надо съесть немного супа, – скомандовала мадам Блан.

Джемайна с трудом одолела половину небольшой миски супа. Удовлетворенно кивнув, хозяйка помогла ей умыться, затем поправила постель. Джемайна впервые за много дней уснула нормальным сном.

Она проспала до полудня, затем мадам Блан снова дала ей немного горького чая и супа, после чего Джемайна опять уснула и проснулась с пением петуха утром следующего дня. Джемайна чувствовала себя намного лучше, но все еще была слабой. Затем она вспомнила, что находится в Париже, но в памяти не осталось почти ничего из того, что она видела.

Джемайна встала с постели и с трудом добралась до окна. Гладкий деревянный пол охлаждал голые ступни. Она откинула занавески и выглянула наружу. На улице внизу только начиналось движение. Девушка посмотрела вдаль и увидела широкие воды легендарной Сены.

Над рекой стелился туман, который постепенно, по мере того как над верхушками шпилей и башен в восточной части города поднималось солнце, становился похожим на розовый жемчуг.

Прелестный вид! Джемайна затаила дыхание, почувствовав волнение. Она была в Париже, вид которого из окна будоражил душу. Девушка едва могла дождаться, когда же можно будет побродить по городу и познакомиться с его достопримечательностями.

Джемайна обернулась, услышав легкий стук в дверь:

– Войдите!

Дверь открылась, и на пороге появилась мадам Блан. Она устремила взгляд на постель, и глаза ее расширились, когда она обнаружила, что постель пуста.

– Я здесь, мадам Блан. У окна.

Женщина вошла в комнату и начала взволнованно причитывать, перейдя на ты:

– О Боже, детка, ты почти голая, а в комнате холодно. – Она всплеснула руками. – Возвращайся скорее в постель!

Джемайна послушалась ее и укрылась покрывалом до подбородка. Она чувствовала, что ее ноги холодны как лед, и изо всех сил старалась не стучать зубами.

– Как ты, Джемайна?

– Кажется, намного лучше, но все еще испытываю слабость.

– Естественно, ты совсем не ела твердой пищи. Как аппетит? Ты проголодалась?

Джемайна быстро кивнула.

Мадам Блан просияла:

– Это хорошо! Завтрак уже готовится.

– Может быть, я спущусь вниз... – неуверенно проговорила Джемайна.

– Нет-нет! Ты останешься в постели, детка, – решительно заявила женщина.

– Но я приехала сюда работать, а не лежать в постели. Я потеряла уже целый день.

– Чтобы хорошо работать, ты должна набраться сил. – Мадам Блан погрозила ей пальчиком. – Вы, американцы, все время куда-то спешите. Сегодня ты должна еще полежать, а завтра посмотрим.

Джемайна улыбнулась, когда маленькая женщина поспешно вышла из комнаты. Гораздо позже она узнала от Сары, что мадам Блан всегда беспокоится о своих подопечных, особенно о сотрудниках «Ледиз бук», раз в год приезжающих в Париж. Мадам Блан убеждена, что любая публикация в «Бук» в конечном счете благоприятна не только для Парижа, но и для всей Франции.

Вскоре в комнату вошла служанка с омлетом, хрустящей булочкой и кофе с молоком. Джемайна с аппетитом поела. Несмотря на свою решимость встать с постели, она почувствовала, что снова погружается в сон. Через некоторое время Джемайна проснулась и обнаружила рядом с собой свернувшегося месье Эвида. Она осторожно погладила кота и была вознаграждена удовлетворенным мурлыканьем.

Джемайна дремала весь день, а когда проснулась, начала распаковывать свои вещи. Она нашла немного времени, что-

бы кратко записать первые впечатления о Париже. Впечатлений пока было очень мало. Джемайна сомневалась, что читателям будет интересно знать о том, что мадам Блан называла морской болезнью.

На следующее утро она ощутила прилив энергии и желание побродить по улицам Парижа. Узнав о ее планах, мадам Блан сказала: – В таком случае ты должна хорошенько одеться, детка. – Она широко улыбнулась. – У нас в Париже говорят: «Когда приходит весна, одевайся, как луковица». Если днем станет тепло, ты можешь снять часть одежды, а если снова похолодает, можно опять одеться потеплее.

Вскоре Джемайна отважилась выйти на улицу с французским разговорником в руке. Во время своего морского путешествия во Францию она использовала каждую минуту приличного самочувствия для изучения французского языка и теперь могла беседовать на простейшие темы, но, к счастью, вскоре обнаружила, что большинство владельцев магазинов и продавцов может объясняться по-английски.

Большую часть недели Джемайна бродила по Парижу, по его шумным, нарядным улицам, по магазинам и музеям, особенно по музеям изобразительных искусств, включая Лувр, а также по многочисленным соборам. Она даже не думала о статьях, полагая, что сначала надо впитать в себя дух Парижа.

Повсюду можно было увидеть художников за работой, и не только на легендарном Левом берегу, но и в остальных ча-

стях города. Джемайна вскоре узнала, что художникам нравится работать на улицах и рисовать парижан за их повседневными заботами. Казалось, они проявляли жадный интерес к людям и городу, так же как и она.

К Джемайне тепло и дружелюбно отнеслись владельцы магазинов, небольших кафе и других заведений, расположенных на улице, где она остановилась. Мадам Блан представила девушку как журналистку, приехавшую по заданию редакции из Америки, а не просто как туристку. Владельцы магазинов приветствовали ее почтительно, проявляя уважение даже несколько большее, чем по отношению к знакомым покупателям.

Джемайну поражало, насколько серьезно лавочники относились к своей работе и к труду других людей. Из книг у девушки сложилось впечатление о Париже как о городе с довольно фривольными нравами, городе, где прежде всего ценят удовольствия. Вскоре она поняла, что это ошибочное представление. По крайней мере те парижане, с которыми ей приходилось встречаться, относились к своей работе очень ответственно, порой, как ей показалось, гораздо ответственнее, чем ее соотечественники.

Джемайна сделала множество записей о том, что ей довелось увидеть, о людях, с которыми она встречалась, не зная пока, пригодится ли ей этот материал.

В конце первой недели пребывания в Париже Джемайна решила, что пора наконец приступить к работе. Детально

рассматривая проект, Сара не высказывала ничего определенного по поводу темы ее будущих статей, оставив это на усмотрение Джемайны. Поэтому девушка решила посоветоваться с мадам Блан.

Мадам Блан редко отваживалась покидать улицу, на которой был расположен ее пансион. Она родилась и выросла на этой улице, и Джемайна очень удивилась, узнав, что женщина с девической поры не пересекала Сену.

– Зачем мне ходить куда-то? – говорила мадам Блан. – Здесь есть все, что мне нужно: мои коты, мои любимые постояльцы и мои книги. Если что-то понадобится мне, я могу купить это в магазинах на моей улице. Я полностью удовлетворена, детка.

У нее действительно было много книг. Одна из комнат в ее апартаментах была превращена в библиотеку с таким количеством томов, что там едва умещались кресло и маленький столик для чтения.

– Я здесь для того, чтобы работать, – поясняла Джемайна своей хозяйке. – Прошла уже целая неделя, а я не сделала ничего существенного и даже не решила, каково будет содержание моих статей.

Мадам Блан кивнула:

– Да, наверное, пора приниматься за дело. На какую тему ты предполагаешь писать?

– Миссис Хейл хотела, чтобы я написала серию статей о женщинах, оставивших свой след в истории Франции или

Парижа. А также о наиболее выдающихся современницах.

– Современницах? О Боже, детка! По-моему, в настоящее время во Франции нет выдающихся женщин. Однако... – Глаза ее загорелись, и она подняла указательный палец. – В истории Франции есть несколько знаменитых имен. Прежде всего Жанна д'Арк. – Голос мадам Блан сделался благоговейным. – Орлеанская дева. Она святая, детка, поистине святая!

– Но о ней уже очень много написано. Мне кажется, нужно обратиться к менее известной личности. По крайней мере в нашей стране.

– А-а-а! Мадам Роланд! – В глазах мадам Блан появился фанатичный блеск. – И Мария Антуанетта!

– Мадам Роланд? – Джемайна была озадачена. – Мария Антуанетта известна мне, но, боюсь, я никогда не слышала о мадам Роланд.

– О! Это светоч революции! Жанна Роланд! Люди сплывались вокруг мадам Роланд и ее мужа Жана Мари. Они вместе изучали и воплощали в жизнь идеалы и философию великого Руссо! Мадам Роланд проявляла большой интерес к твоим соотечественникам, детка, так как у вас тоже была своя революция, сбросившая ярмо тирании. Мадам Роланд отдала свою жизнь за Францию, как это сделала Жанна д'Арк. По пути на гильотину она воскликнула: «О, Свобода, сколько преступлений совершено во имя тебя!» Джемайна кивнула:

– Помню, где-то читала об этом. Однако кое-что озада-

чивает меня, мадам Блан... Писать статьи сразу об обеих этих женщинах кажется мне немного странным... Если я правильно поняла, они находились по разные стороны баррикад. Мадам Роланд, как вы говорите, являлась революционеркой, в то время как Мария Антуанетта олицетворяла королевскую власть. Ей приписывают другую цитату: «Пусть они получают свое». Многие полагают, что эти слова явились основной причиной революции или по крайней мере вызвали необычайный гнев в стране.

Мадам Блан сидела задумавшись, приложив палец к углу рта и глядя в потолок.

Затем она взволнованно хлопнула в ладоши.

– Так это еще лучше, разве ты не понимаешь? Я не писательница, но очень люблю читать. Мне кажется, таким образом ты сможешь показать революцию одновременно с двух сторон. Причины и следствия! Если бы я прочитала только о мадам Роланд, мне неизвестна была бы другая сторона революции. Разве читатели не должны иметь полную картину происходивших событий?

Джемайна наклонилась вперед:

– Конечно, вы правы, мадам Блан! – Она неожиданно улыбнулась. – Возможно, вы могли бы стать и писательницей. Контраст между двумя женщинами будет очевиднее, если я поведаю о каждой из них. Изумительное предложение!

– О детка, ты слишком высоко оцениваешь мои способности, – застенчиво молвила мадам Блан. – Но возможно, я

чем-то и помогу тебе, так как много читала об обеих женщинах. У меня много книг о них, которые я предоставляю в твое пользование. Могу также посоветовать сходить в Лувр. Там есть иллюстрации, изображающие мадам Роланд в юности. Много материалов о ней ты найдешь в нашей Национальной библиотеке. Я могла бы проводить тебя в местечко, где отец мадам Роланд, золотых дел мастер, занимался своим ремеслом. Там ты увидишь дом, где она родилась, церковь, которую посещала, тюрьму, в которой провела последние дни перед тем, как ее отправили на гильотину. И конечно, ты должна съездить в Ле-Клос.

– Ле-Клос? Что это такое?

– Ле-Клос – загородное поместье семьи Роландов. Оно принадлежало им сотню лет до революции. Поместье находится в тридцати милях севернее Лиона, вблизи деревушки под названием Тейзе. Мадам Роланд провела там четыре года, когда ее муж служил инспектором фабрик в Лионе. Оттуда ты сможешь увидеть великолепные Швейцарские Альпы, а в ясные дни на горизонте видна вершина Монблан.

– Монблан? Чем-то напоминает ваше имя! Мадам Блан запрокинула голову и довольно рассмеялась:

– Несмотря на это, я мало кому известна. Джемайна с энтузиазмом взялась за дело. Она была довольна тем, что мадам Блан с неменьшим энтузиазмом решила помогать ей. Хозяйка сопровождала девушку в Лувр, Национальную библиотеку и другие места, где можно было почерпнуть инфор-

мацию о мадам Роланд и Марии Антуанетте. Так как Джемайна не умела читать по-французски, мадам Блан служила ей переводчицей, что значительно упрощало дело.

Однажды вечером, когда они находились в квартире, где когда-то жила мадам Роланд, Джемайна забеспокоилась:

– Не могу выразить, как я благодарна вам за помощь. Без вас я не смогла бы сделать столько. Но мне кажется, я злоупотребляю вашей добротой. Когда я впервые появилась в вашем пансионе, вы сказали, что очень редко выходите куда-либо. Теперь же проводите вне дома почти каждый день!

– Думаю, это полезно для меня, детка. Я вела замкнутый, вялый образ жизни. Теперь же чувствую себя так, будто в душной комнате распахнули все окна. Я вдохнула свежий воздух и снова ожила!

Однако мадам Блан отказалась сопровождать Джемайну в Ле-Клос.

– Это слишком далеко, – сказала она, – а я должна следить за своими гостями. Мой Бог, если мои гости узнают, что я уезжаю на несколько дней, то разнесут весь пансион. Я тщательно выбираю постояльцев, но мне известно, что люди во многом похожи на кошек. Стоит оставить их одних без присмотра, и они тут же натворят всяких бед. Как я могу покинуть их? Нет, детка, в Ле-Клос ты должна ехать одна.

Путешествие в Ле-Клос было долгим и утомительным: сначала в почтовой карете до Лиона, затем в двуколке до поместья. Джемайна с большим интересом разглядывала

окрестности, когда двуколка двигалась вверх и вниз по холмам и через долины. Повсюду были разбросаны небольшие фермы, в основном с фруктовыми садами и виноградниками. Вдоль узкой дороги также росли прекрасные деревья. Весеннее цветение только началось. Все фермерские дома были построены из желтого камня, видно, очень распространенного здесь.

Деревушка Тейзе располагалась на возвышенности. Двуколка протиснулась между довольно высокими домами и остановилась в конце улочки перед большими воротами в желтой стене.

Кучер повернулся к Джемайне и проговорил на отвратительном английском языке:

– Это Ле-Клос, мадемуазель.

За воротами находился белый замок Ле-Клос, окруженный большим садом. Позади, на востоке, виднелась панорама, о которой упоминала мадам Блан, – захватывающий вид холмов, долин и виноградников. Вдалеке на фоне голубого неба возвышались Швейцарские Альпы.

Сторож пропустил Джемайну за ворота, сообщив, что нынешние владельцы в отъезде. Джемайна показала ему письмо, в котором мадам Блан объясняла, кто такая Джемайна, и просила разрешения показать ей замок. Сторож колебался, но в конце концов позволил девушке войти в помещение, после того как она обещала на ломаном французском, что ничего не повредит.

Джемайна вскоре поняла, что замок не сильно изменился со времен мадам Роланд. Она увидела большую темную кухню с каменным полом и огромной плитой. На высоких стенах висели блестящие медные кухонные принадлежности, которым, по словам сторожа, больше сотни лет.

В бильярдной стоял старинный стол, а пол был выложен из старого кирпича. На стенах висели ружья и униформа, соответствующие периодам военной службы каждого последующего поколения Роландов. Некоторые из предметов относились к эпохе, намного предшествующей Французской революции.

Единственной светлой комнатой в замке была гостиная, обитая желтым плюшем. На стенах висели портреты членов семьи Роландов. Здесь также находились пианино и множество книг.

Джемайна вспомнила о том, что ей необходимо найти в деревне комнату, где можно было бы ненадолго остановиться. Однако сторож, водивший ее из комнаты в комнату, проникся доверием к девушке и разрешил провести время в замке, предоставив комнату – такую пустую и холодную, что напоминала келью монахини, но тем не менее подобное жилье вполне удовлетворило Джемайну.

Она провела в замке три дня. Здесь было много книг, в том числе и полное собрание сочинений Вольтера. Так как все книги оказались на французском, девушка мало что почерпнула из них, однако, к своему великому восторгу, нашла

записки и письма, написанные мадам Роланд и спрятанные между страниц различных книг. Джемайна скопировала их, рассчитывая, что по возвращении в Париж мадам Блан сделает перевод.

Остальное время Джемайна посвятила беседам с обитателями деревни и близлежащих ферм. К своему удивлению, она узнала, что здешние жители не были ревностными приверженцами революции. «Марсельезу», гимн революции, в Тейзе никогда не пели, а Четырнадцатое июля, сравнимое с Четвертым июля в Америке, никогда не праздновалось в этих местах.

Джемайна также узнала, что мадам Роланд в течение нескольких лет, проведенных в Ле-Клосе, вела самый обычный образ жизни. Она хлопотала по хозяйству, помогала больным, старалась решать проблемы крестьян, заботилась о своей семье. Джемайна не могла найти доказательств, что мадам Роланд пыталась навязать кому-то свои революционные идеи.

Девушку поразил тот факт, что мадам Роланд сама находилась в дальнем родстве с королевской семьей, хотя и не имела титула.

Вернувшись в Париж, Джемайна обнаружила, что в город пришла настоящая весна. На деревьях почти полностью распустились листья, повсюду цвели цветы. Воздух был теплым и душистым, люди радовались, что зима позади.

Сидя за столиком уличного кафе недалеко от пансиона,

Джемайна достала лист бумаги и карандаш. Она позавтракала хлебом с джемом и шоколадом. И теперь, с чашкой горячего шоколада в руке, сосредоточила внимание на чистом листе бумаги, лежавшем перед ней. Она еще никак не могла упорядочить свои записи, однако решила зафиксировать некоторые мысли и впечатления, пока они не забылись.

Удовлетворенно напевая себе под нос, девушка написала:

Каждый из нас гораздо сложнее, чем может показаться на первый, взгляд, особенно женщины.

По мнению вашего корреспондента, дорогие читатели, мадам Жанна Роланд являлась более сложной натурой, чем кто-либо другой. Она занималась домашним хозяйством, и от нее требовалось умение управлять огромным поместьем. В то же самое время эта женщина была пламенной революционеркой, способной передать свою страсть другим.

Однако существует некий парадокс в той роли, какую сыграла мадам Роланд во Французской революции. Она жаждала свергнуть короля и королеву и уничтожить всю королевскую семью, хотела, чтобы Франция стала республикой, первой страной, где конституция была бы введена революционным путем. Ее обезглавили собственные же последователи, не желавшие свержения короля и королевы. Как только мадам Роланд и ее сторонники возвестили о наведении порядка в стране и ликвидации хаоса, вызванного революцией, ее отправили на гильотину...

На лист бумаги упала тень, и чей-то голос произнес:

– Мадам Блан сказала, что я могу найти тебя здесь.

Джемайна подняла голову и заморгала от яркого солнца, затем радостно воскликнула:

– Уоррен! Не ожидала увидеть тебя здесь! Уоррен неуверенно улыбнулся:

– Я хотел сделать сюрприз, Джемайна.

Глава 15

Путаница на приисках усугубляется необычными наименованиями мест, – писал Оуэн. – Существует четыре города с библейским названием Осрир. Четыре палаточных лагеря названы Отмель Бедности, еще четыре – Отмель Миссури и три – Длинная Отмель. Есть здесь Лагерь Ангела, Милашка Фостер, Прииски Койота, Старые Сухие Прииски, Отмель Пьяницы, Отмель Мертвеца, Выбитый Глаз, Ущелье Похлебки, Отмель Убийцы, Отмель Гремучей Змеи, Виски-таун.

Список подобных названий забавен и бесконечен и часто вводит людей в заблуждение. Например, местечко Янки Джим названо так по имени золотоискателя родом из Австралии. В Вулкане нет никаких вулканов, а в Сухой Отмели насчитывается около двадцати салунов...

Сидя за шатким столом с карандашом и бумагой, Оуэн услышал громкие сердитые голоса и поднял голову. Он расположился в одном из многочисленных палаточных салунов в Коломе, около его локтя стоял нетронутый стакан виски. Был теплый апрельский день, и стенки палатки колыхались от легкого ветерка. К сожалению, рядом находилась сточная канава с вонючими отбросами. Санитарные условия в лагерях золотоискателей оставляли желать лучшего, и, как следствие, здесь были распространены различные болезни.

Обстановка салуна представляла собой несколько наспех

сколоченных столов и стульев. Бар был не чем иным, как длинной доской, положенной на пустые пивные бочки. Подаваемое виски являлось гнусным пойлом, которое, по мнению Оуэна, самолично изготавливал толстый вспотевший бармен.

Было еще далеко до вечерней сутолоки, и в салуне находилось всего полдюжины человек в разной стадии опьянения. К сожалению, одним из пьяных был Джон Райли, и это его голос громко звучал в споре. Откровение Райли в день первой встречи молодых людей по поводу того, что он любит выпить, недостаточно точно отражало истинное положение вещей. Он напивался при каждом удобном случае, если только хватало денег, и при этом еще ввязывался в споры, ничуть не обращая внимания на габариты и силу оппонентов.

Однажды Оуэн заметил:

– Райли, стоит тебе немного выпить, и ты готов схватиться с гризли.

– И возможно, одолею его, – весело отозвался южанин.

Оуэн, вынужденный присматривать за ним, не раз с трудом спасал приятеля. Райли был талантливым художником и замечательным карикатуристом. За время своего четырехмесячного пребывания в Калифорнии Оуэн отправил три депеши в «Леджер» и включил в них несколько эскизов Райли. Так как почта шла дьявольски медленно, Оуэн еще не получил ответа от Каррузерса, однако был уверен, что редактор

наверняка воспользуется эскизами.

Тэзди надеялся, что скоро получит почту с востока. Его денежные средства катастрофически уменьшались, так как теперь ему приходилось тратиться не только на себя, но и на Райли. Он также рассчитывал получить письмо от Джемайны. Молодой человек дважды написал ей, не касаясь ничего личного, лишь поделился своими впечатлениями об увиденном и пережитом в Калифорнии.

Джон Райли отвернулся от спорящих и стукнул по стойке бара, требуя еще выпивки. Оуэн со вздохом облегчения снова сосредоточился на своих бумагах.

Золотоискатели, будьте осторожны! Здесь вас ждут не вино и розы, – хотя вина вполне достаточно, если есть средства, – но очень тяжелая работа. Вопреки всевозможным рассказам золото здесь не валяется на земле, за крайне редким исключением. На одного удачливого золотоискателя приходится двадцать неудачников. В большинстве случаев вас ожидает тяжелая, изнурительная работа без гарантий на успех.

Цены на то, что необходимо, ужасающие. Мул может стоить свыше двухсот долларов. Яйца продаются по шесть долларов за дюжину. Такие, предметы, как подтяжки или зубные щетки, продаются по цене, в десять раз превышающей их истинную стоимость. Один предприимчивый молодой человек, с которым знаком ваш корреспондент, торговал вразнос своими товарами, переезжая с прииска на при-

иск. Несмотря на высокие цены, запасы его товаров скоро истощились, за исключением 248 маленьких упаковок зубочисток, которые используются в ресторанах высокого класса и которые он захватил в основном для личного пользования. Каждая упаковка содержала две дюжины зубочисток. Он ухитрился продать их по два доллара за упаковку, получив чистую прибыль, так как ничего не платил за них!

В сущности, это означает: те, кому посчастливилось найти золото, готовы потратить его на все, что продается. Если, конечно, у них остается что-то после салунов, карточных игр и борделей...

При звуке громких голосов у бара Оуэн снова поднял голову. Опять скандалил Райли! На этот раз оппонентом художника был огромный мужчина, превышающий его в весе по крайней мере фунтов на пятьдесят. Они стояли вплотную друг к другу с покрасневшими, лицами.

Оуэн видел, как Райли качнулся и нанес удар наотмашь с правой руки, но здоровяк легко блокировал его, подставив плечо. Затем ударил сам. Удар кулака сбил Райли с ног, и тот проскользил по полу до середины салуна. Соперник бросился за ним.

Оуэн уже вскочил на ноги и с тростью в руке широким шагом пересек салун. Он подошел к незнакомцу как раз в тот момент, когда тот занес ногу, чтобы ударить сапогом упавшего Райли. Подобное часто приходилось наблюдать во время драк в салунах.

Оуэн ткнул мужчину в спину концом своей трости. Тот повернулся с пьяным мычанием.

– Советую опустить ногу на землю, приятель, – тихо проговорил Оуэн.

– Что ты лезешь не в свое дело?

– Это касается меня. Понимаешь, человек, лежащий на земле, – мой друг.

– Следует быть осторожней при выборе друзей. – Здоровяк дико ухмыльнулся. – Сейчас я врежу и тебе, а потом потопчу вас обоих. – Он сделал шаг вперед, поднимая кулак.

– Я так не думаю, – спокойно ответил Тэзди. Он нажал кнопку на ручке трости, и на конце с легким шумом появилось лезвие. – Еще шаг, и я выпотрошу тебя, как рыбу, готовую к жаренью на сковородке.

Незнакомец замер, не отводя взгляда от сверкающего лезвия.

– Это нечестно.

– Нечестно? – произнес Оуэн, растягивая слова. – Ты вешишь почти столько же, сколько Райли и я, вместе взятые. Полагаю, я имею право уравнивать шансы. – Он взмахнул тростью. – А теперь почему бы тебе не убраться отсюда и не поискать другое место?

Здесь богатый выбор салунов. И мы забудем все, что произошло.

Здоровяк сердито посмотрел в лицо Оуэну, затем развернулся и вышел. Спрятав лезвие, Оуэн оглядел салун. Осталь-

ные посетители сидели, уткнувшись в свою выпивку, не считая происшедшее чем-то из ряда вон выходящим. Подобные сцены происходили почти каждый день, и в них не было ничего нового.

Оуэн повернулся к Джону Райли. Южанин приподнялся на одном локте, полубессознательно оглядываясь вокруг.

Оуэн склонился над ним.

– Пошли, чемпион, ты снова победил, – сухо сказал он. – Думаю, тебе пора прилечь.

Он протянул Райли руку и, поддерживая его, повел к выходу из салуна.

Художник попытался вернуться назад.

– Мне надо еще выпить, – пробормотал он.

– Сейчас тебе требуется совсем другое. Кроме того, у меня остались деньги только на еду в течение недели или около того. Если газета не пришлет мне денег в ближайшее время, мы вынуждены будем сами искать золото или умрем от голода.

Снаружи уже царствовала весна. Деревья стояли в зеленом убранстве, на склонах холмов появились первые цветы. Снежные шапки на вершинах отдаленных гор сжались.

Казалось, свежий воздух немного отрезвил Райли. Через минуту он освободился от поддерживающей руки Оуэна и без труда зашагал сам.

– Не понимаю, почему ты возишься со мной, Оуэн, – проговорил он.

– Порой сам удивляюсь, – с улыбкой сказал Оуэн. – Думаю, я не стал бы делать этого, если бы ты не был таким талантливым ублюдком.

– Я же говорил, что немного выпиваю.

– Немного! – Оуэн разразился смехом. – Это все равно что сказать: в реке Сакраменто немного воды!

– В любом случае, Оуэн, прошу прощения за причиненное тебе беспокойство.

Тэзди уже потерял счет подобным извинениям, зная, что постоянно кающийся Райли снова примется за свое еще до окончания недели.

– Ты часто участвовал в ссорах, живя на востоке? – спросил Оуэн.

– Боюсь, что частенько, – застенчиво ответил Райли.

– Тогда неясно, как ты до сих пор не попал в тюрьму! Здесь, конечно, мало порядка, и ты можешь позволять себе подобные выходки.

– Это одна из причин, почему я приехал сюда. Мне не очень хочется возвращаться на восток.

Они пришли к своей хижине, которую нашли по прибытии в Колому. Хижина никем не была занята, и друзья поселились в ней. Оуэн вошел внутрь вместе с Райли, проследил, чтобы тот лег, укрывшись одеялами, затем оставил его одного.

Когда Оуэн вышел наружу, уже начинало темнеть, и большинство золотоискателей прервали свою работу. Некоторые

купались в реке, другие толпой направились в город, готовые к ночным попойкам, но только те, кому посчастливилось сегодня найти золотой песок.

Вдоль улицы вытянулись разнообразные жилища, какие только можно вообразить: круглые и квадратные палатки, дощатые лачуги, бревенчатые хижины. Имелись даже постройки из сосновых веток, покрытые рваными ситцевыми юбками. Мужчины, толкаясь, брели по улице. Здесь можно было увидеть людей всех рас, самых различных национальностей: негров, испанцев, азиатов, немцев, французов и многих других.

Он остановился недалеко от мужчин, собравшихся вокруг стола прямо на улице. За столом стоял карточный дилер, зывая:

– Сыграем, джентльмены! Ставка – три унции! Мужчины выкладывали золотой песок.

Чуть поодаль, на ящике, другой человек держал пару сапог в руке.

– Джентльмены, продаю новые сапоги! Из воловьей кожи, с двойной подметкой, водонепроницаемые! Годятся для любой дороги! Что я прошу за них? Всего четыре с половиной унции. Разве это цена? Подходите, подходите, всего четыре с половиной унции! Продаю! Доставайте ваш песок, сэр. Клянусь Богом, взвешиваю без обмана!

Оуэн прошел мимо, направляясь в конец улицы. Там находилась хижина, приткнувшаяся к склону холма. Передняя

стенка была из парусины с грубой дверью, висящей на кривой раме. Деревянная вывеска с выжженными буквами гласила: «Миранда Кент. Принадлежности для золотоискателей».

Внутри горела лампа, отбрасывая на стены желтый свет. Оуэн увидел на парусине мелькающие тени фигур, движущихся внутри. Он подождал немного, размышляя, не вернуться ли назад.

На золотых приисках было очень мало женщин – они составляли только пять процентов населения Калифорнии, а в лагерях золотоискателей их было еще меньше. Подавляющее большинство из них занималось сомнительными делами. Порядочные женщины пользовались здесь уважением, и к ним редко приставали охотники до женского пола. Миранда Кент, миловидная вдова, относилась именно к ним.

Тэзди улыбнулся, вспомнив ссору, от которой он спас Райли. Среди мужчин часто возникали пьяные потасовки. Он припомнил также рисунок Райли, запечатлевший одну из таких сцен. Двое мужчин сцепились друг с другом, в то время как старатели, собравшись вокруг, поддерживали их криками. Рубашка одного из драчунов была разорвана на спине, штаны порвались, открыв голый зад.

Джон Райли, особенно в пьяном виде, готов лечь с любой женщиной. Ему все равно, проститутка она или нет. Оуэн часто размышлял: где же чувствительная душа художника?

Несмотря на свои сексуальные потребности, Оуэн и здесь

не опускался ниже определенных стандартов. Он пообещал себе не общаться с женщинами во время своего пребывания в Калифорнии и выполнял обет, пока несколько недель назад не познакомился с Мирандой Кент.

Миранда и ее муж приехали на золотые прииски год назад, но не собирались искать призрачный желтый металл. Вместо этого они пригнали из Сан-Франциско фургон с принадлежностями для старателей, планируя открыть в Коломе магазин. В день прибытия у Джозефа Кента случился аппендицит, и через сутки он умер.

Оставшись одна после внезапной смерти мужа, Миранда тем не менее не отказалась от своих намерений и открыла магазин.

– Что же еще мне оставалось делать? – пожаловалась она однажды Оуэну, после того как они сблизились. – Джозеф был торговцем в Пенсильвании, а я помогала ему. Мы все продали и приехали сюда, закупив целый фургон товаров. Я не могла перепродать весь товар оптом и вернуться назад, где у меня никого нет: Кроме того, мне понравилось здесь, и я решила остаться.

Оуэн восхищался мужеством этой женщины, но сомневался в ее здравом уме. Однако вскоре понял, что Миранда оказалась права – она преуспевала в делах, устанавливая приемлемые цены. Большинство торговцев в лагерях старателей вдвое завышали цены по сравнению со стоимостью товаров, приобретаемых ими в Сан-Франциско. Магазин же

Миранды пользовался успехом.

Старатели относились к ней с уважением, и, хотя она являлась вдовой, ее никто никогда не обижал. Оуэн подозревал: если кто-нибудь посмел бы сделать это, обидчика тут же линчевали бы. Кроме того, под прилавком у нее лежал «кольт», и она не пренебрегала им. Миранда ни разу не стреляла из него в человека, но при необходимости могла, по ее словам, воспользоваться оружием.

Дверь открылась, и из магазина вышли двое мужчин. Оуэн подождал, когда они скроются из виду, и вошел.

Миранда была одна. Стоя спиной к двери, молодая женщина укладывала одежду для старателей на полки позади доски, служащей ей прилавком.

Она была высокая, стройная, гибкая. Ее каштановые волосы, собранные в пучок на затылке, ярко блестели. На ней было ситцевое платье, которое Миранда всегда носила, работая в магазине. Порой ей приходилось надевать мужские штаны, когда она разгружала фургон или передвигала товары. И хотя мужчины часто проявляли недовольство, видя женщин в мужской одежде, в отношении Миранды Оуэн ни разу не слышал ни единого слова критики.

Вдова выглядела весьма изящно, хотя Оуэну приходилось видеть ее таскающей пятидесятифунтовые мешки с мукой. Стараясь быть абсолютно независимой, Миранда отказалась нанимать помощника. Кроме того, будь то мужчина или мальчик, ей пришлось бы платить ему достаточно высо-

кую заработную плату, и она заявила, что сама справится со своими делами.

Тэзди вежливо кашлянул, и Миранда обернулась. Ее узкое нежное лицо просияло, когда она увидела, кто пришел.

– Оуэн! Я не ждала тебя так рано.

– Ты пригласила меня на ужин, помнишь?

– Конечно, помню. Суп на плите уже готов.

– Это все, что ты можешь предложить такому утонченному джентльмену, как я? – спросил он с игривой улыбкой.

– Будь доволен тем, что есть, мой милый друг. – Она провела рукой по лбу. – Я была слишком занята, чтобы приготовить нечто более изысканное.

– Я тоже был занят, нянчась с Джоном Райли. Он опять напился и начал хулиганить. Я проводил его до хижины и уложил спать.

– О, этот поросенок! – воскликнула Миранда. – Он не стоит твоих забот!

Молодой человек слегка улыбнулся. Миранда избегала многих дурных манер, распространенных в лагерях старателей, однако могла вернуть едкое словечко в момент раздражения. К тому же Райли вовсе не нравился ей. Однажды он изобразил Миранду в нелестной карикатуре, когда та работала в мужской одежде, и допустил ошибку, показав ей рисунок. Миранда не могла простить ему этого.

– Ты же знаешь, почему я вожусь с ним, – напомнил Оуэн. – У него талант, которым я пользуюсь. Во всяком слу-

чае, он ведет себя вполне прилично, если не пьян.

– Когда же он не бывает пьян? Однажды он попадет в беду, – мрачно заметила она, – и втянет тебя в неприятности.

– Я слежу за ним и сразу вмешиваюсь, как только он затевает ссору.

– Но он может нарваться на того, кто не отступит. Несмотря на то что Райли ведет себя прилично, будучи трезвым, мне кажется, он внутренне порочный человек, и это проявляется в пьяном виде. Убеждена: люди склонны обнажать свою истинную натуру в состоянии опьянения.

– Я не стал бы так говорить о Джоне Райли, дорогая. – Оуэн коснулся рукой ее подбородка и наклонился, чтобы поцеловать в губы. Миранда немного посопротивлялась, затем уступила.

Через минуту она высвободилась.

– Добродетель! – взволнованно прошептала она. – Что, если кто-нибудь войдет и застанет нас в таком виде? Через несколько часов весь лагерь будет знать об этом. Моя репутация погибнет.

– Тогда почему бы тебе не закрыть дверь, чтобы спасти свою репутацию? Ты ведь обычно держишь магазин открытым только в течение дня?

– Пока светит солнце, – подтвердила она с улыбкой. – Думаю, пора закрываться.

Миранда заперла дверь на засов, затем с помощью Оуэна начала натягивать веревки снизу и сверху вдоль парусино-

вых стен. К веревкам были привязаны колокольчики на расстоянии нескольких дюймов друг от друга. Воровство в лагере случалось не очень часто, однако существовала вероятность, что какой-нибудь пьяный старатель может разрезать парусину и ограбить магазин. Колокольчики должны предупредить Миранду, которая спала в задней части магазина, и тогда она воспользовалась бы своим «кольцом».

Когда веревки были натянуты, Миранда повела Оуэна за парусиновые занавески, отделяющие магазин от ее жилья. Жилое помещение вдавалось в склон холма, стены с трех сторон были выложены бревнами. Парусиновая перегородка делила комнату на две части. Одна служила гостиной и кухней, другая – спальней. Врытая в склон холма, комната дарил прохладу в летнюю жару и тепло – в зимние холода. В гостиной, обставленной весьма просто, имелись грубый стол, два стула, дровяная печка и диван. Первоначально пол был земляной, но затем Миранда сама настлала деревянные доски.

В комнате пахло едой, различными овощами и фруктами, которые Миранда хранила на полках в сравнительно прохладном месте.

– Оуэн, на столе в ведерке стоит охлажденное вино. Угощайся, пока я умоюсь и переоденусь.

Молодой человек кивнул. Она прошла за парусину в спальню, и по ее опущенным плечам можно было судить, как она устала, хотя держалась с соблазнительной грацией, зная,

что он наблюдает за ней.

Усмехнувшись, Тэзди подошел к столу, откупорил бутылку портвейна и налил себе стаканчик. Затем сел на диван, прислушиваясь к звукам плещущейся воды за занавеской, а потом к шуршанию одежды. Звуки весьма возбуждали, заставляя вспомнить те прекрасные вечера, которые они провели вдвоем с Мирандой.

На мгновение пришла мысль о Джемайне, но тут же улетучилась, как только Миранда откинула занавеску и вошла в гостиную. Она переоделась в другое ситцевое платье с яркими цветами и распустила свои длинные вьющиеся волосы. Лицо ее сияло, и улыбка показалась Оуэну свежей, как утренний цветок.

Он тотчас вскочил на ноги, налил еще один стакан вина и протянул ей. Она приподняла голову.

– Ну, выдержала ли я экзамен, сэр?

– Ты всегда выдерживаешь его, моя дорогая, – проговорил Оуэн с серьезным видом. Он поднял свой стакан. – За цветок Коломы!

Миранда не покраснела от его комплимента, он никогда не замечал, чтобы она краснела. Она снова приподняла голову и сказала немного грубоватым голосом:

– Ты ужасный льстец, Оуэн Тэзди, и мне нравится это. Можешь делать со мной все, что захочешь, в любое время.

Спустя два часа они лежали на большой кровати под балдахинном, отдыхая после бурных любовных ласк. Оуэн удо-

влетворенно расслабился, а Миранда дремала на его плече. Он улыбнулся, подумав о кровати. Это была не только самая удобная кровать из тех, на каких ему приходилось спать в лагерях старателей, но и лучшая на всей территории приисков. Миранда везла ее через всю страну, уверенная, что у нее будет по крайней мере одна стоящая вещь из бывшего дома в Пенсильвании.

Оуэн, конечно, не думал о женитьбе на Миранде. Она вполне ясно высказалась на эту тему с самого начала:

– Я любила Джозефа всем своим существом и сомневаюсь, что смогу так же полюбить другого мужчину. Если и выйду вторично замуж, то это будет состоятельный человек, с положением, способный обеспечить меня и детей, которых я ему рожу. Ты симпатичен мне, Оуэн, иначе я ни за что не стала бы спать с тобой, но я никогда не выйду замуж за тебя, так как ты привык жить свободно. Однако мне нравится то, что происходит между мужчиной и женщиной в постели, поэтому я и взяла тебя в любовники. Большого я от тебя не ожидаю. – Затем она усмехнулась: – Уверена, что ты рад слышать это.

Вспомнив об этом, Оуэн улыбнулся и посмотрел на спящую Миранду. Пора уходить. Они договорились, что он никогда не будет оставаться на ночь. Утром его легко могли заметить, и тогда ее репутация будет серьезно подпорчена.

Он высвободил свое плечо из-под ее головы. Миранда забормотала что-то, протестуя, но не проснулась. Оуэн поце-

ловал ее в лоб и выскользнул из постели. Затем быстро оделся, подошел к двери и осторожно выглянул наружу, чтобы проверить, пуста ли улица. Убедившись, что никого нет, он вышел и направился к хижине в свою собственную постель.

На следующее утро Оуэн проснулся с восходом солнца и обнаружил, что Райли по-прежнему храпит на своих одеялах. Оуэн оделся и вышел наружу.

Стояло чудесное апрельское утро. Пели птицы, и трава колыхалась под свежим ветерком. Мужчины уже занимались своим делом. Хотя этот участок реки был основательно прочесан в поисках золота, некоторые все еще надеялись найти его здесь и упорно работали, пользуясь кастрюлями, кайлами и лопатами. Оуэн знал: большинство находилось в Коломе, чтобы передохнуть, восстановить силы или провести ночь по пути на другие прииски.

Основные поиски золота теперь велись ниже по реке или выше, за Сакраменто, а Саттерс-Милл, теперь Колома, откуда все начинали, стала главным перевалочным пунктом, где можно пополнить запасы, а затем отправиться вниз по реке Америкэн, притоку Сакраменто, или вверх по реке Фезер в поисках новых месторождений.

У Оуэна в тени хижины стоял стол, который он использовал для работы. Он достал бумагу, перо и чернила и сел за стол. Вскоре ему или Райли придется готовить завтрак, так как еда в ресторане обходилась слишком дорого, особенно сейчас, когда денег осталось очень мало. Они готовили по

очереди, но Оуэн подозревал, что Райли, протрезвевший и кающийся после вчерашней потасовки, сегодня добровольно возьмет на себя домашние хлопоты, хотя была очередь Оуэна.

Вместо того чтобы писать, он просто сидел, бессмысленно глядя на реку. В это утро он почему-то проснулся с мыслью о Джемайне и был озадачен. Разумеется, он не чувствовал перед ней никакой вины – прошлая ночь не первая, которую он провел с Мирандой, – и молодой человек не испытывал никаких угрызений совести. Однако сейчас мысли о Джемайне полностью захватили его. Он вспомнил, как она привлекательна, представил матовую белизну ее кожи, озорные искорки в темно-синих глазах, когда она испытывала восторг, серьезное выражение лица, когда она занималась любовью, то, как она напевает себе под нос, поглощенная работой...

Его грезы нарушил стук лошадиных копыт. Оуэн поднял голову и увидел, что к их лачуге приближается лошадь. Всадник был одет в армейскую униформу.

– А-а-а, мистер Тэзди! Мне сообщили, что я могу найти вас здесь.

Оуэн встал.

– Генерал Смит! Рад вас видеть, сэр.

– Меня направили в инспекционную поездку по лагерям старателей, и я надеялся, что найду вас в Коломе. Я взял на почте посылку для вас и решил доставить ее лично.

Генерал Смит достал кожаный мешок из седельной сумки

и протянул его Оуэну.

– Благодарю вас, сэр. Я уже несколько месяцев жду почту из Филадельфии.

Генерал кивнул:

– Почта скапливается в Сан-Франциско в течение некоторого времени, а потом рассылается по другим местам.

– Если для вас не будет обременительно, генерал, я хотел бы отправить с вами несколько депеш.

– Мне приятно оказать вам услугу, мистер Тэзди. Оуэн быстро выложил содержимое мешка на стол: несколько газет и большой конверт с сургучной печатью.

– Прошу извинить, генерал, за то, что не предлагаю вам освежающих напитков. Я только что встал. Могу приготовить чай, если вы не торопитесь.

– В этом нет необходимости, сэр, однако благодарю за предложение. Я отправился в путь сразу после завтрака, и мне еще предстоит тяжелый день. Я должен ехать.

– Подождите минутку.

Оуэн захватил кожаный мешок в лачугу. Заполнив, его последними очерками, он задумался: по какой причине генерал хочет лично отправить его? Выйдя из хижины и увидев генерала, мечтательно смотрящего на пачку газет, он понял.

– Сэр, подождите еще минуту, уверен, что найду номер со статьей о прибытии «Калифорнии» в Панаму и о вашем участии в организации отъезда на золотые прииски.

– Если не трудно, мистер Тэзди, – обрадовался генерал.

– Ничуть. – Оуэн уже перебирал газеты. Через минуту он нашел то, что искал. – Вот, сэр. Примите с моими поздравлениями.

Генерал Смит чопорно кивнул:

– Благодарю вас, сэр.

– Генерал, еще одна небольшая услуга, если позволите. Вероятно, я должен ответить на присланную почту и хотел бы послать ответ с вами в Сан-Франциско, чтобы дальше он пошел обычным путем. Как долго вы пробудете в Коломе?

– Рано утром я отправляюсь в Сакраменто. Если к вечеру ваша почта будет готова, вы можете занести ее в мою палатку. Я расположился около форта. Если меня не будет на месте, вы можете оставить все моему помощнику. Буду рад оказать вам услугу.

– Благодарю, генерал. Вы очень любезны.

– Доброго вам дня, мистер Тэзди. – Генерал слегка поклонился, затем вскочил на лошадь и ускакал.

Оуэн сел за стол и начал разбирать почту. Его не интересовали собственные статьи в газетах, он никогда не любил читать их, после того как они были напечатаны. В конверте находилось письмо от Томаса Каррузера с двумя банковскими чеками: один на имя Оуэна, другой – на имя Джона Райли. Среди почты также оказался запечатанный конверт размером поменьше с его именем, написанным аккуратным мелким почерком.

Оуэн сначала прочитал письмо Каррузера, посмеиваясь в

отдельных местах над его содержанием. Это было небольшое послание – Томас Каррузерс всегда был скуп на слова.

Тэзди, очерки вполне пригодны. Должен признаться, что получил много положительных отзывов от читателей, однако думаю, что это благодаря интересу к самой теме, а не достоинствам текста. «Золотая лихорадка» достигла и наших мест.

Хочу поблагодарить тебя за твою проницательность в использовании Джона Райли. Превосходный мастер! Его рисунки заслуживают всяческой похвалы. Порой, Тэзди, ты удивляешь меня.

Я вложил в конверт два банковских чека. Думаю, ты оказался слишком щедр в обещаниях оплатить мистеру Райли его труды, однако, учитывая качество его замечательных рисунков, я неохотно, но высылаю ему чек на ту сумму, которую ты обещал. Другой чек – твое жалованье и компенсация дорожных издержек. Постарайся педантично учитывать все расходы, Тэзди. У тебя есть нехорошая склонность к беспорядочному расходованию средств.

Посылаю тебе также письмо от одной из твоих юных дам по имени Джемайна Бенедикт. Обычно я против включения в деловую почту личной корреспонденции, но она сказала, что это крайне необходимо. Постарайся сделать так, чтобы в будущем это не повторялось.

Твой Томас Каррузерс.

Оуэн взял письмо Джемайны, одновременно и желая, и

боясь вскрыть его. Он посмотрел на банковский чек, предназначенный Райли. Если отдать его художнику, тот немедленно все пропьет в салунах, однако Оуэн не мог поступить по-другому – Райли заработал эти деньги.

– Хватит медлить, – поторопил он сам себя и надорвал конверт Джемайны слегка дрожащими пальцами.

Первым его чувством было разочарование – внутри он нашел только вырезку из «Леджер». Неужели Джемайна забыла вложить письмо?

Он прочитал сообщение:

Этта Логан, пятидесяти двух лет, признанная виновной в убийстве Хомера Мэрдока, уважаемого в Филадельфии торговца, сегодня повесилась в своей камере, где ожидала приговора за совершенное преступление. Родственники неизвестны.

Оуэн долго сидел, ни о чем не думая и глядя вдаль. Наконец он тяжело вздохнул и приготовил перо.

Моя дорогая Джемайна. Сегодня я получил задержавшуюся почту с вырезкой из газеты о смерти Этты Логан. Естественно, я опечален случившимся. Но если ты намеревалась вызвать во мне чувство вины, то напрасно. Я не чувствую ответственности за ее гибель. Эта женщина – убийца, Джемайна, и должна была понести наказание за свое преступление. Если бы на месте Этты оказался мужчина, его также признали бы виновным.

С тех пор как мы расстались, я много думал о нас. Знаю,

ты решила, будто бы я использовал командировку в Калифорнию в качестве предлога, чтобы избежать предложения о браке. Ты права только отчасти. Должен признаться, брак вызывает во мне смятение.

В минуту слабости я рассказал тебе о своем детстве, о своей матери и отце. Однако я сообщил тебе не все, дорогая. Грубо говоря, я – ублюдок и лгал, что помню отца и его татуировку. Он провел с моей матерью всего неделю. После этого она больше никогда не слышала о нем. Я родился вне брака, и это мать рассказала мне про татуировку. Она даже не знала настоящего имени моего отца. А девичья фамилия матери была не Тэзди. Я взял эту фамилию после ее смерти, уехав из родных мест. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь знал, что я незаконнорожденный.

По этой причине я решил никогда не жениться. Что, если я унаследовал подлый характер неизвестного отца? Что, если я однажды брошу тебя, как это сделал он с моей матерью? Еще хуже, если бы у нас появился сын, который однажды узнал бы, что его отец – ублюдок. Что он стал бы делать?

Возможно, все это покажется тебе несущественным, но для меня эти обстоятельства очень важны. Наверное, со временем я преодолею страх, но сейчас ничего не могу обещать.

Я глубоко люблю тебя, дорогая Джемайна, и ужасно скучаю по тебе. Очень сожалею, что мы так плохо расстались, и поскольку я не имел права просить тебя ждать меня, то по крайней мере прошу не забывать. Не забывай то время, ко-

гда мы были вместе. Я лично всегда буду помнить об этом. Я пытался избавиться от мыслей о тебе, и если днем иногда мне это удается, то по ночам часто вижу тебя в печальных, но сладких снах. Проснувшись, я протягиваю руки, но тебя нет.

Надеюсь летом вернуться в Филадельфию.

С любовью, твой Оуэн.

Глава 16

Джемайна обнаружила, что Уоррен Баррикон в Париже выглядит совсем другим человеком. В Филадельфии он был мягким и дружелюбным, но скрытным и грустным. В Париже печаль исчезла, и казалось, он помолодел и избавился от всех забот.

В то утро, обменявшись приветствиями, он начал расспрашивать Джемайну:

– Тебе нравится Париж? Она улыбнулась:

– Да, очень. Однако должна признаться, что еще недостаточно повидала город, как хотелось бы. Посетила несколько музеев и соборов. Мадам Блан показала мне окрестные достопримечательности и познакомила с людьми своего квартала.

– И это все? В твоём-то возрасте и в первое посещение Парижа! Дорогая, ты уже находишься здесь... сколько, шесть недель?

– Да, но я была занята. Я приехала сюда прежде всего работать, – оправдывалась Джемайна. Она поведала Уоррену о своем замысле создать материалы о мадам Роланд и Марии Антуанетте, о путешествии в Ле-Клос. – Фактически я уже начала первую статью, когда ты появился, – закончила Джемайна. Уоррен покачал головой:

– Ты удивляешь меня, Джемайна. Побывать в молодости

в Париже – великое счастье, и ты должна хорошо узнать город. Мы исправим положение. Очень удачно, что я оказался здесь. Я прекрасно знаю Париж и его окрестности и готов быть твоим гидом!

– Но когда? – спросила она с сомнением. – Ты ведь приехал сюда на демонстрацию мод.

– У нас есть немного времени. Я прибыл на неделю раньше. Зная твою склонность к работе, я подумал, что ты одна так и не сумеешь насладиться Парижем в полной мере. И не надо больше спорить. – Он с улыбкой поднял руку. – Здесь я твой начальник, и ты должна слушаться меня!

Джемайну подхватил головокружительный вихрь, от которого перехватило дыхание. Уоррен действительно хорошо знал Париж. Он свободно говорил по-французски, ему были известны почти все рестораны, музеи и театры. Неожиданно он оказался веселым и энергичным. Его настроение передалось девушке.

Оказывается, Уоррен удивительно общителен и остроумен. Джемайна взглянула на Париж его глазами и поняла, что без него она никогда бы не узнала ничего подобного.

Джемайна всегда считала Уоррена очень серьезным человеком, возможно, даже слишком, но сейчас она засомневалась в этом. Ей даже показалось, что в молодости он был разбитным парнем. Вероятно, болезнь жены превратила его жизнь в серую и скучную.

Девушка невольно сравнивала Уоррена с Оуэном. Уоррен

не обладал такой привлекательностью, как Оуэн. Когда он нечаянно касался ее, Джемайна не испытывала слабости в коленях, как это бывало с Оуэном. С другой стороны, Уоррен более чуток и не проявляет мужского высокомерия. Когда они говорили о работе, он слушал ее с уважением, а не с плохо скрываемой насмешкой. Казалось, он воспринимает ее как хорошую журналистку, прекрасного автора статей, несмотря на то что она – женщина. Уоррен не обладал энергией и талантом Оуэна, и Джемайна не испытывала страха перед ним и чувствовала, что он – твердый и надежный товарищ, не способный по неизвестной прихоти неожиданно удрать в другую часть континента. И главное – Уоррен мягок и заботлив.

Они не только вместе исследовали Париж, но, наняв экипаж, посетили Фонтенбло, еще несколько пригородов со знаменитыми соборами и замками. Джемайна вспоминала потом эту яркую, беззаботную неделю как самое волнующее время в своей жизни.

К концу недели ей неожиданно стало ясно, что Уоррен ухаживает за ней! Впервые Джемайна была шокирована и разгневана: ведь он женат! Однако эта догадка польстила ей. Они находились в Париже, городе влюбленных, где нет ничего необычного в том, что муж имеет любовницу, а жена – любовника. Здесь это не казалось безнравственным. Конечно, в Америке такое поведение Уоррена считалось бы достойным порицания. Джемайна размышляла, пришло это ему в голо-

ву еще дома, в Филадельфии, или все произошло под влиянием Парижа?

Не то чтобы он вел себя нагло и оскорбительно, но его чувства явно проявлялись в том, как он касался ее, как помогал сесть и выйти из кареты, как выполнял все ее желания. Джемайна не раз ловила на себе его взгляды, и эти взгляды были очень красноречивыми.

Она приписала это все-таки влиянию Парижа! Однако ей было приятно такое внимание со стороны мужчины после жестокого поступка Оуэна. Что ж, она предупреждала Тэзди, что не намерена чахнуть и томиться в его отсутствие.

Однажды или дважды она испытала беспокойство от мысли: не потребует ли Уоррен от нее сдать его очевидному желанию? И каждый раз она гнала эти мысли, рассчитывая, что примет решение, когда придет время. Девушка не была влюблена в него и не хотела вступать с ним в близкие отношения, как с Оуэном, но Уоррен нравился ей.

Действительно ли любовь к Оуэну ушла в прошлое? Джемайна все еще злилась на него, в этом не было сомнения. Но перестала ли любить его? Она даже не могла представить себе, что будет, если они снова встретятся лицом к лицу. Однако, каковы бы ни были ее чувства к Оуэну Тэзди, она не видела будущего в отношениях с ним. Он никогда не изменится, и все будет по-прежнему. Он слишком доволен своей жизнью, а ей придется снова и снова страдать.

Ее чувства к Уоррену так же трудно определить. Он очень

направился ей, и ее сильно тянуло к нему. Однако он женат.

Уоррен сам заговорил об этом вечером перед их первым посещением демонстрации мод, во время прогулки по Сене. Это был чудесный лунный вечер, над водой начинал подниматься туман. «Очень романтично», – подумала Джемайна.

На судне было не особенно много народу. Уоррен заказал в баре пару бокалов шампанского, и они стояли одни у поручней на корме, потягивая вино и осматривая берега реки. Джемайна находилась в прекрасном настроении.

Она повернулась лицом к Уоррену:

– Хочу поблагодарить тебя за эту неделю. Чувствую себя немного виноватой, как школьница, прогулявшая уроки, но это было так чудесно! Я всегда буду помнить наши прогулки.

Он взял ее за руку и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Не могу припомнить, чтобы я когда-либо раньше испытывал подобное удовольствие, Джемайна. Ты заставила меня снова почувствовать себя молодым. Я уже забыл... все.

Он сжал ей руку. Джемайна не убрала ее, не желая обидеть его.

– Однако сегодня все кончится. Завтра мы должны вернуться к работе, – напомнила она.

– Это еще не конец, – возразил Уоррен с горящим взглядом. – У нас еще целая неделя в Париже!

Джемайна тихо засмеялась, размышляя, как отвлечь грядущее, не будучи даже уверенной, что хочет избежать этого.

– Неделя работы, на развлечения больше нет времени.

– Но у нас есть вечера, – настаивал он. – Разве мы не можем позволить себе развлечься, пока находимся в Париже? Ты нужна мне, Джемайна. Я хочу провести оставшееся время с тобой. Я люблю тебя, моя дорогая. И полюбил тебя с первого взгляда.

Джемайна осторожно высвободила свою руку.

– Уоррен, ты, кажется, забыл кое-что. У тебя в Филадельфии жена.

– Жена, которая больна, Джемайна. Я любил ее и продолжаю любить, но это совсем не то. Моя любовь к Элис подобна тому, что испытывает врач к пациенту, который дорог ему. Между нами давно уже ничего нет. Клянусь, это правда, Джемайна!

– Но что будет, когда мы вернемся? Ты бросишь свою жену?

Впервые за время пребывания в Париже к Уоррену вернулся печальный взгляд. Он задумчиво отвернулся, глядя на воды Сены, убегающие за кормой.

– Нет, никогда. Не стану лгать, – сказал он низким голосом. – Я никогда не брошу Элис, пока она жива. Мы долгое время любили друг друга.

– Я восхищаюсь тобой, Уоррен. Но если сделаю то, чего ты ждешь, что будет по возвращении в Филадельфию? Я останусь твоей любовницей? Ты это имеешь в виду? – Джемайна сама поразилась тому, что говорит. Париж, несомненно,

оказывал на нее коварное влияние. – Это не только повредит карьере каждого из нас, но и испортит саму жизнь.

– Понимаю. – Он снова посмотрел на нее. Взгляд его был печальным и внимательным. – Но я говорю о том, что происходит на самом деле. Мы должны сознавать, что... Элис долго не протянет, Джемайна. О Боже, зачем я это говорю! – с горечью произнес он. – Я чувствую себя негодяем!

Он опять отвернулся, и Джемайна коснулась его руки, лежащей на поручне.

– Мне жаль тебя, Уоррен. Я знаю, ты имел в виду совсем другое.

Казалось, ее прикосновение оживило его, высвободив поток чувств, которые он долго сдерживал. Уоррен со стоном повернулся и заключил ее в свои объятия.

Ощувив прикосновение его губ, Джемайна почувствовала, что слабеет и становится податливой. Она даже не представляла, что так соскучилась по мужской ласке. Ее тело откликнулось моментально, и она ответила на поцелуй с нарастающей страстью.

Через минуту Уоррен отступил назад.

– Вот видишь, ты любишь меня! – радостно воскликнул он.

– Ты мне нравишься, Уоррен. Очень нравишься. И не думай, что за этим скрывается нечто большее. Все это может плохо кончиться для нас обоих.

– Хочу воспользоваться случаем.

– Возможно, ты и хочешь, но я не уверена, что хочу того же.

– Джемайна, ты нужна мне. Ты не можешь отвергнуть меня после всего, что было на этой неделе.

Уоррен снова протянул к ней руки, прижался губами к ее губам, испытывая страстное желание и больше ни о чем не думая.

Судно причалило к пристани, и они виновато отскочили друг от друга.

– Путешествие окончено, – заключил Уоррен.

Они молча высадились на берег и пошли рядом. Однако, поднявшись наверх, Уоррен нащупал ее руку и крепко сжал. Джемайна не пыталась высвободить ее, и они продолжали молча идти. Мысли Джемайны смешались. Она знала, что Уоррен пригласит ее к себе в комнату. Почему она должна думать об Оуэне и о жене Уоррена? У нее не было угрызений совести в отношении этих людей. Ее связь с Оуэном убедила Джемайну в том, что нет ничего плохого, когда двое людей любят друг друга. Правда, она не любила Уоррена так, как Оуэна, но все же испытывала к нему нежные чувства. В конце концов кто от этого пострадает, кроме них самих? Тот, кто был ей когда-то дорог, находится по другую сторону Атлантики. Почему она должна беспокоиться о том, что может чувствовать Оуэн? Ему нет никакого дела до ее чувств.

Было уже поздно, когда они добрались до пансиона, где горел одинокий огонек за столом регистрации мадам Блан.

Войдя в дверь, Уоррен повернулся к Джемайне и прошептал:

– Ты придешь ко мне, дорогая? Поскольку она колебалась, он быстро сказал:

– Если ты думаешь об Элис... я знаю, это звучит странно, но полагаю, она не стала бы возражать. Элис все понимает.

Джемайна неожиданно приняла решение. Иногда не стоит долго размышлять. Возможно, это и есть тот самый момент...

– А как же мадам Блан? Что она подумает, если узнает о нас? – тихо спросила она.

Уоррен улыбнулся:

– Мадам Блан – француженка. Она всегда на стороне влюбленных.

Внезапно сопротивление Джемайны рухнуло, и она помимо своей воли кивнула в знак согласия.

Лицо Уоррена расплылось в улыбке, и он нежно поцеловал девушку в губы.

– Ты не пожалеешь, милая Джемайна.

Затем он стал подниматься вверх по лестнице. Джемайна медленно последовала за ним. Когда она достигла верхней площадки, Уоррен уже исчез за закрытой дверью своей спальни, в дальнем конце холла. Джемайна подумала: поскольку апартаменты мадам Блан находятся внизу, она вряд ли услышит что-либо. Несмотря на заверения Уоррена относительно либеральных взглядов этой женщины, Джемайна

на предпочитала, чтобы мадам Блан ничего не знала об их свидании. Всегда оставалась вероятность того, что она могла нечаянно выдать их тайну Саре.

Джемайна бросила последний взгляд на дверь в комнату Уоррена и вошла к себе, все еще чувствуя прикосновение его губ к своим и крепкое объятие его рук.

Девушка быстро разделась и умылась в тазу, стоящем на столе. Насухо вытершись полотенцем, она посмотрела на себя в настенное зеркало и замерла, разглядывая свое обнаженное тело. Хотя Джемайна не была излишне застенчивой, она редко смотрела на себя без одежды. Ей претило самолюбование.

Но сейчас она целую минуту разглядывала свое тело, которое вскоре должна предложить мужчине. Джемайна знала, что очень привлекательна: высокая, с полной грудью, с широкими бедрами, между которыми темнеет треугольник волос, с длинными, гладкими, превосходной формы ногами. Ее взгляд остановился на груди, и она представила, как Уоррен гладит и целует напряженные соски...

Джемайна покраснела и отвернулась от зеркала с возгласом презрения к самой себе. Затем она поспешно надела ночную рубашку, пеньюар и домашние туфли, после чего направилась к двери. На полпути Джемайна испуганно остановилась. Что она делает?

Девушка медленно повернулась и опустилась на край кровати. Она не может пойти на это. Это же предательство по

отношению ко всему, во что она верила, и особенно по отношению к жене Уоррена. Пребывание в чужой стране не избавляло ее от ответственности за свое поведение. Она не должна терять уважение к самой себе ради нескольких минут удовольствия. Потом ее замучат угрызения совести. Там, в Соединенных Штатах, ей не могло прийти в голову заниматься любовью с женатым человеком.

О чем думает Уоррен, ожидая ее? На мгновение Джемайна подумала: может быть, пойти к нему и все объяснить? Она не в состоянии перешагнуть определенную черту и если делает это, если встретится с ним лицом к лицу и позволит прикоснуться к себе, то, возможно, у нее не хватит сил устоять. Нет, что бы он ни думал о ней, она не покинет своей комнаты!

Уоррен в одном халате ждал Джемайну в своей спальне с возрастающим нетерпением. Время тянулось очень медленно, и он начал ходить по комнате: сначала к окну, глядя на пустынные улицы внизу, затем возвращался назад, к двери, прислушиваясь, не постучится ли Джемайна. Он не понимал, что удерживает ее. Казалось, она хотела этой встречи так же, как и он.

Прошел час, и Уоррен понял, что девушка не придет. По какой-то причине она передумала. Не следовало отпускать ее, надо было сразу вести в свою комнату. Он страстно желал ее, и ему казалось, что не переживет эту ночь без нее.

На мгновение он поддался соблазну выйти в холл и при-

вести ее сюда. Возможно, она просто стесняется.

Уоррен уже взялся за ручку двери, готовый повернуть ее. Но вдруг отдернул руку, будто от раскаленного угля. Нет! Он не будет унижаться, не будет просить. Он был слишком горд для этого. Если она не хочет сама прийти к нему, пусть так и будет.

Уоррен растянулся поперек кровати, чувствуя себя покинутым и одиноким.

Всю оставшуюся ночь он лежал без сна, глядя в потолок широко раскрытыми глазами и напряженно прислушиваясь, не постучится ли Джемейна в его дверь. Так он лежал, пока сквозь занавески не начал пробиваться рассвет.

На следующее утро Джемейна спустилась вниз, заглянула из прихожей в столовую и увидела, что Уоррена там нет. В этот момент из кухни торопливо вышла мадам Блан. Глаза ее были полны любопытства.

– Ты ищешь месье Баррикона?

– Да... Наверное, он все еще в своей комнате.

– Нет, месье Баррикон недавно ушел. Он даже не ответил на мое приветствие. Может быть, плохо себя чувствует?

– Вероятно, он решил позавтракать где-нибудь в другом месте. Сегодня такой чудесный день!

Мадам Блан внимательно посмотрела на Джемейну.

– О да, детка. День действительно хорош.

– Пожалуй, я тоже пройдусь, – засобиравлась Джемейна.

Выйдя из пансиона, она направилась в уличное кафе, где

Уоррен нашел ее в первый день своего пребывания в Париже, и инстинкт не подвел ее. Он сидел за тем же самым столиком с чашкой кофе и нетронутой булочкой с джемом на тарелке перед ним. Голова его была опущена, и он не видел Джемайну, пока девушка не села напротив него.

Уоррен поднял голову. Он был бледен, глаза воспалены. Небрит, одежда помята...

Джемайна впервые видела его таким неопрятным, и сердце ее защемило.

– О, Уоррен, очень сожалею! Но я не смогла. Можешь ли ты простить меня?

– Нечего прощать, Джемайна, – ответил он. – Ты сделала свой выбор, и мне не хотелось бы, чтоб ты пришла ко мне без всякого желания, только из жалости.

Она покачала головой:

– Нет-нет, ты не понял, Уоррен. Я не имею ничего против тебя лично. Просто это непорядочно, разве ты не понимаешь? Я всегда чувствовала бы себя виноватой перед твоей женой.

Он внимательно посмотрел ей в лицо, затем медленно кивнул:

– Возможно, ты права. Наверное, я тоже испытывал бы чувство вины. – Он слабо улыбнулся. – Теперь мы этого никогда не узнаем, не так ли?

– Надеюсь, ты не станешь плохо думать обо мне. Я не кокетничала с тобой, просто поддалась твоей страсти, но потом

появилось время одуматься.

– Нет, Джемайна, никогда не буду думать о тебе плохо. Знай: я люблю тебя. – Она отвела взгляд, явно смущенная. – И по-прежнему буду сопровождать тебя здесь, в Париже. Днем мы будем заняты работой, но у нас есть еще вечера. Я покажу тебе ночную жизнь Парижа.

Джемайна снова посмотрела на него:

– Нет, Уоррен, думаю, не стоит делать этого. Будет еще хуже. Кроме того, у меня очень много работы. Я совсем забросила свои статьи о мадам Роланд и Марии Антуанетте. Хочу подготовить их и показать Саре, когда мы вернемся. Также я должна написать о демонстрации мод. Так что нет, мой дорогой, – мягко сказала она. – Лучше нам видеться как можно реже в течение следующей недели.

Разумеется, они были вынуждены видеться каждый день и проводили вместе долгие часы на демонстрациях мод. Казалось, Уоррен примирился со сложившейся ситуацией, однако выражение его лица было уже не столь радостным, как вначале, порой Джемайна замечала прежнюю грусть в его глазах, когда ловила его взгляд. Она очень сожалела, но ничего не могла поделать.

Кроме того, Джемайна была слишком занята, чтобы постоянно думать об Уоррене. Она никогда не была знакома с мировой модой. Правда, ей удалось кое-что узнать за время работы в «Ледиз бук», тем не менее Джемайна была новичком в освещении демонстраций мод. Несмотря ни на что,

девушка решила, что эти следующие несколько дней должны быть очаровательными. К счастью, Уоррен был хорошо знаком с окружающей обстановкой. Представляясь сотрудниками журнала «Гоудиз ледиз бук», они получали особый доступ не только на официальные показы, но и за кулисы.

Основным материалом популярных моделей являлся блестящий шелк разнообразных оттенков. Многие платья, изготовленные из тяжелой парчи, украшали небольшие яркие цветы или лоза, вьющаяся по всей длине. Преобладающие цвета – темно-красный, желтый с голубым или желтый с зеленым.

Джемайна заметила, что женские шляпки имели более узкие поля, чем в предыдущем сезоне, оставляя открытыми уши, поддерживались они широкими лентами, завязанными под подбородком. Букеты и гирлянды цветов выглядели почти как натуральные, имитируя преимущественно полевые маки и колокольчики. Ленты были роскошнее и шире, чем в прошлые годы.

Джемайна сочла публику в зале, состоящую в основном из покупателей и журналистов, довольно скучной, однако за кулисами было гораздо интереснее. Один из модельеров особенно заинтриговал девушку – англичанин, чисто выбритый, в черном пиджаке, с белым галстуком и в батистовых нарукавниках, застегнутых на запястьях на золотые пуговицы. Он трогал монокль и исполнял свои обязанности с важностью и манерами дипломата.

Надо признать, он очень ловко орудовал ножницами и булавками. Манекенщицы, похожие на восковые фигуры, которые Джемейна видела в витрине парикмахерской, переоделись прямо перед ним.

Казалось, модельер точно знает, где надо подтянуть ткань, а где отпустить. Он с одного взгляда оценивал те особенности женщины, которые следует подчеркнуть или, наоборот, скрыть. Впервые увидев работу англичанина, Уоррен заметил:

– Кажется, Всемогущий создал этого парня с врожденным знанием всех особенностей кринолинов и нижних юбок.

Когда модельер подгонял платье прямо на манекенщице, стоило посмотреть, как он трогает материал, приглаживает его, делает замеры, поправляет складки. Затем он отступал на шаг, вставлял в глазницу монокль и оценивал свою работу. После этого снова начинал подгонять платье к фигуре, иногда добавляя здесь цветок, там ленту, пока не находил необходимую гармонию. И все это время женщина должна стоять неподвижно, едва осмеливаясь дышать, чтобы не вызвать гнев модельера.

Наконец модельер отходил назад, сел на софу и начал руководить манекенщицей, размахивая рукой с длинными пальцами, как дирижер своей палочкой.

– Направо, мадам! – И женщина выполняла приказание.

– Налево, мадам! – И женщина поворачивалась соответственно.

– Теперь лицом ко мне. – Манекенщица смотрела прямо на модельера.

– Теперь поверните лицо направо.

После нескольких поправок с помощью ножниц и булавок он одобрительно кивал и переходил к следующей модели.

Джемайна заметила, что модельеры отличаются друг от друга по характеру и действиям. Многие выглядели очень женственно, судя по их жестам и манере говорить. Они очень любили посплетничать и всегда знали немало историй о высокопоставленных особах, в основном о благородных дамах, для которых шили одежду.

Одна из историй показалась Джемайне наиболее забавной. Она касалась супруги Луи Наполеона Бонапарта, избранного президентом Второй французской республики в декабре прошлого года.

Джемайна уже знала, что жена Бонапарта считалась первой модницей в Европе, а также являлась законодательницей мод во всем мире, нанимала не только лучших портных, но и художников-модельеров, которые изготавливали ей наряды. Говорили, что она каждый день надевает новый наряд.

Согласно легенде, поведенной Джемайне одним из модельеров, в центре комнаты супруги Бонапарта находится люк, ведущий в комнату наверху с плоскими шкафами, в каждом из которых – платье, помещенное в раму, как портрет. Там же, наверху, был транспортер, доставляющий платье к люку и спускающий вниз для осмотра. Если платье удовлетворяло

женщину, оно немедленно поступало в ее распоряжение. Если нет – отправлялось на прежнее место, и спускалось другое, пока супруга президента не выберет устраивающий ее фасон.

Джемайна повторила услышанное мадам Блан.

– Неужели правда? Истории, которые рассказывают эти модельеры, настолько удивительны, что в них трудно поверить.

– В этом нет ничего удивительного, – подтвердила мадам Блан, фыркнув. – Видимо, Луи Наполеон Бонапарт вскоре станет императором Франции.

– А я думала, что во Франции больше нет королевской власти, – удивилась Джемайна. – Я полагала, теперь эта страна стала республикой.

– Мы все так думали... все, кому ненавистна королевская власть. Однако могу предсказать, что Бонапарт будет императором Франции через четыре года, – мрачно произнесла мадам Блан. – Согласно нашей с трудом завоеванной конституции, ни один человек не может находиться на посту президента более четырех лет. Но еще до окончания этого срока Бонапарт расширит свои полномочия и станет императором! – Мадам Блан пошевелила губами, как бы намереваясь плюнуть. – И пролитая кровь, и все жертвы за время нашей славной революции окажутся напрасными!

Джемайна сообразила, что теперь у нее есть превосходное окончание статьи, посвященной мадам Роланд. Слова сами

рождались в ее голове:

Парижане, которые знают о сложившейся ситуации, предсказывают, что Франция снова станет монархическим государством. Если это произойдет, то все усилия мадам Роланд по освобождению французского народа от тирании и все жертвы окажутся напрасными...

Джемайна, конечно, ничего не сказала об этом мадам Блан. Лишь заметила:

– Буду молить Бога, чтобы этого не случилось.

Наконец пришло время возвращаться в Америку, демонстрации мод закончились. Джемайна набрала достаточно материала для своей работы, а Уоррен – для гравюр. Статьи Джемайны о мадам Роланд и Марии Антуанетте также приняли приличный вид. Она собиралась окончательно подготовить их к публикации во время путешествия на корабле, если ее опять не сразит морская болезнь.

Уоррен должен был плыть с ней на том же судне, но она полагала, что он не причинит ей беспокойства. Он тщательно соблюдал дистанцию после той неудачи, и девушка надеялась, что их отношения останутся такими же и в дальнейшем.

И вот утром в конце мая они попрощались с мадам Блан, с Парижем и сели в экипаж до Кале, где должны были пересечь на корабль, отправляющийся в Нью-Йорк.

Глава 17

День клонился к вечеру, а Оуэн все сидел, опершись спиной о ствол сосны и глядя на растянувшиеся вдоль дороги бревенчатые и дощатые постройки, образующие городок старателей. Неподалеку паслись лошади, а скатки лежали на земле там, где они с Райли провели ночь. Райли был где-то в городе, внизу, вероятно, пьянствовал в салуне. Он соблазнял и Оуэна пойти с ним.

– Пошли, Оуэн. Мы целую неделю не были ни в одном салуне, – говорил Джон. – Я хочу пропустить пару стаканчиков.

– А может быть, три или четыре, – сухо отвечал Оуэн. Он неохотно выделил ему деньги, присланные Каррузерсом. – Думаю воздержаться на этот раз. Наверное, там подают сок тарантула. – Так стали называть ужасное самодельное виски, которое продавалось в салунах. – И пожалуйста, полегче с деньгами, Райли. Одному Богу известно, когда снова придет почта.

– Это мои деньги, – угрюмо заявил Райли.

– Ты тратишь их в десять раз быстрее, чем зарабатываешь.

– Ты не мой опекун, Тэзди!

– Это верно, но видит Бог, ты нуждаешься в нем! Райли пристально посмотрел на Оуэна, открыл было рот, затем закрыл и пошел вниз по склону холма.

Оуэн разложил свои бумаги и начал сочинять новую статью:

Хэнгтаун, Калифорния, 10 мая 1849 года. Город, недавно получивший название Хэнгтаун, раньше назывался Старые Сухие Прииски. Однако из-за трагических обстоятельств название изменили.

Пятеро мужчин были пойманы при попытке ограбить местного игрока. Присяжные из старателей допросили их и приговорили каждого к тридцати девяти ударам кнутом. Когда наказание исполнили, троим из них предъявили обвинение в ограблении и убийстве в прошлом году на реке Стенислоу.

Другой суд осуществлялся приблизительно двумя сотнями старателей. Ни один из обвиняемых не знал ни слова по-английски и, конечно, не понимал, что происходит. Будучи слишком слабыми после порки, чтобы протестовать, они через полчаса были признаны виновными и приговорены к повешению.

Несколько здравомыслящих человек пытались возражать, говоря о гуманности и о поспешности, с которой свершился суд, но безуспешно. Ваш корреспондент побеседовал с одним из протестовавших – Тайлером Говардом, бывшим армейским лейтенантом, подавшим в отставку. Говард сообщил, что в толпе – много пьяных хулиганов, которые угрожали повесить и протестующих, если они не перестанут возражать.

Поняв, что им грозит, осужденные просили дать им переводчика, но просьбу отклонили. Старатели накачались спиртным и жаждали крови. Подкатили фургон, мужчин поставили на платформу, и на шею им накинули петли, а другие концы веревок привязали к толстому суку дерева. Затем фургон отъехал.

Так часто свершается правосудие в лагерях старателей. После этого случая Старые Сухие Прииски стали называться Хэнгтауном – городом повешенных. Это название не нравится местным жителям, и они думают, как снова переименовать его. Наиболее подходящим названием считается Плейсервил.

Хотя происшедший случай кажется диким, он не является необычным в лагерях старателей, где почти не существует законов и преобладает произвол. Дело осложняется еще и тем, что эйфория прошла и золото стало трудно добывать. Расстроенные старатели порой вымещают свое разочарование и плохое настроение на преступниках.

Теперь рассказы о найденных самородках стоимостью в тысячи долларов или о том, как с помощью кастрюли удалось намыть золотой песок на пять тысяч долларов, больше не вызывают энтузиазма. Все знают, как тяжело отделять золото от камней и песка. Вначале основными инструментами старателей были лопата и кастрюля. Сейчас применяется специальный лоток для промывки золота или приспособление, называемое «Длинный Том».

Лоток очень похож на детскую люльку. Это продолговатый деревянный ящик длиной в три фута, установленный на деревянную качалку. Ко дну ящика поперек него с определенным интервалом прибиты порожки. Конец ящика может в зависимости от наклона открываться и закрываться с помощью брезентового фартука, натянутого на раму. На конце лотка сбоку приделана ручка. Старатель набирает в бункер гравий и льет сверху воду, затем начинает покачивать лоток. Вода отклоняет фартук и вытекает из лотка вместе с легкой породой, оставляя золотой песок на порожках, если, конечно, он есть в гравии. Чаще всего золото отсутствует.

«Длинный Том» состоит из двух частей: наклонного двенадцатифутового желоба, который заканчивается перфорированным железным листом, называемым решетом, и ящика с прибитыми поперек порожками, на который опирается нижний конец желоба. Лопатой нагружают золотиносный гравий в желоб и льют воду, пропуская породу через сито в ящик, где частицы золота задерживаются деревянными порожками...

Незаметно стемнело, и Тэзди перестал писать. В Хэнгтауне зажглись огни. Слышались громкие крики и смех.

Оуэн съел холодный ужин – галету и вяленое мясо, умылся холодной весенней водой и развернул одеяла.

Он долго лежал на спине, заложив руки за голову и глядя в ночное небо, усеянное яркими звездами.

Оуэн снова почувствовал прежнее нетерпение. Это озна-

чало, что его интерес к золотым приискам ослабел. Он знал по прошлому опыту: если ему становилось скучно, то и читательский интерес к его статьям пропадал. Оуэн уже написал двенадцать статей, рассказав все о «золотой лихорадке». Он был уверен, что лагеря золотоискателей просуществуют еще долго, но первый ажиотаж прошел, и ничего нового о них уже не напишешь.

Кроме того, если честно признаться самому себе, он соскучился по Филадельфии, чего раньше никогда не испытывал. Может быть, это из-за Джемайны? Скорее всего да. Ему очень хотелось увидеть ее. Она не ответила ни на одно его письмо, и он заподозрил, что она и в самом деле не скучает без него.

Оуэн уснул с мыслью о Джемайне и был разбужен чьим-то грубым голосом, зовущим его по имени:

– Мистер Тэзди, проснитесь. Оуэн сонно потряс головой и сел.

– Что?.. – Он узнал Тайлера Говарда. – В чем дело, лейтенант? Что случилось?

Лейтенант Говард присел на корточки рядом с ним.

– Речь идет о вашем друге Джоне Райли. Он попал в беду и зовет вас.

– О Боже! – Оуэн потер руками лицо. – Что с ним? Его опять избили?

– Боюсь, дело гораздо серьезнее. Райли убил женщину сегодня ночью, задушил ее голыми руками.

У Оуэна отвисла челюсть.

– Райли убил женщину? Кого, скажите ради Бога? И почему?

– Кто она, мы знаем, а почему – неизвестно. Это Глэдис Риггенс, проститутка, приехала в Хэнгтаун около месяца назад и занялась своим делом.

– И Райли убил ее?

– Кажется, так. По крайней мере он не отрицает этого. Глэдис затащила его в свою постель. Проходившие мимо старатели слышали крик о помощи и бросились в лачугу. Там они нашли женщину мертвой. Рядом лежал Райли с полуспущенными штанами, его руки все еще сжимали ее горло. Он был пьян и ничего не соображал. Мы заперли его до выяснения обстоятельств. Сейчас он немного протрезвел и зовет вас.

Оуэн откинул одеяла и начал натягивать сапоги.

– Пожалуй, надо навестить его, – выдохнул он. – Черт бы его побрал, Райли не стоит того, чтобы так беспокоиться о нем.

Спустившись вместе с Говардом пешком по склону холма, Оуэн понял, что на этот раз Райли действительно попал в тяжелое положение. Женщины в лагерях старателей, даже проститутки, пользовались привилегированным положением, и убийство одной из них считалось страшным преступлением.

Джона Райли поместили в грубо сколоченную бревенчатую тюрьму. Строение имело крошечное зарешеченное

окошко и дверь, запираемую на всякий замок. Говард позволил Оуэну войти, а сам остался снаружи у двери.

Райли был в ужасном виде. Его вырвало, вся одежда порвана и перепачкана в грязи, он спал на земле, лежа на спине, и громко храпел.

Стараясь не дотрагиваться до него руками, Оуэн ткнул художника носком сапога.

– Эй, Райли, давай просыпайся!

Райли наконец открыл глаза и сел. Затем издал радостный крик:

– Оуэн, рад видеть тебя!

– Похоже, на этот раз ты действительно влип, – сказал Оуэн мрачным голосом.

– Я ничего не помню... – Райли потряс головой, стараясь прояснить мысли, затем вздрогнул и закрыл лицо руками. Через секунду он поднял голову. – Теперь припоминаю кое-что. Я нашел эту женщину в одном из салунов. Не скажу точно, в каком. Черт побери, я даже не знаю ее имени!

– Ее звали Глэдис Риггенс, и она мертва, – зловеще сообщил Оуэн. – Тебя застали, когда ты все еще продолжал ее душить.

– Она ограбила меня, Оуэн! Она залезла ко мне в карман, когда я спал. Я заплатил ей золотой монетой. Это целых десять долларов, Оуэн! Но она решила обчистить меня до последнего цента. Понимаешь? – Он вывернул карманы, показывая, что они пусты.

– Но это недостаточная причина, чтобы убивать ее, Райли. Почему ты не привлек ее к суду?

– Что бы это дало? – Райли презрительно фыркнул. – Закон здесь бессилён, ты знаешь.

– Может быть, не так уж бессилён, как ты думаешь. Тебя могут повесить!

Райли побелел.

– Повесить меня? За убийство воровки?

– Райли, ты ведь знаешь, как ценятся женщины в лагерях старателей. Если она обокрала тебя, почему ты не попытался вернуть деньги назад? Ты мог сделать это, не убивая женщину!

Райли опустил голову и пробормотал:

– Когда я обнаружил, что она обчистила мои карманы, то потерял голову.

– Которая была затуманена спиртным. Райли поднял глаза, в них затаился страх.

– Они действительно повесят меня, Оуэн?

– Вероятнее всего. Ты ведь даже не можешь доказать, что она обокрала тебя. Это только слова.

– Но ты-то веришь мне, Оуэн?

– Это не имеет значения, Райли. – Оуэн раздраженно махнул рукой. – Важно, чтобы поверили присяжные, которые являются старателями. Здесь, в Хэнгтауне, нравится вешать, это главное развлечение.

Райли снова опустил глаза в землю и несколько минут

мрачно молчал.

– Я знаю, как доказать это! – неожиданно воскликнул Райли и поднял голову.

– Как же?

– Помнишь, ты должен был поехать в Сан-Франциско, чтобы обналичить банковские чеки, присланные твоей газетой?

– Конечно, помню.

– Так вот, ты привез тогда золотые монеты достоинством в десять, пять и два с половиной доллара. Этими монетами ты и расплатился со мной. И они же находились в моих карманах прошлой ночью. После салуна у меня оставалось три монеты по десять долларов, две по пять и две – по два с половиной. Я отдал проститутке одну монету в десять долларов, и у меня осталось по две монеты каждого достоинства. Всего тридцать пять долларов. Это то, что она украла у меня.

Оуэн нахмурился.

– Я все-таки не понимаю...

– Не понимаешь? – Райли взволнованно вскочил на ноги. – В лагерях все расплачиваются золотым песком. Золотые монеты – большая редкость здесь, Оуэн. Если их найдут в ее лачуге, это означает, что она украла их у меня!

– Мне кажется, это слабое доказательство, – сомневался Оуэн. – Но, думаю, попытаться стоит.

Он постучал в дверь. Говард открыл ее, и Оуэн вышел наружу.

– Лейтенант, был ли произведен обыск в жилище этой женщины?

– Насколько мне известно, нет. У двери ее лачуги стоит часовой, пока женщину не похоронят утром. А почему вы спрашиваете об этом?

Оуэн рассказал ему о золотых монетах Райли. Говард, как и Оуэн, засомневался.

– Однако я полагаю, обыск необходим. Если монеты будут найдены, это по крайней мере вызовет доверие к рассказу вашего друга.

Оуэн просунул голову в помещение.

– Райли, мы идем искать монеты. Из темноты донесся голос Райли:

– Вы найдете их, Оуэн. Даю слово.

Тэзди мрачно подумал, что слово его приятеля мало чего стоит! Он окончательно разочаровался в художнике и умыл бы руки, не вмешиваясь в эту историю, если бы Райли не был в некотором смысле его другом.

Лейтенант Говард запер дверь, и они молча пошли к лачуге мертвой женщины. Из тени вышел человек и преградил им дорогу.

– Кто идет?

– Все в порядке, Джед, – ответил Говард.

– А, это вы, лейтенант. Здесь никто не появлялся.

– Хорошо, Джед. Мы должны обыскать помещение женщины. Ты пойдешь с нами? Ты нужен нам как свидетель, ес-

ли мы найдем там что-нибудь.

В лачуге тускло горела лампа. Жалкое место, где нет даже стула или стола. На грязном полу валялся соломенный матрас, в углу на подставке стоял таз для умывания, на гвоздях, вбитых в стену, висели принадлежности женской одежды. Бросив взгляд на неподвижное тело на матрасе, Оуэн отвернулся.

– Если здесь есть что-то, принадлежащее вашему другу, то это нетрудно будет найти, – уверил Говард. – Слишком мало мест, куда можно спрятать какую-нибудь вещь.

– Вы ищите что-то ценное, лейтенант?

– Да, Джед. Относительно ценное.

– Тогда предлагаю осмотреть матрас. – Джед усмехнулся в тусклом свете, он потерял большую часть своих зубов. – По моему опыту, женщины такого типа прячут все самое ценное под матрасом.

– Хорошо, мы поищем здесь в первую очередь. Джед, не сможешь ли передвинуть тело?

Мужчины осторожно положили мертвую женщину на пол. Оуэн был рад, что лицо ее закрыто, он знал, каким ужасным бывает вид у задушенного человека.

В узкой щели в изголовье матраса они нашли порванную сумочку. В ней лежали маленький мешочек с золотым песком и несколько золотых монет. Пересчитав монеты, они убедились, что их количество и достоинство в точности соответствуют описанию Райли.

– Джек, ты должен будешь свидетельствовать об этом на суде Джона Райли.

Оуэн и лейтенант Говард вместе вышли из лачуги и направились назад к тюрьме.

– Теперь по крайней мере мы имеем доказательство того, что женщина действительно ограбила Райли, – сказал Говард. – Не слишком важный аргумент при таких обстоятельствах. Он убил женщину, и присяжные вряд ли сочтут его потерю достаточным мотивом для убийства.

– Особенно здесь, где вешают людей и за меньшие провинности, – мрачно проговорил Оуэн.

– Мистер Тэзди, я могу взять на себя защиту вашего друга, если хотите. У меня есть некоторый опыт, я защищал двух обвиняемых солдат, когда служил в армии.

– Я не против, однако это должен решить Райли, хотя у него нет выбора. Он должен быть благодарен, черт побери. Как вы думаете, когда состоится суд?

– Видимо, завтра. Карла Ларкина, мирового судьи, сейчас нет в городе, но утром должен вернуться. Насколько мне известно, они не будут тратить много времени на разбирательство.

Суд над Джоном Райли начался под председательством Карла Ларкина на следующий день после полудня. Мировой судья, любитель сигар, – человек неопределенного возраста, лысый, с большим носом, красным от постоянного пьянства. Оуэн был уверен, что судья уже приложился к бутылке перед

началом процесса.

Ларкин вызвал добровольцев и отобрал среди них первых двенадцать человек в качестве присяжных. Он назначил судебного исполнителя обвинителем, а лейтенанта Говарда – защитником Райли. Затем Ларкин объявил начало заседания.

Среди присутствующих царило веселье. У Оуэна в голове складывались уже строки новой статьи. С самого начала выбор присяжных явился настоящим фарсом. Судебное заседание проходило в салуне, и Ларкин сидел за карточным столом с пустой бутылкой из-под рома в качестве молотка. Большинство старателей устроили себе выходной день, чтобы прийти на суд. Так как процесс начался только после полудня, многие из них были уже пьяны и возбуждены. Ларкину приходилось то и дело призывать их к спокойствию.

Бледный, покрытый потом, Райли сидел рядом с Оуэном на земле, так как стульев не хватало. Его охранял старатель, сидевший с пистолетом на коленях, направленным на художника.

Райли наклонился и прошептал Оуэну:

– Ты прав, они собираются повесить меня! Это несправедливо, Оуэн. Это незаконный суд.

– Согласен с тобой, Райли, но другого нет.

– Я должен бежать.

– Не делай глупости, Райли, – прошептал Оуэн. – В этой толпе ты не успеешь сделать и шага, как тебя пристрелят.

– Все же лучше, чем быть повешенным. – Райли затих, бормоча что-то себе под нос.

Обвинитель вызвал только двух свидетелей, которые слышали крики женщины и нашли ее мертвой в лачуге, в то время как руки Райли продолжали сжимать ее горло. Для свидетелей не оказалось стульев, и они стояли у стола Ларкина в течение всего допроса.

Лейтенант вызвал для дачи показаний Джона Райли и предложил изложить все, что ему известно. Когда Райли рассказал, что проститутка украла у него деньги, из толпы вышел какой-то старатель.

– Этот человек говорит правду о Глэдис! – крикнул он. – Несколько месяцев назад я был в Энжелкэмпе. Там ее поймали на воровстве и выгнали из города!

Голоса в толпе призвали старателя заткнуться и сесть на место.

Ларкин постучал пустой бутылкой из-под рома по столу.

– Садитесь, сэр, и помолчите! То, чем занималась убитая женщина до того, как приехала сюда, не имеет значения для данного дела!

Оуэн и мужчина по имени Джед были вызваны, чтобы засвидетельствовать тот факт, что они нашли деньги Райли в сумочке убитой женщины. О том же самом свидетельствовал и лейтенант Говард.

Других свидетелей защиты не было. Дача свидетельских показаний заняла менее часа. Человек за спиной Оуэна про-

ворчал:

– Похоже, мы увидим еще до захода солнца, как повесят этого джентльмена.

Рядом с Оуэном стонал и беспокойно ерзал Райли. Тэзди положил руку на колено художника, пытаясь успокоить его, хотя и сам очень волновался.

Обвинитель обратился к присяжным, его речь была короткой:

– Джентльмены, этот человек убил Глэдис Риггенс. Он сам не отрицает этого. Мы знаем, что она была проституткой, падшей женщиной. Но все-таки она была женщиной – представительницей слабого пола, не способной защитить себя от пьяного мужчины! Все мы знаем, как ценится малочисленный слабый пол среди нас. Заявление этого человека об ограблении не смягчает его вины! Наказание Джона Райли должно стать доказательством того, что мы не позволим совершать в нашем городе подобные поступки. Вы собрались здесь, господа присяжные, принять решение. Есть только одно решение – Джон Райли совершил убийство и должен быть повешен за свое преступление!

В конце его короткой речи в толпе послышались аплодисменты, и Ларкин не стал стучать пустой бутылкой.

Затем слово было предоставлено лейтенанту Говарду.

– Господа присяжные, мы доказали, что эта несчастная женщина ограбила подзащитного, ограбила до последнего цента! Разве мы можем допустить подобное в Хэнгтауне? Я

говорю – нет! Если вы признаете подзащитного виновным, то таким образом провозгласите на весь мир, что поощряете воровство в Хэнгтауне. Представьте: а если бы каждый из присутствующих оказался в подобной ситуации? Что, если бы вы после тяжелого труда заработали несколько унций золотого песка, а женщина, которой вы заплатили сполна за ее услуги, попыталась бы украсть у вас весь заработок? Разве вы не среагировали бы точно так же? Если вы обратитесь к своей душе, то наверняка простите подзащитного. Я уверен, что это был случай самозащиты. Если даже его жизни не угрожала опасность, то опасности подвергался его кошелек, а если мы не можем защитить свой кошелек, то грош нам цена. Человек, которого мы судим, – один из нас. Он не какой-нибудь чужак, а истинный американец. Если вы приговорите его к повешению, название города снова будет у всех на устах. Хэнгтаун опять покроет себя позором, и мы никогда не добьемся более приличного названия. Мы никогда не будем выглядеть порядочными людьми в глазах остального мира. Если вы обратитесь к своему сердцу и к своей душе, господа присяжные, я уверен, что признаете моего подзащитного невиновным!

Мировой судья Ларкин не дал никаких указаний присяжным. Он только постучал по столу бутылкой и предложил:

– Хорошо, джентльмены. Отправляйтесь в салун «Бутылка и бочонок» и подумайте.

Салун «Бутылка и бочонок» находился прямо за спиной

судьи Ларкина и был заранее очищен от посетителей, так, чтобы им могли воспользоваться присяжные.

Оуэн подумал, что свободный доступ к спиртному в салуне явно повлияет на решение присяжных. Лейтенант Говард ходил взад и вперед. Оуэн встал и подошел к нему.

– Вы произнесли волнующую речь, лейтенант, – сказал Оуэн. – Думаете, она повлияет на приговор?

Говард пожал плечами:

– Трудно предсказать, что решат присяжные, но думаю, они уже вынесли приговор еще до того, как их выбрали.

– И каков же он?

– Виновен, – печально ответил Говард и посмотрел на Райли, сидящего на земле, свесив голову и опустив плечи, будто уже огласили страшное решение. – Должен сказать вам, Оуэн, – продолжал Говард, – те двое солдат, которых я когда-то защищал... В общем, я проиграл тогда, хотя обвинения были не такие серьезные. Возможно, вашему другу нужен был другой защитник.

– Кто именно? Здесь нет практикующих адвокатов, насколько мне известно. Вы защищали его лучше, чем он заслуживает. – Оуэн похлопал лейтенанта по плечу. – Спасибо вам. Надеюсь, Райли не повесят.

Присяжные пробыли в салуне менее получаса. Все же достаточно для того, чтобы воспользоваться бесплатной выпивкой.

Когда они вернулись, Ларкин рявкнул:

– Подведите заключенного к скамье! Старатель, охранявший Райли, подтолкнул художника к мировому судье стволом пистолета.

– Итак, джентльмены, вы приняли решение? Один из присяжных, высокий мужчина с длинной бородой, торжественно заявил:

– Мы решили, ваша честь.

– И что же вы решили?

– Мы считаем, заключенный невиновен, ваша честь.

Собравшиеся разразились криками и аплодисментами. Оуэна поразило то, как недавно враждебная толпа превратилась в восторженных доброжелателей. Они окружили смущенного Райли, подняли его на плечи и вынесли из салуна. Ошеломленный, Оуэн только наблюдал. Пять минут назад он готов был поставить все до последнего цента на то, что художника признают виновным.

– Как я и говорил, трудно предсказать, что решат присяжные, – услышал он.

Тэзди посмотрел на Говарда:

– Вы можете объяснить это, лейтенант? Я готов был поклясться...

Говард кивнул:

– Я тоже. А чем объяснить это? Вероятно, на решение повлияло несколько факторов. Во-первых, женщина являлась проституткой, во-вторых, мы доказали, что она обокрала Райли. Но все же она была женщиной, а женский пол

очень ценится в лагерях старателей. Кроме того, люди, живущие здесь, недовольны названием и репутацией города. Еще одна казнь только ухудшила бы ситуацию. Да и Райли не чужак. Те трое, которых повесили до этого случая, из-за кого город получил свое нынешнее название, были иностранцами. К тому же их не ограбила проститутка, как произошло с Райли. – Говард широко улыбнулся. – Думаю, на решение присяжных существенно повлияла и возможность бесплатно выпить во время обсуждения.

Оуэн уже едва слушал. Он вдруг вспомнил слова, которые написал Джемейне в своем последнем письме: «Если бы на месте Этты оказался мужчина, его также признали бы виновным».

– Рад, что все так обернулось, – медленно произнес он. – И хотя поступок Райли достоин осуждения, я счастлив, что его не повесили. Лейтенант, не окажете ли вы мне услугу? Сегодня я уезжаю из Хэнгтауна. Передайте Райли, что деньги, которые я должен ему, оставлены у Миранды Кент в Колومه.

Вечером Оуэн остановился возле магазина Миранды. Он спешился, привязал лошадь, затем вошел внутрь. Миранда была занята с двумя старателями, но, увидев его, широко улыбнулась:

– Оуэн! Рада видеть тебя. Подожди минутку, пока я закончу с джентльменами.

Оба старателя расплатились за покупки и ушли. Миранда

тотчас бросилась в объятия молодого человека. Через минуту она откинулась назад и посмотрела ему прямо в глаза, лицо ее светилось.

– Я соскучилась по тебе, Оуэн, – прошептала Миранда.

– И я соскучился.

– Будь ты проклят, Оуэн Тэзди! – Она высвободилась из его объятий. – Мне не следовало признаваться тебе в этом!

Оуэн улыбнулся и спросил:

– Почему, дорогая?

– Ты знаешь почему. – Она приподняла голову. – Ты ведь собрался уезжать. И не на несколько дней, а навсегда...

Оуэн всю дорогу думал, как сообщить ей об этом. Он уже решил как можно скорее вернуться в Филадельфию.

– Не ожидала, что ты вернешься из Хэнгтауна так скоро.

– Кое-что произошло, Миранда. – И он рассказал ей о Джоне Райли.

Она сочувственно покачала головой:

– Не хочу говорить, поскольку ты знаешь, что я думаю об этом человеке. Он должен на коленях благодарить Бога, что так легко отделался. Но думаю, он вместо этого уже отправился в ближайший салун. Тэзди кивнул:

– Боюсь, что так. Кстати, от «Леджер» должны прийти деньги для него. Я оставил ему сообщение, что они будут находиться здесь.

– О, вспомнила! – Миранда зашла за прилавок. – Это почта для тебя.

Она передала ему мешочек. Оуэн открыл его и выложил содержимое на прилавок. Там были номера «Леджер» и письмо от Томаса Каррузерса с двумя вложенными банковскими счетами. От Джемайны – ничего.

Разочарование отразилось на его лице, и Миранда спросила:

– От нее нет письма?

Оуэн вздрогнул и поднял голову:

– От кого?

– Думаешь, я не знаю, что ты влюблен в кого-то там, на востоке?

– Влюблен – немного сильно сказано, но есть женщина в Филадельфии, от которой я жду письмо.

– Подожди минуту! Что ты говорил мне несколько минут назад? От твоей газеты должны прийти деньги для Райли, и он должен явиться за ними сюда. Это означает – ты уезжаешь, правильно я поняла?

– Да, Миранда. Я сыт по горло Райли, к тому же написал уже обо всем, что может заинтересовать читателя. Пора заняться чем-то другим. Я уезжаю утром, как только куплю еще одну лошадь. На этот раз выберу кратчайший путь – по суше, через всю страну.

Оуэна растрогало грустное выражение ее лица, и на мгновение ему показалось, что она заплачет.

– Миранда, мне очень жаль. – Он попытался взять ее за руку. – Пожалуйста, не плачь. Ты ведь знала, что рано или

поздно это должно случиться. Выполнив задание, я всегда уезжаю.

Миранда высвободила свою руку.

– Я вовсе не собираюсь плакать из-за тебя! – Она отвернулась и украдкой смахнула слезу.

– Ты права: я не стою твоих слез.

– Не говори так, Оуэн, – сердито ответила она. Миранда прошла мимо него к двери и закрыла ее на засов.

– Что ты собираешься делать? – поинтересовался он.

– Закрываю дверь, разве не понятно?

– Я не имею права ни о чем просить тебя, Миранда, – нерешительно проговорил Оуэн.

– Зато я прошу тебя. Кто знает, когда мне еще представится случай переспать с мужчиной, которого я люблю? – Она приподняла голову. – Так ты сможешь мне закрыть магазин?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Ничто не оказывает такого благотворного влияния на душу, как примеры добродетельного поведения. Истинная любовь приносит счастье, поэтому счастливая любовь всегда является истинной.

Журнал «Гюдиа ледиз бук»

Глава 18

Джемайна вернулась в Филадельфию в начале лета. После отвратительной погоды во Франции и изнурительного путешествия через океан жара подействовала на нее расслабляюще. Она была рада тому, что снова дома, и переносила неудобства довольно бодро.

Долгое путешествие через Атлантику опять явилось для девушки тяжелым испытанием. Уоррен не беспокоил ее, но его присутствие отвлекало ее от плодотворной работы. Он ни разу не вспоминал о том, что произошло в Париже, но по какой-то причине беседовать с ним было очень трудно. В ее присутствии он старался казаться веселым, но Джемайна понимала, что ему не до смеха. Изредка она замечала печальное выражение на его лице. Это почему-то вызывало у нее раскаяние и в то же время раздражало: почему она должна

испытывать чувство вины?

К счастью, морская болезнь, которая мучила девушку во время первого путешествия через Атлантику, больше не терзала ее. Однако из-за Уоррена, а также из-за того, что на борту корабля вообще трудно писать, она мало что успела сделать. Статьи остались незаконченными, когда они вошли в нью-йоркскую гавань.

Хестер была рада возвращению племянницы. После объятий и поцелуев тетка отступила назад, внимательно разглядывая ее.

– Ну-ка дай мне посмотреть, как ты выглядишь! Я слышала, что Париж меняет людей.

– Ничего такого я не чувствую, тетя Хестер, – смущенно сказала Джемайна.

– Твои родители, особенно отец, очень тревожатся за тебя. Генри думает, что ты вернешься распутной, падшей женщиной, – предупредила Хестер. – Они засыпали меня еженедельными письмами, а от тебя не было никаких известий!..

– О Боже! Ведь я отсутствовала чуть больше двух месяцев! – раздраженно воскликнула Джемайна. – Какой смысл писать? Почта из Парижа идет сюда очень медленно. Я напишу им сегодня же, тетя.

– Для тебя тоже есть письма, – сообщила Хестер с лукавой улыбкой. – Кажется, у тебя поклонник в Калифорнии?

– Это от Оуэна Тэзди, – небрежно заметила Джемайна. – Он корреспондент газеты «Филадельфия леджер», пишет о

золотых приисках в Калифорнии.

Спустя несколько минут Джемайна закрылась в своей спальне и начала дрожащими пальцами вскрывать конверты с письмами от Оуэна в той последовательности, в какой они поступали. В первых двух не было ничего личного, лишь забавные комментарии по поводу путешествия в Калифорнию.

Третье и последнее Оуэн написал после того, как получил вырезку из газеты с сообщением о смерти Этты Логан. Джемайна быстро прочитала его, затем еще раз, но медленнее.

Она испытала чувство радости, прочитав, что Оуэн скучал по ней, однако общий тон письма разочаровал ее. Девушку заинтриговали откровения о его отце, но опасения молодого человека по поводу невозможности заключения брака из-за того, что он незаконнорожденный, показались ей неубедительными. Джемайна испытала такую досаду при повторном чтении, что немедленно начала писать ему ответное письмо, но остановилась после первых же строк. Затем положила перо и разорвала лист. Лучше подождать несколько дней, иначе она может написать такое, о чем потом придется пожалеть. Спешить ей некуда: Оуэн, очевидно, пробудет в Калифорнии еще пару месяцев. Поскольку он не знает о ее поездке в Париж, то, должно быть, удивляется отсутствию писем от нее. Что ж, пусть поудивляется еще немного – ему это полезно!

Придя на работу, Джемайна все утро провела с Сарой Хейл. Сара жадно интересовалась последними новостями из

Парижа, включая слухи и сплетни. Она долго и безудержно смеялась, когда Джемайна рассказала ей о супруге Бонапарта и ее «портретах».

Наконец Сара откинулась назад и критически осмотрела Джемайну.

– Кажется, путешествие пошло тебе на пользу. Твой внешний вид и настроение значительно улучшились.

– О да! – Джемайна энергично кивнула. – Не знаю, что со мной было зимой. Но теперь я чувствую себя прекрасно и снова полна энтузиазма.

– Превосходно! – Сара пристально посмотрела на нее. – А как ты и Уоррен проводили время в Париже?

Джемайна почувствовала, как вспыхнуло ее лицо, но постаралась скрыть смущение.

– Отлично. Я бы не получила такого удовольствия от Парижа, если бы Уоррен не показал мне его. Он хорошо знает город. – Девушка усмехнулась: – Кстати, кто же откажется от общества Уоррена Баррикона?

– В самом деле, кто? – согласилась Сара сухим тоном, но ответ ее, кажется, удовлетворил. – А теперь расскажи мне о том, что ты планируешь опубликовать в журнале.

Джемайна рассказала редактору о мадам Роланд и Марии Антуанетте и о композиционном замысле материала, посвященного двум замечательным француженкам.

Сара одобрительно кивнула:

– Все это довольно заманчиво. Ты правильно решила: кон-

траст между двумя женщинами должен весьма заинтересовать читателей.

– Надо признаться, на самом деле мне посоветовала это мадам Блан.

– Не скромничай, Джемайна. Многие авторы пользуются ее гостеприимством и не гнушаются ее советами. Все дело в способности оценить то или иное предложение. Как далеко ты продвинулась в подготовке статей?

– Не так, как хотелось бы. Я надеялась завершить их на корабле, но писать во время плавания оказалось не так-то просто. Однако дня через два я могу закончить статью о модах. Думаю, читатели должны как можно скорее ознакомиться с осенними модами.

Сара одобрительно закивала:

– Конечно, этот материал должен выйти в первую очередь. Остальное можно опубликовать позже. Кстати, твоя статья о Бетси Росс вышла и получила одобрение. В редакцию пришло много положительных откликов, и даже Луис сказал в твой адрес пару добрых слов. – Она улыбнулась. – Я тоже отважилась заметить: такие отзывы на твою статью дают основание снова проявить благосклонность по отношению к ее автору. Очевидно, он простил тебя за инцидент с Эттой Логан.

Джемайна почувствовала, как внутри у нее все сжалось. Она все еще была обижена за этот эпизод, к тому же и письмо Оуэна вызвало в ней прежнее негодование. А с другой

стороны, со временем она поняла позицию издателя.

Сара продолжала:

– Что касается материалов о Бетси Росс и восприятия их нашими читателями, то я решила и дальше публиковать статьи о знаменитых женщинах Америки. Есть такие, о которых еще не писали. Например, Абигейл Адаме, да и другие. Мы можем позднее выбрать несколько подходящих кандидатур. У тебя хорошо получается, Джемайна, поэтому я подумала, не возьмешься ли ты за этот проект.

Девушка почувствовала, как забилося ее сердце. Она предпочитала писать о современницах, их судьбы ее волновали больше.

Очевидно, неудовольствие так или иначе отразилось на ее лице, так как Сара быстро заверила ее:

– Это не означает, что ты не должна писать о современных женщинах, но мы хотим продолжить экскурс в историю, а для этого трудно найти подходящего автора.

– О, я с удовольствием займусь этим, Сара! – воскликнула Джемайна. Прежде всего Сара являлась ее работодательницей. – Только мне необходимо закончить начатое.

– Заканчивай, дорогая. С новым проектом можно не торопиться.

– Тогда я пойду работать. – Джемайна встала и хотела уйти.

– Между прочим, – небрежно сказала Сара, – тебе известно что-нибудь об Оуэне?

– Да. По возвращении меня ждали три письма.

– Три письма? О Боже, я удивлена! Наверное, ты должна быть польщена.

– Не знаю, – призналась Джемайна сдавленным тоном.

– Оуэн – превосходный журналист, разве ты не согласна?

– Все так говорят. Но я мало читала из того, что он пишет.

Только одну статью о...

Сара прервала ее:

– Он прислал замечательный материал о золотых приисках, который «Леджер» опубликовала в твое отсутствие.

– По возможности почитаю.

– Я сохранила эти газеты для тебя, Джемайна. – Сара насмешливо посмотрела на нее. – Думала, может, ты захочешь почитать.

– Спасибо, Сара. Обязательно прочту, когда будет время.

Джемайна с радостью покинула кабинет Сары, размышляя, почему она заговорила об Оуэне.

В холле девушка вдруг что-то вспомнила и остановилась. От волнения она совершенно забыла о том, что хотела написать об ужасных условиях труда работниц в Нью-Йорке. Она даже не спросила Сару, что та думает о письме, которое Джемайна написала ей накануне отъезда во Францию.

Девушка повернулась и решила вернуться в кабинет Сары, затем снова остановилась. Ей вдруг показалось: Сара умышленно избежала разговора на эту тему. Когда Джемайна хотела упомянуть о статье Оуэна, посвященной Лестеру

Гилрою, пожилая женщина нарочно прервала ее, что могло означать одно – Сара не хочет поднимать этот вопрос. Возможно, она обсудила то письмо Джемайны с Гоуди, и тот наложил вето.

Джемайна поняла: сейчас не стоит говорить об этом с Сарой. Ее решимость написать ряд статей о работницах на фабриках Нью-Йорка ничуть не ослабла, однако надо подождать, пока не будут закончены статьи о мадам Роланд и Марии Антуанетте. И надо хорошо выполнить новое задание. Когда вся эта работа или по крайней мере большая ее часть будет завершена, она поговорит с Сарой о необходимости собрать материал о работницах.

Вернувшись в Филадельфию, Уоррен увидел, что состояние Элис резко ухудшилось за время его отсутствия, и им овладело чувство вины и уныния. Она стала чаще кашлять, иногда с кровью.

– Мне не следовало уезжать во Францию и оставлять тебя! – воскликнул он с дрожью в голосе. – Я должен был находиться рядом с тобой.

Элис слабо улыбнулась и коснулась его щеки тонкими пальцами.

– Дорогой, мы же договорились не обсуждать эту тему. Я хотела, чтобы ты поехал. Ты заслужил отдых от больной жены. Кроме того... – оживилась она, – я чувствовала себя хорошо еще неделю назад. Ты ведь знаешь, летом мне всегда становится хуже, а в это лето особенно. И что бы ты мог

сделать, если бы остался здесь? Обо мне хорошо заботились. Пожалуйста, не мучайся так, Уоррен. Я начинаю чувствовать себя еще хуже, когда слышу, как ты обвиняешь себя.

Уоррен попытался принять более бодрый вид.

– Ну, теперь я вернулся.

– Я рада, дорогой. Расскажи мне о Париже и о новых модах на этот сезон.

Она слушала с большим интересом, когда он рассказывал про Париж. Уоррен старался по возможности не думать о Джемайне, пытаясь вообще забыть ее, однако чувствовал, что надо хотя бы вскользь упомянуть и о ней. Существовала вероятность, хотя и небольшая, что Элис узнает о присутствии Джемайны в Париже и о том, что они вместе проводили там время.

– Эта девушка, Джемайна Бенедикт, – заметила Элис. – Кажется, ты не упоминал о ней раньше.

– Разве? Ты должна помнить, я однажды сопровождал ее на один из званых вечеров.

– Она хорошенькая? – Элис пытливо взглянула на него.

– Хорошенькая? Пожалуй. Она определенно талантлива. Сара о ней высокого мнения.

– Надеюсь, ты показал ей Париж.

– Да, конечно, – осторожно сказал Уоррен. – Когда находил время. Я ведь был очень занят.

– Помнишь ту неделю, когда мы были с тобой в Париже? – мечтательно произнесла Элис. – Мы так чудесно провели там

время!..

– Очень хорошо помню. Никогда не забуду. – Уоррен встал. – А сейчас я принесу ужин.

– Уоррен... – Она поймала его руку. – Хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что.

– Конечно, дорогая. Все, что в моих силах.

– Я не желаю, чтобы ты горевал слишком долго, когда я умру. Ты заслуживаешь лучшей жизни, со здоровой женой, хорошенькой, как Джемайна Бенедикт.

– О, не надо, Элис! – Уоррен почувствовал, как неистово забилося его сердце. – Не говори так!

– Почему? – спросила она, глядя ему в глаза. – Пора посмотреть правде в лицо. Мне никогда не станет лучше. Обещай же, дорогой, пожалуйста!

– Хорошо, Элис, – мягко заверил он. – Обещаю.

Она глубоко вздохнула, опустилась на подушки и закрыла глаза.

– Как ты себя чувствуешь, Элис? – взволнованно спросил Уоррен.

Элис медленно открыла глаза.

– Хорошо, дорогой. Только немного устала. Я давно хотела попросить тебя об этом.

– Может быть, горячая еда подкрепит тебя, – предложил он с деланной бодростью.

– Может быть, – прошептала она.

Войдя в кухню, Уоррен почувствовал себя предателем: он

ощутил радость, когда Элис заставила его пообещать снова жениться на такой девушке, как Джемайна. Уоррен часто удивлялся, как легко Элис читает его мысли, и это внушало ему страх. Откуда она узнала, что он постоянно думает о Джемайне?

Готовя поднос для Элис, Уоррен представлял, как расскажет Джемайне, что жена взяла с него слово снова жениться после ее смерти и упомянула при этом ее имя.

Затем он отказался от этой идеи. Трудно заранее предугадать, как на это среагирует Джемайна. Лучше подождать, пока...

Уоррен испуганно замер, и его снова охватило чувство вины. Он рассуждал так, будто Элис уже умерла!

Закончив приготовления, он поспешил в комнату с застывшей улыбкой на лице.

С разрешения Сары Джемайна в течение трех дней не появлялась в редакции. Она объяснила это тем, что дома ей лучше работается, поскольку тетя весь день отсутствует и ее никто не прерывает. Она закончила черновой вариант статьи о Марии Антуанетте, так как Сара планировала опубликовать этот материал в первую очередь.

– Затем, когда мы напечатаем историю мадам Роланд, – сказала Сара, – читатель сможет лучше понять контраст между этими двумя женщинами.

Первый, кого Джемайна встретила, придя в редакцию, был Уоррен Баррикон.

– Привет, Уоррен. Я не видела тебя с тех пор, как мы вернулись из Парижа.

Он мрачно кивнул:

– Моя жена... Элис почувствовала себя хуже. Я сидел с ней, однако сейчас надо подготовить материал для сентябрьского издания.

– О, Уоррен, мне очень жаль! – Она инстинктивно протянула руку и коснулась его щеки, думая о том, что случилось в Париже, – точнее, едва не случилось, – и понимая, что сейчас чувствовала бы себя ужасно, если бы тогда проявила слабость. – Надеюсь, теперь ей лучше.

– Кажется. – Он слабо улыбнулся. – Не думаю, что на ее самочувствие повлияло мое возвращение.

– Уверена, это так, Уоррен. Ты недооцениваешь себя.

Лицо его приняло странное выражение, он открыл было рот, будто собираясь что-то сказать, но промолчал.

– Я должна бежать, Уоррен, – проговорила Джемайна. – Меня ждет Сара.

– Да, у меня сегодня тоже много работы. Возможно, через день или два мы могли бы... – Он сделал неопределенный жест. – Впрочем, не имеет значения.

Уоррен повернулся и пошел прочь, оставив Джемайну, озадаченно глядящую ему вслед. Он вел себя как-то странно. Это совсем не тот Уоррен, которого она знала в Париже. «Разве кто-нибудь может, – подумала она, – до конца понять другого человека?» Джемайна ощущала сострадание к нему,

но почему?

Пожав плечами, она постучалась в дверь Сары и вошла, услышав приглашение.

– Я закончила статью о Марии Антуанетте, Сара. – Джемайна положила рукопись ей на стол.

– Превосходно!

– Я оставлю тебя с ней...

– Нет, Джемайна, подожди, пока я не прочитаю ее. Если, конечно, тебе не будет скучно, – предложила Сара с легкой улыбкой.

– Вовсе нет. – Джемайна села и попыталась успокоиться. По правде говоря, ей вовсе не хотелось находиться здесь, пока редактор читает материал.

Сара прочитала страницу и снова, улыбаясь, посмотрела на Джемайну:

– Какой у тебя хороший почерк, дорогая! Приятно читать. Ты можешь взглянуть на рукописи, которые мне прислали. Сплошь какие-то каракули. Ты, конечно, видела некоторые из них?

– Да, Сара, видела. Я согласна, порой ужасно трудно разобратся в тексте.

Сара возобновила чтение и вскоре закончила. Она аккуратно сложила страницы рукописи, посмотрела на Джемайну и одобрительно кивнула:

– Превосходная работа, Джемайна. Другого я и не ожидала от тебя. Однако должна сделать несколько несуществен-

ных замечаний.

Работая с Сарой уже достаточно долго, Джемайна знала, что так и будет.

– Надеюсь, я смогу внести соответствующие поправки.

– Конечно, дорогая. Это мое обычное замечание. Ты должна быть более объективной и беспристрастной. В основном ты придерживаешься главного канона журналистики, но в некоторых местах позволяешь себе проявлять неприязнь к этой женщине.

– Во многих случаях, Сара, она вела себя не очень хорошо.

– Естественно. Но покажи это, не навязывая своего мнения. Мне хорошо известно, что большинство наших авторов проявляют в своих работах предубеждение, я борюсь с этим, хотя и сама, бывает, грешу подобным недостатком. – Сара иронически улыбнулась. – К сожалению, я слишком стара, чтобы круто измениться, но ты должна учесть, Джемайна. Ты только начинаешь. До сих пор я мало обращала на это внимания, ожидая, пока ты не окрепнешь как автор. Однако теперь буду более критически относиться к твоим творениям. – Она жестом пригласила ее: – Подойди и посмотри сама.

Весь оставшийся день Джемайна правила статью, учитывая замечания Сары. К тому времени, когда она закончила работу, большинство сотрудников, включая Сару, уже разошлись по домам. Джемайна положила законченную рукопись на стол главного редактора и тоже отправилась домой.

День был ужасно жарким, и она мечтала поскорее забраться в прохладную ванну. Подойдя к двери своей квартиры, она очень удивилась, услышав доносящиеся оттуда голоса.

Войдя в небольшую гостиную, она увидела тетю Хестер и мужчину, сидящего рядом на диване.

Хестер повернулась к ней с сияющим лицом:

– Смотри, Джемайна! У нас гость! Джемайна остановилась, увидев Оуэна Тэзди, который встал и поклонился ей.

– Здравствуй, Джемайна, – тихо приветствовал он.

Глава 19

Джемайна почувствовала необычайную радость при виде Оуэна. У нее даже слегка закружилась голова. Девушка едва удержалась от того, чтобы не броситься в его объятия. Стараясь придать голосу спокойный тон, она проговорила:

– Какой сюрприз, Оуэн! Я думала, ты вернешься из Калифорнии к концу лета.

Он смотрел ей прямо в лицо.

– Я тоже так думал, но обстоятельства изменили мое решение. Кроме того, я пришел к выводу, что написал почти все о золотых приисках. Как поживаешь, Джемайна?

Джемайна начала торопливо стягивать перчатки.

– Спасибо, хорошо.

– Твоя тетя говорит, что ты совсем недавно вернулась из Парижа. Должно быть, это была приятная поездка.

– Да, очень. Хестер живо вставила:

– У меня дела, я оставляю вас, молодые люди.

– Нет-нет, тетя. Не уходите.

– Пустяки, детка. Я уже достаточно наговорилась с молодым человеком, к тому же, думаю, он пришел сюда не для того, чтобы болтать со старой женщиной.

Хестер вышла из комнаты. Джемайна с тревогой посмотрела ей вслед, избегая взгляда Оуэна.

– Боишься остаться со мной наедине, Джемайна? – тихо

спросил Оуэн.

Она нехотя повернулась к нему.

– Конечно, нет!

– Тебе отлично известно, что меня нечего бояться. Ты получила мои письма?

– Да, они ждали меня, когда я вернулась из Европы.

– Значит, знаешь, как сильно я скучал по тебе. Ты не догадываешься, что произошло после последнего моего письма. Это событие заставило меня изменить... ну, если не все мое сознание, то по крайней мере отношение к Этте Логан. Я хотел бы рассказать тебе об этом, но не через всю комнату. Сядь сюда. – И он указал рукой на диван.

После недолгого колебания Джемайна подошла и села. Оуэн присел на почтительном расстоянии и поведал ей о Джоне Райли.

В конце рассказа он добавил:

– Хотя мне по-прежнему кажется справедливым наказание Этты, теперь я лучше могу понять твое отношение к ней. Я считаю, Джон Райли тоже должен был заплатить за свое преступление. Хорошо помню, как писал тебе, что мужчина на месте Этты также понес бы наказание. Случай с Райли не совсем похож на случай с Эттой, но между ними много общего, поэтому мне близка твоя точка зрения.

Оуэн замолчал, выжидательно глядя на Джемайну.

– Чего ты ждешь от меня, Оуэн? – спросила девушка. – Для Этты все уже кончено.

– Джемайна... – Он развел руками. – Даже если бы я согласился помочь Эtte в свое время, ничто не изменило бы результата. Разве ты не понимаешь этого?

– Наверное, ты прав, – нехотя молвила она. Он вздохнул.

– Слава Богу, с этим разобрались. Теперь... могу я пригласить тебя на ужин? Я знаю, что ты еще не ела после работы.

– О, я не могу, Оуэн! Мне надо умыться и...

– Хорошо, я подожду, – предложил он, пожав плечами.

– Но тетя Хестер уже готовит ужин.

– Нет. Я предупредил ее, что мы поедем в другом месте.

– Вижу, ты ничуть не изменился, – сказала она, вспыхнув. – По-прежнему делаешь необоснованные предположения.

Он улыбнулся:

– Ты в самом деле рассчитывала, что я изменюсь? – Лицо его вдруг сделалось серьезным. – Дорогая Джемайна, мы не виделись полгода. Что плохого в том, если мы вместе поужинаем?

– Полагаю, особого вреда не будет. – Она пристально посмотрела на него. – Встретимся как друзья?

– Конечно, как друзья, – заверил ее Оуэн.

– Потому что, если ты думаешь снова войти в мою жизнь... – Джемайна почувствовала, что краснеет под его взглядом, и вскочила. – Хорошо! Но придется подождать, пока я буду готова.

Оуэн откинулся назад, положив ногу на ногу.

– Сколько угодно, теперь я не спешу. Я торопился последние несколько недель. Думал, что установлю рекорд скорости путешествия от Калифорнии до Филадельфии. Я страдал от непогоды, жажды, голода, диких индейцев и загнал двух лошадей, чтобы поскорее добраться сюда.

Джемайна почувствовала слабость.

– И все это ради меня, Оуэн?

– Какая же еще могла быть причина? Разволновавшись, она хотела выйти, затем вернулась.

– Постараюсь подготовиться как можно быстрее. Может быть, выпьешь чего-нибудь, пока ждешь? Правда, у нас нет ничего крепче портвейна.

– Спасибо, портвейн – это хорошо.

Выйдя из гостиной, Джемайна увидела в коридоре Хестер, и у нее возникло подозрение, что тетя подслушивала.

– Я ухожу ужинать с мистером Тэзди.

– Знаю. – Хестер широко улыбнулась племяннице.

– Мне надо помыться и сменить одежду. Не отнесешь ли ему портвейна? – Затем язвительно добавила: – Или, может быть, ты уже слышала об этом?

Хестер обиженно отступила назад.

– Я никогда не подслушиваю!

– Извини, тетя Хестер! – Джемайна порывисто обняла ее. – Он вел себя, как грубиян, и мне не следовало бы радоваться его возвращению. Но я рада!

Хестер похлопала ее по спине.

– Джемайна, все мужчины порой ведут себя грубо. – Она отстранилась. – А теперь иди и занимайся своим туалетом, я же буду развлекать молодого человека в твое отсутствие. Была бы я лет на тридцать моложе... – Хестер комично закатила глаза.

Рассмеявшись, Джемайна поспешила в свою спальню. Таз был уже наполнен горячей водой. Спасибо тете Хестер!

Девушка разделась и умылась. Затем постояла некоторое время, раздумывая, какое выбрать платье. Она привезла два комплекта одежды из Парижа, но оба относились к осеннему сезону. Тем не менее она выбрала один из них, игнорируя погоду: шелковое платье светло-зеленого цвета, украшенное яркими лентами. К нему она подобрала одну из своих новых модных шляпок.

Джемайна встала перед стенным зеркалом, поворачиваясь то влево, то вправо. Удовлетворившись своим видом, она сделала шуточный реверанс своему изображению и спустилась в гостиную.

Хестер и Оуэн болтали, как старые друзья. Когда Джемайна вошла, Оуэн только что закончил рассказывать какую-то историю и Хестер разразилась смехом.

Оуэн увидел Джемайну, и глаза его расширились. Он вскочил на ноги и грациозно поклонился.

– Дорогая Джемайна, ты просто видение, настоящее видение в зеленом!

– Надеюсь, я не очень задержалась?

– Ничуть, – сказал он галантно. – Ради такой картины стоило подождать.

Он подошел к ней и протянул руку. Затем проговорил через плечо:

– Рад был познакомиться с вами, дорогая Хестер. Вы просто очаровательная женщина. Теперь мне понятно, почему Джемайна не познакомила нас раньше.

К удивлению Джемайны, тетушка покраснела.

– Мне было с вами приятно, сэ. Надеюсь увидеть вас снова.

На улице, пока Оуэн пытался остановить экипаж, Джемайна прошептала:

– Кажется, ты покорила тетю Хестер.

– Я не лукавил. Твоя тетя действительно очаровательная леди.

Оуэн привез Джемайну во французский ресторан – единственный в городе, насколько ей было известно.

– Я подумал, ты, должно быть, скучаешь по Парижу, – с улыбкой предположил Оуэн. – Я сам испытывал подобное чувство после короткого путешествия туда.

Ресторан был переполнен, и люди ждали, когда освободятся столики. Оуэн взял Джемайну под руку и уверенно прошел сквозь толпу к метрдотелю.

– Я не заказывал заранее столик, Андре, – тихо сказал он.

Джемайна увидела, как Оуэн протянул руку, в которой

блеснула золотая монета. Метрдотель проворно взял ее и заявил достаточно громким голосом, чтобы ожидающие могли слышать его:

– Ваш столик ждет вас, мистер Тэзди.

Пока они шли в сопровождении метрдотеля через зал, присутствующие в ресторане замолкали и поворачивали вслед им головы. Мужчины разглядывали Джемайну с явным восхищением, а женщины – с едва скрываемой завистью. Она чувствовала легкое головокружение, оттого что снова была рядом с Оуэном в центре внимания в таком чудесном ресторане.

Меню было напечатано по-французски.

– Как у тебя с французским языком, Джемайна? – поинтересовался Оуэн.

– Неважно. Я выучила всего несколько фраз, находясь в Париже.

– Ладно, посмотрим. Ты можешь сделать заказ для нас?

Джемайна засомневалась.

– Хочешь рискнуть? Трудно сказать, чем все это кончится.

– В этот вечер еда не самое главное, – проговорил он с неопределенным жестом, пристально глядя ей в лицо. – Достаточно только любоваться тобой.

Джемайна засмеялась:

– Калифорния повлияла на тебя удивительным образом, Оуэн. Сегодня ты постоянно делаешь мне комплименты.

– В этот вечер ты особенно заслуживаешь комплиментов,

дорогая.

Покраснев, Джемайна спрятала лицо за большим меню и начала изучать его. Она остановилась на том, что, по ее мнению, было самым безопасным, и заказала на закуску креветки, затем бульон и бифштекс из говяжьей вырезки со свежими овощами.

Когда подошел официант, она, запинаясь, сделала заказ по-французски, затем Оуэн заказал бутылку лучшего французского шампанского.

Джемайна напряженно ждала, пока Оуэн разливал вино, размышляя, какой тост он предложит на этот раз.

Оуэн поднял свой бокал:

– За встречу старых друзей!

– Думаю, на это нечего возразить. – Выпив вино, Джемайна попросила: – Расскажи мне о Калифорнии, Оуэн, Судя по твоим письмам, там, наверное, очень интересно. Сара сохранила для меня газеты с твоими статьями, но я пока не нашла времени прочитать их.

Весь ужин Оуэн развлекал ее рассказами о том, что видел и пережил в Калифорнии. Он был остроумен, и Джемайна все время смеялась.

Покончив с десертом – клубникой с мороженым, – она задумчиво сказала:

– Все это очень интересно. Как бы я хотела побывать там с тобой!

Оуэн покачал головой:

– Тебе бы не понравилось, Джемайна. Условия там очень плохие, еда скудная, отели дорогие. В лагерях старателей девяносто процентов женщин являются проститутками.

– Я не такая уж неженка, Оуэн, – возразила девушка. – Подожди, скоро и женщины станут полевыми корреспондентами.

Он снисходительно улыбнулся:

– Очень сомневаюсь, что кто-нибудь из нас доживет до этого дня. Возможно, это и произойдет, когда страна станет более цивилизованной. Большинство женщин даже не мечтают о таких заданиях.

– Я не такая, как все! Тебе уже следовало бы знать об этом.

– О, я знаю. Еще как знаю! В этом твое главное очарование, дорогая.

Она не нашла ответа на последнее его замечание. Они вышли из ресторана и наняли экипаж. Когда карета тронулась, Оуэн повернулся к ней и робко произнес:

– Помню, я обещал, что этот вечер будет просто встречей старых друзей, однако подумал... Ты действительно хочешь сразу поехать домой или сначала заедем ко мне?

Наверное, он все же изменился к лучшему, решила Джемайна. Прежний Оуэн не стал бы проявлять такую нерешительность.

К своему удивлению, она согласилась:

– Пожалуй, я могла бы заехать к тебе ненадолго. Сара дала мне новое задание. Надо написать еще несколько очерков об

известных женщинах в истории Америки. Я могла бы воспользоваться твоей библиотекой.

Он не сделал попытки поцеловать ее, лишь взял за руку и нежно пожал. Джемайна почувствовала знакомую слабость и поняла, что пропала...

Оуэн постучал тростью в крышу экипажа и, когда кучер заглянул к ним, сообщил ему новый адрес.

Откинувшись назад, Оуэн предложил:

– Можешь пользоваться моей библиотекой в любое время и, если хочешь, работать там, как прежде.

– Какое у тебя следующее задание, Оуэн?

– Даже не представляю. Пока у меня нет работы. – В свете мелькающих уличных фонарей она увидела, что он улыбается. – Я вернулся назад по собственной инициативе и еще не видел Каррузерса. Приехал прошлой ночью и проспал почти целый день. Когда он узнает, что я здесь без его разрешения, то может выгнать меня из газеты.

– Разве Каррузерс не ценит тебя? Оуэн рассмеялся:

– Джемайна, пора бы знать, что журналисты никогда не ценятся. По крайней мере редакторами и издателями. Но это меня не очень беспокоит. Я всегда найду работу. Я давно уже подумывал о переходе в газету Хораса Грили.

– В Нью-Йорке?

– Да, в случае, если надоем тебе. – Он мягко улыбнулся. – Однако сомневаюсь, что Каррузерс уволит меня. Такое бывало и прежде. Покричит, поворчит и вскоре все забудет.

Экипаж остановился перед домом Оуэна. Пока он помогал Джемайне выйти и расплачивался с кучером, девушка смотрела на окна квартиры на первом этаже. В них не проглядывал свет сквозь закрытые шторы.

Оуэн заметил направление ее взгляда.

– Кажется, там никто не живет, – сказал он. – Во всяком случае, я не замечал никаких признаков жизни.

Джемайна обхватила себя руками, несмотря на теплый вечер. В ее воображении дух Этты Логан продолжал витать в квартире на нижнем этаже.

– Что теперь будет с этим домом? Оуэн пожал плечами:

– Не представляю. По-моему, у Этты не было родственников. Полагаю, дом вернется государству, а затем будет продан.

Он протянул Джемайне руку, и они поднялись на крыльцо. Войдя внутрь, Джемайна бросила взгляд на закрытую дверь.

– Я думал, может быть, купить этот дом?

– Не надо, Оуэн! – Девушка вздрогнула. – Я знаю, привидения не существуют, но в моем воображении Этта всегда будет посещать меня.

Он пожал ей руку.

– Я несерьезно. У меня нет средств на такую покупку. К тому же кто будет следить за домом в мое отсутствие?

Хотя Джемайна с радостью вернулась в знакомую обстановку, она не могла не заметить, что комнаты были запущен-

ны и повсюду царил затхлый запах.

– Надо проветрить помещение, – проворчал Оуэн. – Вчера я приехал и сразу ушел, открыв лишь окно в спальне.

Он быстро прошелся по комнатам и пооткрывал все окна, чтобы впустить свежий воздух. Когда Оуэн вернулся, Джемайна по-прежнему стояла посередине комнаты, где он оставил ее. Он зажег лампу на камине и подошел к девушке.

– Знаешь, Джемайна, со мной произошло что-то странное прошлой ночью. – Он коснулся пальцами ее подбородка. – Войдя сюда, я ощутил ужасное одиночество, которого прежде никогда не испытывал. Я всегда считал себя вполне довольным тем, что живу один. Ты все изменила. Теперь... – Он криво улыбнулся. – Теперь, когда ты здесь, я не чувствую себя одиноким.

Теплая волна прокатилась по всему телу Джемайны.

– А разве в Калифорнии у тебя не было женщин? – поинтересовалась она с насмешливой улыбкой.

Он не отвел взгляда.

– Не стану врать, была одна.

– Хорошенькая? – спросила Джемайна.

– Да, ничего, но до тебя ей далеко. – От волнения голос его сделался хриплым.

Он обнял ее, и она не сопротивлялась, когда его губы приникли к ее губам. Джемайна позабыла обо всем на свете, не заметив, как они очутились в спальне, срывая с себя одежду.

Молодые люди упали на кровать, сжимая друг друга в объ-

ятиях, и Джемайна вновь познала сладостный экстаз.

Буря утихла, а они лежали, довольные и счастливые. Голова Джемайны покоилась на плече Оуэна, в то время как он нежно гладил ее волосы.

– Путешествуя по стране, – тихо говорил он, – я пришел к решению, Джемайна, что хочу жениться на тебе.

У нее перехватило дыхание. Она лежала спокойно, хотя мысли бешено крутились в голове.

– Джемайна? Ты слышишь меня?

– Да, Оуэн, слышу. – Голос ее звучал приглушенно. – Это так неожиданно...

– Разве? Насколько я помню, мы говорили об этом перед моим отъездом в Калифорнию.

– Да, но я не уверена, что готова к замужеству.

– Ты же говорила...

– Я никогда не говорила, что хочу выйти замуж прямо сейчас. Речь шла о будущем, да и ты разве не был против брака?

– Проклятие! – Он привстал, опустив ее голову со своего плеча. – Ужасная женщина!

Она тихо засмеялась:

– Нет, ты и в самом деле ничуть не изменился, не так ли, любовь моя? Внезапно решаешь жениться и думаешь, что я должна безоговорочно согласиться.

– Ты даже не представляешь, сколько я передумал, прежде чем пришел к такой мысли! – В голосе его звучал гнев.

– Давай не будем ссориться из-за этого, Оуэн. Есть много

проблем, которые надо решить.

– Знаю, но я хочу иметь возможность решать их.

– Даже если наш сын однажды узнает, что его отец незаконнорожденный?

– Я много думал об этом и в конце концов пришел к выводу, что если я мог жить с этим, то и наш ребенок сможет.

Джемайна немного помолчала, затем предложила:

– Давай не будем принимать решение сию минуту, хорошо?

– Согласен, – угрюмо ответил он.

– Оуэн, ты любишь меня?

– Конечно, черт побери, люблю!

– Ты никогда не говорил мне об этом.

– Не думал, что об этом надо говорить.

Неожиданно Джемайна вспомнила Уоррена Баррикона. Она живо представила тот вечер в Париже и его сердечное признание в любви.

Рано утром Оуэн направился в кабинет Томаса Каррузерса, неся под мышкой несколько страниц рукописи.

Услышав звуки его шагов по твердому полу, Каррузерс поднял голову, глядя сквозь густые клубы сигарного дыма. Он откинулся назад.

– Тэзди! Ради всех святых, что ты делаешь здесь? Ты должен быть в Калифорнии.

Оуэн присел на угол письменного стола.

– Я решил, что пора вернуться домой.

– Ты решил! Сколько раз говорить тебе, что только я определяю, когда следует закончить работу?

– Она закончилась, Томас, поверь мне. Я описал все стороны жизни на золотых приисках. Здесь еще четыре статьи, которые я привез с собой, так как знал, что прибуду сюда раньше почты. – Он положил рукописи на стол.

Каррузерс нахмурился и потрогал их своим толстым указательным пальцем.

– Возможно, все это так, но порой ты заходишь слишком далеко, Тэзди. Твое счастье, что я в хорошем настроении, иначе уволил бы тебя.

– В хорошем настроении? Ты? – Оуэн всплеснул руками. – Когда наступит такой день, на снежных сугробах вырастет трава.

Каррузерс проигнорировал последнее замечание, пыхтя сигарой.

– Однако хорошо, что ты вернулся. Оуэн подозрительно посмотрел на него:

– К чему это?

– Вероятно, ты прав, наши читатели, должно быть, уже насытились рассказами о лагерях золотоискателей. Теперь ты нужен мне здесь.

– Здесь? В Филадельфии?

– Не совсем здесь, но в этой части страны. Не думаю, чтобы ты слышал о совещании шестидесяти девяти членов конгресса в декабре прошлого года, вскоре после твоего отъез-

да?

– Новости медленно доходят до Калифорнии, и я не помню, чтобы читал об этом в присланных мне номерах «Леджер».

– Скорее всего эти номера я и не посылал.

– И какова же цель совещания?

– На нем был предложен новый закон, запрещающий рабство в федеральном округе Колумбия. Доклад делал сенатор Джон С. Колхаун, который способствовал многим, как он называет, агрессивным действиям Севера против законов Юга, например, таких, как отмена рабства на многих территориях, а также воспрепятствование возвращению беглых рабов их хозяевам и тому подобное.

– И каков же был результат совещания?

– Не очень значительный. Они собирались еще два раза в январе этого года, но в конце концов протест против существующих законов, разрешающих рабство, подписали только сорок членов конгресса.

Оуэн пожал плечами:

– Обычная пустая болтовня политиканов.

Каррузерс покачал головой:

– Не согласен с тобой. На этот раз было не только сотрясение воздуха, но и, я думаю, возможен нежелательный резонанс в стране.

– Почему ты так думаешь?

Каррузерс откинулся назад с важным видом.

– Закон о рабстве становится серьезной проблемой, Тэзди. По-моему, дело идет к расколу страны и войне между Севером и Югом.

– Ты уверен в этом, Томас?

– Да, и многие согласны со мной. Ты долго отсутствовал и не знаешь, что здесь происходит.

– Это верно, – медленно сказал Оуэн. – Неужели гражданская война? В это трудно поверить.

– Ты прав, но я убежден, что она надвигается, – мрачно заявил Каррузерс. – Может быть, война разразится через пять, десять лет, но рано или поздно она начнется, так как некоторые горячие головы решительно ведут к ней. И когда это произойдет, для страны наступят печальные дни. Мы же здесь, в Пенсильвании, окажемся в гуще событий. Тебе известно, что мы граничим с Мэрилендом и находимся недалеко от Виргинии? Оба эти штата рабовладельческие. Таким образом, война затронет и нас.

Оуэн помрачнел от слов Каррузерса. Он часто не соглашался с редактором, но научился уважать его мнение о текущих событиях.

– Допустим, ты прав, чего ты хочешь от меня?

– Две вещи, Тэзди. Во-первых, материал о подпольной железной дороге, по которой тайно переправляют рабов с Юга на Север и даже в Канаду. Эта система активно действует и в Пенсильвании. Я хочу, чтобы ты занялся ею.

Оуэн вопросительно приподнял бровь.

– Но если мы опубликуем сведения о подпольной железной дороге, разве это не повредит людям, действующим в этой системе?

– О, я не имел в виду публиковать имена и конкретные данные. Я хочу рассказать о ней в общем.

Оуэн усмехнулся:

– Зачем, Томас? Не думаю, что угрызения совести заставят тебя отказаться от публикации интересных сведений. К тому же я не уверен, есть ли у тебя совесть.

– Я против рабства, как любой северянин, Тэзди, – проворчал Каррузерс. – Просто хочу поместить в газете статью об истории подпольной железной дороги как основу для другого материала.

– Какого именно?

– Это второе дело. Я хочу иметь представление, о чем думают на Юге. Возьми несколько недель или сколько потребуется и отправляйся в путешествие по Югу. Поговори с рабовладельцами, плантаторами и рабами. Разузнай, насколько глубока враждебность южан по отношению к сторонникам отмены рабства. Однако советую не раскрывать, что ты корреспондент газеты. Представься кем-нибудь другим. Если станет известно, что ты журналист с Севера, твоя жизнь окажется в опасности.

– О нет, думаю, ты преувеличиваешь, Томас! Я бывал на Юге и знаю там многих. Не такие уж они злодеи. Ко мне относились очень доброжелательно, дружелюбно и гостепри-

ИМНО.

– В основном так. Но есть и горячие головы. Мне кажется, ты не совсем понимаешь, как рабовладельцы относятся к проекту нового закона.

– Хорошо, можешь не беспокоиться. – Оуэн встал. – Я знаю, как защитить себя. Не раз бывал в опасных местах.

Джемайна весело напевала себе под нос в квартире Оуэна, работая над статьей о мадам Роланд. К своему удивлению, она обнаружила новый материал об этой женщине в двух книгах Оуэна. После прошлой ночи у нее была причина чувствовать себя счастливой. Оуэн любит ее! Девушка не могла поверить, что он предложил ей выйти за него замуж.

Услышав шаги на лестнице, Джемайна перестала писать. Оуэн! Выйдя из-за письменного стола, она быстро осмотрела себя в зеркале над камином. Поправила несколько прядей на голове, одернула одежду тут и там и улыбнулась, когда он вошел. Тэзди держал за горлышко бутылку вина и широко улыбался.

– Итак! – сказала Джемайна. – По твоему виду можно сказать, что тебя не уволили.

– Не только не уволили, но и дали новое задание. Она ощутила легкий испуг.

– О нет! Ты не уедешь опять!

– На этот раз я буду недалеко от дома, любовь моя. И всего несколько недель. – Он поднял бутылку. – Я принес вино, чтобы отпраздновать это событие. Пока мы будем пить, рас-

скажу тебе все по порядку.

Оуэн пошел на кухню и вернулся с двумя бокалами, затем разлил вино, они сели рядышком на диван, и он рассказал ей о новом задании.

Джемайна поведала ему:

– Ты знаешь, когда я была вблизи Аллентауна, занимаясь исследованиями для моей статьи о сельских женщинах, в одной семье я кое-что слышала о подпольной железной дороге. Неподалеку от этого места находится город Квакертаун, входящий в систему переправки рабов.

Оуэн кивнул:

– Да, знаю. Это одно из тех мест, куда я собираюсь поехать.

– Думаю, люди там не станут разговаривать на эту тему, опасаясь повредить налаженному делу.

– Наверное, будет нелегко, но других заданий пока нет. Придется действовать крайне осторожно. Никаких имен не будет опубликовано. Каррузерс дал мне слово. Он хочет, чтобы в нескольких статьях проблема рабства была освещена с двух сторон: со стороны рабовладельцев и со стороны противников рабства.

– Все это звучит очень интересно, – вздохнула Джемайна с некоторой грустью. – Гораздо интереснее, чем писать о давно умерших людях...

Она замолчала, так как Оуэн встал, чтобы зажечь лампу на камине. Пока они разговаривали, уже стемнело.

– Боже милостивый! – воскликнула Джемайна. – Я и не заметила, что уже так поздно. Тетя Хестер ждет меня. Если я опять задержусь, то не знаю, что она подумает.

Оуэн быстро подошел к ней, когда она встала.

– Думаю, твоя тетя обо всем догадывается. Еще рано уходить.

Он обнял Джемайну, и при первом же прикосновении его губ к ее она перестала сопротивляться. Оуэн повел ее в темную спальню, и вскоре они слились в единое целое: грудь к груди, бедра к бедрам.

А потом они долго лежали рядом в темноте, не произнося ни слова.

Первой заговорила Джемайна:

– Твое новое задание, касающееся закона о рабстве, напоминает мне проект, о котором я давно думаю. Помнишь Лестера Гилроя, владельца фабрик по производству одежды?

– Конечно, помню! – усмехнулся Оуэн. – И горжусь тем, что моя статья способствовала бегству его из Филадельфии.

– А знаешь, я встретила его в Нью-Йорке, пока ожидала отплытия корабля во Францию.

Джемайна почувствовала, как Оуэн напрягся.

– В самом деле? Надеюсь, он не узнал тебя. Мне кажется, он может быть очень опасным.

– О, я не встречалась с ним лицом к лицу, однако видела его.

Девушка рассказала о своем приключении в Нью-Йорке и

о работнице, с которой удалось поговорить.

– Знаешь, Оуэн, то, что она поведала мне, ужасно. Несчастные женщины и дети работают в невероятных условиях.

– Да, Гилрой настоящий негодяй.

– Однако надо что-то делать с такими людьми, как он. Со слов Мэриголд я поняла, что и на других фабриках работницы так же страдают.

– Вероятно, это правда. – В его голосе прозвучала насмешливая нотка. – Кажется, Джемайна Бенедикт начинает новый поход за справедливость?

– Думаю, пора открыть людям глаза на то, как производится дешевая одежда. Я намерена написать серию статей об этом! – Джемайна встала, увидев улыбку на его лице. – Эти несчастные работницы страдают от своеобразной формы рабства! Они попадают в ловушку, из которой не могут выбраться.

– Не буду спорить с тобой. Но что ты собираешься делать со статьями, которые намерена написать?

– Конечно, опубликовать их.

– Где?

– В «Ледиз бук».

Оуэн засмеялся:

– Джемайна, ты грезишь! «Бук» не касается этой темы.

– Но ведь «Леджер» публикует статьи о рабстве, а это гораздо более спорная тема.

– «Леджер» – газета, а «Гоудиз ледиз бук» – журнал для женщин, и ты прекрасно знаешь, что Луис Гоуди избегает полемики. Можешь ли ты сказать, какую позицию занимает журнал в вопросе о рабстве: за или против? Нет, и Гоуди никогда не выскажет ее, даже если начнется гражданская война, которую предрекает Томас Каррузерс. «Ледиз бук» читают как рабовладельцы, так и сторонники отмены рабства, и если принять чью-то сторону, то другие обидятся.

– Я знаю из напечатанного, что Сара боролась с фабрикантами в Бостоне, когда была там редактором журнала «Ледиз мэгэзин». Уверена, она сочувствует работницам.

– Она, может, и сочувствует, но никогда не пойдет против Луиса Гоуди.

– Тем не менее я хочу попытаться.

– Не сомневаюсь, – сказал он смеясь. – Если ты что-то задумала, ничто не может разубедить тебя. Знаешь, кто ты, дорогая Джемейна? – Он притянул ее к себе. – Ты Дон Кихот в женском обличье, борец с ветряными мельницами.

– Разве это плохо?

– В некотором отношении, возможно, нет. Но с другой стороны, это дело грозит тебе неприятностями и может обернуться даже опасностью. Особенно если ты свяжешься с таким человеком, как Гилрой. Я чувствую, он опасен, как ядовитая змея, когда наступаешь ей на хвост.

– Он не причинит вреда женщине, Оуэн!

– Не уверен в этом. Ты говорила, он лично выставил ра-

ботницу на улицу, а ведь она – женщина.

Джемайна задумалась, затем рассеянно ответила:

– Но он все-таки не причинил ей вреда.

– Однако мог, если бы сильно разозлился.

– Твое новое задание, Оуэн... когда ты уезжаешь?

– Я уезжаю в Квакертаун рано утром.

– Могу я в твоё отсутствие пользоваться этой квартирой?

– Конечно. Мне будет даже спокойнее, если ты поработаешь здесь. А так как я буду отсутствовать дней десять или более, мы должны сейчас наверстать упущенное.

Он притянул ее к себе. Она смеясь запротестовала:

– Оуэн, я должна идти домой.

Но ее протесты скоро заглушили его поцелуи.

* * *

В течение всей следующей недели Джемайна напряженно работала. Она хотела поскорее закончить статьи о мадам Роланд и об Абигейл Адаме, о которой, к счастью, в библиотеке Оуэна оказался обширный материал.

Статью, посвященную мадам Роланд, девушка закончила за три дня и начала писать об Адаме:

Абигейл Адаме была замечательной, леди, которая как нельзя лучше подходила в качестве жены знаменитому президенту Джону Адамсу. Читателям известно, что он являлся одним из авторов Декларации о независимости и был среди

тех, кто подписал этот документ...

В пятницу рано утром Джемайна с готовой рукописью подошла к кабинету Сары и постучала в дверь. Услышав приглашение, девушка вошла и остановилась – Сара была не одна, напротив нее сидела женщина. Она повернулась, и Джемайна, узнав ее, радостно воскликнула:

– Мисс Блэквел!

– Теперь уже доктор Блэквел, – с гордостью поправила Сара. – Первая женщина в Соединенных Штатах, получившая медицинскую степень, к тому же высшую.

Джемайна подошла поближе.

– Поздравляю, доктор Блэквел.

– Благодарю, мисс Бенедикт. – Доктор Блэквел любезно поклонилась и посмотрела на Сару. – Без огромной помощи Сары я вряд ли добилась бы успеха. Буду вечно благодарна вам. – Она снова взглянула на Джемайну. – Хочу также поблагодарить вас, мисс Бенедикт, за прекрасную статью, которая к тому же оказалась очень своевременной.

Джемайна слегка покраснела.

– Я рада, что статья вам понравилась. Вы собираетесь практиковать здесь, в Филадельфии?

Лицо мисс Блэквел помрачнело.

– Боюсь, что нет. Мне необходимо сначала поработать два или три года в больнице, но ни в одной больнице здесь, у нас, меня не принимают. Поэтому я вынуждена уехать в Париж, где женщина может работать врачом. Отплываю на следую-

щей неделе, но сначала решила заехать сюда – попрощаться со знакомыми, особенно с Сарой.

Внезапно Джемайна подумала, что может быть...

– Я знаю женщину здесь, в Филадельфии, которая была бы счастлива, если бы вы осмотрели ее – сказала она взволнованно.

Доктор Блэквел покачала головой: – Боюсь, не получится, мисс Бенедикт. У меня нет практики, и я не имею права лечить больных.

– Но это женщина, а вы говорили, что одной из причин, по которой вы выбрали специальность врача, явилось желание вашей умершей подруги, которой очень хотелось, чтобы ее лечила женщина-врач. – Джемайна посмотрела на Сару, в глазах которой читался вопрос. – Я имею в виду жену Уоррена. Другие врачи не способны помочь ей. Они даже не могут установить диагноз.

Сара пристально посмотрела на Джемайну, затем медленно кивнула:

– Пожалуй, ваше вмешательство не причинит ей вреда, Элизабет. Я знаю, эта женщина находится в очень плохом состоянии. – Она слегка улыбнулась. – Вы могли бы посоветовать что-нибудь новенькое.

– Хорошо, думаю, мой визит действительно не повредит ей, – предположила доктор Блэквел. – Но вы должны понять, что я не могу обнадеживать ее.

– Пойдемте со мной, – предложила Джемайна. – Ее муж

работает у нас. Я представлю вас ему.

Она вышла вместе с доктором Блэквел из кабинета Сары и только в холле вспомнила, что так и не обсудила с редактором принесенные рукописи. Но это потом. Сейчас важнее решить вопрос о жене Баррикона.

Уоррен был один в своем кабинете. Она постучалась в открытую дверь.

– Уоррен, я хотела бы познакомить тебя с Элизабет Блэквел. Доктором Блэквел, – многозначительно добавила Джемайна. – Она готова осмотреть твою жену, если ты не возражаешь.

Глава 20

Уговорить Уоррена, чтобы тот позволил доктору Блэквел осмотреть его жену, труда не составляло.

– Я готов воспользоваться любым шансом, – обрадовался он.

– Но вы должны знать, что, возможно, я ничем не смогу помочь, – заметила доктор Блэквел.

– Понимаю. – Уоррен взглянул на Джемайну. – Пожалуй-ста, пойдем с нами, Джемайна. Уверен, Сара не будет возражать. Элис очень хотела бы познакомиться с тобой.

Джемайна заколебалась. Она опасалась получить замечание от Сары, однако Элис Баррикон вызывала у нее любопытство.

Получив разрешение Сары, Уоррен, доктор Блэквел и Джемайна взяли экипаж и отправились к Барриконам. По дороге мисс Блэквел подробно расспрашивала Уоррена о болезни его жены, и он рассказал ей все, что мог.

Элис нахмурилась.

– Уоррен, кажется, мы договорились, что больше никаких врачей? – Затем она удивленно заморгала. – Женщина-врач? Не знала, что такое бывает.

Доктор Блэквел улыбнулась:

– Я первая, миссис Баррикон.

Элис хотела что-то сказать, но неожиданно закашляла.

Она отвернулась в сторону и приложила к губам белый платок, пока кашель не стих. Элис хотела спрятать платок, но Элизабет быстро подошла и взяла его.

В то время как врач изучала кусочек белой ткани, Джеймайна увидела ярко-красное пятно на нем и поняла, что это кровь.

Доктор Блэквел, ничего не сказав, открыла свою сумку и достала несколько предметов. Один из них Джеймайна узнала: деревянный стетоскоп – инструмент, который появился недавно и позволял врачам прослушивать сердце и легкие.

Элизабет начала расстегивать блузку Элис, затем задержалась и оглянулась.

– Пожалуйста, оставьте нас. Я предпочитаю остаться с пациентом наедине.

Выйдя из комнаты вместе с Уорреном, Джеймайна услышала голос Элис:

– Меня никогда прежде не осматривала женщина. Я гораздо меньше смущаюсь...

В холле Уоррен заметил:

– Время ленча, Джеймайна. Ты голодна? Миссис Райт приготовит нам что-нибудь.

Элизабет попросила кучера заехать в отель, где она остановилась. Вскоре она вышла оттуда с небольшой черной сумкой.

– Это мои инструменты. Сегодня они впервые могут понадобиться мне, – сообщила мисс Блэквел, усаживаясь в эки-

паж.

Когда Уоррен ввел Джемайну и доктора Блэквел в свой дом, из задней комнаты появилась женщина средних лет.

– Мистер Баррикон, почему вы вернулись домой в середине дня? Что-нибудь случилось?

– Нет, миссис Райт. Это Джемайна Бенедикт и доктор Блэквел. Мисс Блэквел собирается осмотреть Элис.

Густые брови женщины удивленно приподнялись.

– Женщина-врач? Никогда бы не подумала! Уоррен провел Джемайну и Элизабет в спальню.

Худошавая, довольно хорошенькая женщина читала, сидя в кровати. Джемайна с удовольствием отметила: в руках жена Уоррена держала журнал «Гоудиз ледиз бук». Волосы ее были тускло-коричневого цвета, на худом лице выделялись большие карие глаза.

– Элис, – позвал Уоррен, – рад познакомиться тебя с Джемайной Бенедикт. Я рассказывал тебе о ней.

– О да, – согласилась Элис Баррикон с приятной улыбкой. – Я читала ваши материалы в «Ледиз бук», мисс Бенедикт. Вы прекрасно пишете.

– Благодарю, миссис Баррикон.

– А это доктор Элизабет Блэквел, – представил Уоррен врача. – Она пришла осмотреть тебя и по возможности помочь.

Некоторое время спустя они сидели напротив друг друга за маленьким обеденным столом, на котором стояли бокалы

холодного лимонада и тарелки с толстыми ломтиками ветчины и картофельным салатом.

Не поднимая глаз от тарелки с салатом, Уоррен сказал:

– Хочу поблагодарить тебя за заботу, Джемайна. Не знаю, сможет ли доктор Блэквел помочь Элис, но по крайней мере появился какой-то шанс.

Джемайна нерешительно улыбнулась:

– Да, Уоррен, думаю, стоит попробовать. Ты говорил, другие доктора мало что смогли сделать.

– Я рад, что наши отношения, завязавшиеся в Париже, не имели продолжения. – Он поднял голову, глаза его были печальными. – Иначе не знал бы, как теперь жить. Но ты не забывай: я по-прежнему люблю тебя...

– Уоррен, пожалуйста! – испуганно воскликнула Джемайна. – Не говори так!

Он продолжал:

– Когда я вернулся и рассказал Элис о том, что ты была со мной в Париже, и о том, какая ты талантливая, она заставила меня кое-что ей пообещать. Знаю, сейчас не время и не место, но должен сказать тебе: я пообещал Элис, что если с ней что-нибудь случится, то снова женюсь, и на такой женщине, как ты.

– Уоррен, это мучительный разговор! – Джемайна опасалась, что миссис Райт может услышать их.

– Ты, конечно, права. – Он снова уставился в тарелку. – Но я должен был сказать тебе это.

Теперь они сидели в напряженной тишине. Джемайна испытывала желание встать и уйти. Она не помнила, чтобы когда-либо чувствовала себя так неловко, но ей не хотелось обижать Уоррена. Ее спасло появление Элизабет. Она была чрезвычайно серьезной.

– Ну что, доктор? – нетерпеливо спросил Уоррен.

– Ваша жена очень больна, мистер Баррикон. – Мисс Блэквел со вздохом села за стол. – Как давно она кашляет с кровью?

– Насколько я знаю, недавно. Примерно две недели. Если, конечно, она не скрывала от меня раньше, что вполне возможно.

– Да, она то же сказала и мне: две недели. – Доктор Блэквел покачала головой и снова вздохнула. – Плохо то, что медицине почти неизвестны подобные болезни. Ее легкие переполнены мокротой, а наличие крови – плохой симптом. Сейчас ведутся исследования в этой области, но пока мы знаем очень мало. Известно, что шахтеры, долгое время работающие в сырых шахтах, часто заболевают подобной болезнью легких. Влажный климат также способствует такому заболеванию.

Уоррен выглядел подавленным.

– Значит, вы ничего не можете сделать?

– В медицине пока нет средства, которое могло бы помочь вашей жене, так как природа ее болезни неизвестна.

Уоррен сидел опустив голову, плечи его уныло поникли.

– Есть одно средство, мистер Баррикон. Я прочитала в медицинской литературе, что некоторые врачи в подобных случаях рекомендовали сменить климат и результаты были обнадеживающими. По крайней мере развитие болезни замедлялось. В восточной части Соединенных Штатов зимой и летом очень сыро, здешний климат затрудняет работу легких. Пациентам, о которых я читала, рекомендовали жить в тех местах, где воздух сухой. Например, на территориях Нью-Мексико и Аризоны, то есть в местностях, где преобладают пустыни.

– Но это на другом конце страны! – воскликнула Джемайна.

– Это означает, что я должен расстаться с «Ледиз бук», нашим домом и всем прочим, – уныло проговорил Уоррен. – Я же не могу отправить Элис туда одну.

Доктор Блэквел склонила голову:

– Понимаю, мистер Баррикон. Все это потребует от вас значительных жертв. Но с другой стороны, если ваша жена останется здесь, нет никакой надежды. Она долго не проживет.

– Не знаю, что делать. Все это так неожиданно. – Уоррен быстро взглянул на Джемайну. – Надо подумать.

Доктор Блэквел встала.

– Сожалею, мистер Баррикон, но я предупредила, что, возможно, ничем не смогу помочь. Очень сочувствую вам. А сейчас вы должны извинить меня. Утром я уезжаю из Фи-

ладельфии, и у меня еще много дел.

Джемайна тоже встала.

– Я поеду с вами, доктор. – Повернувшись к Уоррену, она сказала: – Почему бы тебе не остаться дома до конца дня? Думаю, Сара поймет.

Уоррен кивнул, не глядя на нее. Однако, когда они вышли из стреловой, он вдруг вспомнил:

– Прошу прощения, доктор Блэквел. Я совсем потерял голову. Мне следует отблагодарить вас за визит. Сколько я должен?

– Нисколько, мистер Баррикон. – Мисс Блэквел махнула рукой. – Я еще не практикую официально.

В экипаже, который они наконец остановили, Элизабет с грустью проговорила:

– Чувствую себя такой беспомощной. Мне кажется, я обманула надежды этой несчастной женщины и ее мужа.

Джемайна коснулась ее руки.

– Не стоит так огорчаться. Думаю, гораздо хуже, когда врачи обманывают самих пациентов, а не их надежды, которых нет.

– Возможно, но я являюсь представительницей медицины, а люди смотрят на врачей, как на чудотворцев. Мои наставники в Дженивском колледже часто повторяли, что мы на пороге значительных открытий в медицине и рано или поздно научимся лечить большинство нынешних болезней. Я ничем не могу помочь сейчас и с горечью думаю: сколь-

ко людей безвременно умрет, прежде чем наступят эти дни! Как-то я поинтересовалась у одного из преподавателей, когда, по его мнению, придет это долгожданное время. Он ответил – может быть, через сто лет. – Она печально рассмеялась. – Через сто лет! О Боже!

– Но по крайней мере сейчас, когда вы стали врачом, у вас есть возможность сделать доброе дело.

– Надеюсь, что так. Поэтому я должна получить практику в больнице и ради этого еду в Париж.

– Вы бывали там раньше?

– Нет, только в Англии. Я родилась там, вы знаете.

– А я только недавно вернулась из Парижа. Пока они добирались до отеля, где остановилась доктор Блэквел, Джемейна рассказывала ей о достопримечательностях Парижа.

Выйдя из кареты перед отелем, Элизабет сказала:

– Благодарю вас, Джемейна, за поддержку.

– Напишите мне подробно о вашей работе в Париже, когда будет время. Я хочу собрать материал для статьи, которая, надеюсь, поможет открыть дорогу другим женщинам для медицинской практики в нашей стране.

– Обязательно напишу.

На следующее утро Джемейна, полная решимости, снова вошла в кабинет Сары. Прежде чем она начала говорить, Сара перевела разговор на другую тему, будто чувствовала, что задумала Джемейна:

– Что произошло вчера, когда Элизабет посетила жену

Уоррена? Надеюсь, Уоррен пришел сегодня утром на работу, хотя я его еще не видела, так как была очень занята.

Джемайна подробно рассказала обо всем.

Сара выглядела расстроенной.

– Бедный Уоррен! И его жена. Так не хотелось бы терять его, он очень ценный работник. Но думаю, он должен поступить, как сочтет нужным.

– Не знаю, что решил Уоррен. Он сказал, ему надо подумать.

– Печально, печально! – Сара покачала головой. – Ты принесла мне рукопись, Джемайна?

– Целых две. О мадам Роланд и об Абигейл Адаме. – Джемайна положила листы бумаги на стол.

– Быстро ты управилась с ними, должна сказать.

– У меня была на это причина. Я много работала, чтобы поскорее закончить их. – Джемайна села напротив, внимательно глядя на Сару. – Сара, помнишь письмо, которое я послала тебе перед отъездом из Нью-Йорка в Париж? Ты получила его?

Сара вздохнула, сложив руки на столе.

– Да, дорогая, я получила твое письмо.

– Ты ни разу не упомянула о нем после моего возвращения, поэтому я не была уверена.

– Не упоминала, потому что надеялась, ты передумаешь и твой пыл охладет. Впрочем, я знала, что это маловероятно.

– Сара, необходимо разоблачить это зло. Я могу нанять-

ся на одну из фабрик Гилроя и собрать материал для серии статей.

– Полностью согласна, что это зло, которое должно быть публично осуждено. Но не в «Ледиз бук», Джемайна.

– Почему нет?

Сара покачала головой, весь вид ее говорил о крайнем раздражении.

– Джемайна, мы не касаемся подобных проблем. «Ледиз бук» – семейный журнал. Более того, он для женщин. Статьи, которые ты собираешься предложить, имеют социальную направленность и вызовут скандал. Мы не публикуем подобных материалов. Я уже не раз говорила тебе об этом! Тысячи наших читателей могут аннулировать подписку.

– Разве ты не говорила и то, что, публикуя острый материал вместо легких рассказов, мы можем расширить круг читателей?

Сара нахмурилась.

– Раньше я делала скидку на твою молодость и неопытность, Джемайна, – сурово предупредила она. – Но мое терпение истощается. Луис Гоуди и я уже много лет занимаемся издательским делом, и нам лучше известно, какие материалы нужны нашим читателям.

– Ты говорила, что надеешься на реализм в нашем журнале – правдивое отражение действительности! – воскликнула Джемайна.

– Я имела в виду всестороннюю объективность наших ав-

торов в отражении действительности, а не критику с их стороны. Нам не нужны скандальные статьи, которые ты предлагаешь.

– Вернувшись из Парижа, я выяснила, что «Леджер», газета Оуэна, публиковала статьи о фабриках по пошиву одежды еще в 1836 году. Я могу дословно процитировать один из абзацев: Одежда массового пошива, материал которой стоит двадцать пять центов, а изготовление чуть больше, продается по три доллара. Это означает, что хозяева получают около пятисот процентов прибыли. В статье говорится, что те, кто эксплуатирует женский труд, наживают огромные состояния.

– «Леджер» – газета, а мы издаем журнал, – заметила Сара. – Читатели «Леджер» не наши читатели, Джемайна.

– Я также узнала, что ты, будучи редактором «Ледиз мэгэзин» в Бостоне, боролась с недобросовестными изготовителями дешевой одежды. И победила в этой борьбе!

– Вижу, ты преуспела в своих исследованиях, – сказала Сара с холодной улыбкой. – То, что ты говоришь, правда. Но правда и то, что я не использовала «Ледиз мэгэзин» для дискуссий. Свою борьбу я вела вне журнала.

Джемайна бессильно откинулась назад на своем стуле.

– Как же мне переубедить тебя?

– Не удастся, дорогая Джемайна. Мне нравится, что ты испытываешь сострадание к угнетенным, твой пыл и рвение, однако должна предупредить тебя: оставь эту тему для муж-

чин. Они преуспели в подобной журналистике. Это не для женщин, по крайней мере сейчас. Да я не сомневаюсь, что так же останется и в будущем.

Джемайна снова вспыхнула:

– Но это неправильно! Женщины хотя бы должны получить такую возможность! Ведь ты сама, Сара, всегда защищала права женщин.

Сара покачала головой:

– Боюсь, ты неверно понимаешь меня. Я не защищаю права женщин на скандальные дела. Это феминистки открыто борются за равенство женщин во всех областях жизни, но я никогда не разделяла их взглядов. По-моему, такая борьба только вредит женственности. Не так давно я написала передовую статью, в которой выразила взгляд «Гоудиз ледиз бук» на проблемы женщин. – Сара сурово нахмурилась. – Хочу еще раз предупредить тебя. После случая с Эттой Гоуди держит тебя в редакции только из милости. Если до него дойдет то, что ты задумала, я ничем не смогу помочь, и тебе придется расстаться с нами.

Джемайна задумалась. Оуэн снова оказался прав, и это раздражало ее. Девушка была убеждена: если бы Сара позволила ей осуществить задуманное и статьи получились бы достаточно хорошими, редактор добилась бы у мистера Гоуди их публикации. Но теперь ясно, что Сара никогда не пойдет на это.

Джемайна оторвалась от своих мыслей, так как Сара снова

заговорила.

– Прошу прощения?

– Я сказала, что надеюсь, мы в последний раз беседуем на эту тему.

– Да, Сара, – мрачно согласилась Джемайна.

– Превосходно! – Сара взяла рукописи. – Я почитаю.

Джемайна встала и направилась к двери.

– Джемайна?

Девушка остановилась и обернулась.

– Я знаю, что ты сейчас чувствуешь, и очень сожалею. Когда ты станешь старше и мудрее, то поймешь: жизнь полна разочарований, больших и маленьких. Мы должны принимать ее, как повелел Бог, и терпеть.

Выйдя из кабинета, Джемайна снова почувствовала злость и решимость все же осуществить задуманный проект.

Занятая своими мыслями, она столкнулась с кем-то в коридоре и едва не упала, но тут ее подхватила пара сильных рук.

– Прошу прощения, Джемайна, – сказал Уоррен Баррикон. – Я чуть не сбил тебя.

– Я сама виновата, Уоррен. Совсем не вижу, куда иду.

Он посмотрел на нее серьезным взглядом.

– Я, направляюсь в кабинет мистера Гоуди. Прошлой ночью Элис и я обо всем переговорили и пришли к решению.

Джемайна постаралась проявить интерес:

– И что же это за решение, Уоррен?

– Хочу последовать совету доктора Блэквел и увезти Элис в Нью-Мексико. Мы скопили немного денег. Думаю, их будет достаточно, чтобы организовать издание новой газеты в городе, где мы остановимся. Возможно, переезд не поможет Элис, но я должен воспользоваться шансом.

– О, уверена, все будет хорошо, Уоррен. – Джемайна улыбнулась. – Однако мы все будем скучать без тебя.

– И ты тоже, Джемайна?

– Конечно, Уоррен, – заверила она, чувствуя угрызения совести.

– Знаю, что буду тосковать по тебе. Я никогда не забуду тебя, Джемайна. Ты будешь писать мне?

– Естественно. Напиши мне, когда устроитесь на новом месте, и мы будем регулярно переписываться. Мне очень интересно, как сложатся дела у тебя и твоей жены.

Казалось, Уоррен хотел сказать еще что-то. Затем покачал головой и только произнес:

– Я еще не прощаюсь, так как мы уедем через несколько дней.

Когда Хестер вернулась с работы домой, она обнаружила, что Джемайна упаковывает дорожную сумку.

– Куда ты собралась?

– Я еду в Нью-Йорк с новым заданием редакции f – солгала Джемайна, глядя в глаза тети и моля Бога, чтобы она больше ни о чем не спрашивала ее.

Хестер улыбнулась:

– Ты становишься путешественницей. Позволь помочь тебе. Ты никогда не умела как следует уложить вещи.

Глава 21

Жизнь в Нью-Йорке кипела, и Джемайна почувствовала здесь прилив энергии. Она сняла номер в отеле, затем отправилась по имеющемуся у нее адресу искать дом Мэриголд Тайлер. Девушка надеялась, что эта женщина все еще живет там. Она намеревалась воспользоваться помощью Мэриголд для осуществления задуманного.

Адрес указывал на район меблированных комнат, недалеко от Хестер-стрит. Здание находилось в жалком состоянии. Внутри было темно, пахло не очень свежими продуктами и еще чем-то неопределенным. Уверенность Джемайны колебалась, когда ей пришлось продвигаться по мрачному коридору.

Комната Мэриголд была расположена на третьем этаже, и Джемайна осторожно поднималась по темной лестнице. Где-то в середине подъема она споткнулась и упала на колени. Потребовалось все ее мужество, чтобы подняться на ноги и продолжить путь.

Наконец после, казалось, бесконечных поисков она нашла нужную дверь. Джемайна дважды постучалась и услышала шаркающие шаги. Дверь со скрипом отворилась, и она увидела усталое лицо Мэриголд Тайлер. Женщина смотрела на гостью, не узнавая ее. В комнате заплакал ребенок.

– Миссис Тайлер? – обратилась к ней Джемайна. – Вы

помните меня, Джемайну Бенедикт?

– Кто вы? – Вдруг лицо женщины просветлело. – О, да! Вы та самая леди, которая посочувствовала мне, когда мистер Гилрой вытолкал меня из своей мастерской.

– Могу я войти?

Мэриголд, немного поколебавшись, отступила назад, держа дверь открытой, и Джемайна вошла. В квартире имелась только одна комната со скудной мебелью. В углу стояла небольшая плита, служившая одновременно и для обогрева, и для приготовления пищи. На единственной кровати лежали два маленьких ребенка. Приглядевшись, Джемайна увидела приподнявшуюся взъерошенную голову и испуганные глаза, устремленные на нее.

Мэриголд беспомощно развела руками:

– Прошу прощения за беспорядок, но я только недавно пришла с работы, к тому же один из малышей опять заболел.

– Ради Бога, не надо извиняться. Я вообще не представляю, как вы управляетесь со всем этим. – Джемайна была поражена нищетой и убожеством меблированных комнат. В помещении скопилась многолетняя грязь, которую невозможно, казалось, выгрести, даже если и были бы на это деньги и время.

Мэриголд убрала одежду с одного из стульев и жестом предложила Джемайне сесть.

– У меня есть чай, если хотите, мисс Бенедикт. Он не крепкий, но это лучшее, что я могу себе позволить.

– Пожалуйста, зовите меня просто Джемайна, Мэриголд. И я хотела бы выпить чаю, спасибо.

Несколько минут спустя они сидели напротив друг друга и пили чай.

– Вы говорите, что работаете? – спросила Джемайна. – Теперь, конечно, не у Лестера Гилроя?

Мэриголд покачала головой:

– О нет. Но человек, у которого я работаю, ничуть не лучше. Плата за работу та же, хотя мастер не такой вредный, как Берг Конрой.

Джемайна сделала глоток чая.

– Мэриголд, могу я быть уверена, что вы сохраните в секрете то, что я вам сейчас скажу?

– Конечно, мисс... Джемайна. Никогда еще никто не был так добр ко мне, как вы.

– Кажется, я говорила, что работаю журналисткой. Так вот, я здесь, чтобы помочь вам. Конечно, не сразу, но я намерена написать ряд статей и рассказать об ужасных условиях, которые приходится терпеть работницам, изготавливающим одежду. Когда статьи будут опубликованы, я уверена, общественность поднимет шум и потребует изменения условий.

Мэриголд смотрела на нее с сомнением, а Джемайна продолжала:

– Чтобы достичь поставленной цели, мне необходимы ваше доверие и помощь.

Мэриголд выглядела смущенной.

– Была бы рада помочь, но что я могу?

– Во-первых, мне нужно получить несколько уроков шитья. – Джемайна улыбнулась. – Я немного училась шить дома, но этого недостаточно.

На лице женщины отразился ужас.

– Неужели такая прекрасная леди, как вы, хочет стать швеей!

– Вы должны помочь мне научиться шить так, чтобы я не отличалась от остальных работниц. – Джемайна тщательно продумала все до мелочей. Она сможет написать свои статьи более правдиво, если поговорит с женщинами и детьми, работающими в мастерских. Но прежде она должна постичь самую суть их жизни, ощутить тяжесть их ужасного труда. Поэтому какое-то время ей необходимо пожить и поработать среди них. – Когда я попрошусь на работу к Лестеру Гилрою, надо, чтобы он увидел во мне еще одну несчастную женщину, подобную вам, Мэриголд.

– К мистеру Гилрою? – Мэриголд испуганно отшатнулась от нее. – Нет, Джемайна, умоляю вас не делать этого! Это очень опасный человек. Если Гилрой узнает, кто вы, он способен сделать все что угодно. В других мастерских на Хестер-стрит тоже будут недовольны, если узнают, чем вы занимаетесь, но там вам по крайней мере не причинят вреда.

– О, думаю, маловероятно, что Гилрой причинит мне физический вред. Кроме того, надеюсь, что он не разоблачит меня. Я буду для него просто еще одной работницей. К тому

же проработаю у него не больше двух недель.

Мэриголд посмотрела на одежду Джемайны.

– В таком наряде он никогда не возьмет вас в швей.

– Я переоденусь. Надеюсь, вы покажете мне, как нужно одеться, чтобы не выделяться среди остальных? – Она наклонилась вперед. – Ведь вы поможете мне, Мэриголд? Я знаю, у вас мало времени, но если вы посвятите мне несколько вечеров и, может быть, воскресенье... Я не рассчитываю стать мастерицей, способной зарабатывать себе на жизнь шитьем, но думаю продержаться в мастерской некоторое время. О... вы не будете учить меня бесплатно, я хорошо заплачу!

При упоминании о деньгах лицо Мэриголд просветлело.

– Могу я получить деньги сейчас, чтобы пригласить врача для маленькой Молли?

– Конечно. – Джемайна открыла сумочку и протянула Мэриголд деньги, которые та приняла без всякого стеснения.

– О, спасибо, Джемайна! Вероятно, вы посланы к нам Богом. Не знаю, как благодарить вас.

Джемайна улыбнулась и похлопала женщину по руке.

– Вы можете отблагодарить меня так, как я просила. На эту ночь я остановилась в отеле, но мне нужно жилье, подобное этому. Вы не знаете, есть ли здесь свободная комната?

– Да, как раз рядом со мной. Она стоит один доллар в неделю. Но вы уверены, что хотите поселиться здесь? Это слишком жалкое место для такой изысканной леди.

– Мэриголд, вы должны перестать думать обо мне как о

леди, – заявила Джемайна строгим голосом. – По меньшей мере недели три я – одна из работниц, и вы должны думать обо мне соответствующим образом. Если я не смогу перевоплотиться, то потерплю неудачу с самого начала.

Джемайна сняла комнату рядом с комнатой Мэриголд и переехала в нее. Она не стала обращаться к владельцу дома как леди, чтобы не вызвать у него подозрений. С помощью Мэриголд Джемайна купила два комплекта подержанной одежды с заплатками, какую обычно носили работницы швейных мастерских.

Комната, которую она сняла, имела жалкий вид. Обстановка была убогой, а ужасно неудобная кровать кишела тараканами и блохами. В помещении имелось всего лишь одно маленькое окошко, через которое почти не поступал воздух, отчего здесь всегда было душно.

Первую ночь Джемайна вообще не спала из-за духоты и тревожных мыслей, роившихся в голове. Утром она уже почти решила отказаться от своих планов, во всяком случае, от взятой на себя роли. Затем подумала о тысячах женщин и детей, которые не только живут в таких квартирах, но при этом еще и работают по двенадцать и более часов в день. Джемайна знала: если она сдастся сейчас, то ей придется всю оставшуюся жизнь укорять себя за малодушие.

Всю следующую неделю Джемайна проводила дни с детишками Мэриголд, приглядывая за ними, пока мать находилась на работе. Девушка предложила заплатить Мэриголд,

чтобы та могла оставаться дома в течение недели, но женщина с ужасом отказалась от предложения.

– Если я не появлюсь на работе целую неделю, то потеряю ее, – объяснила она. – А потом что я буду делать, когда вы уедете?

Мэриголд продолжала ходить на работу каждый день, а Джемайна поближе познакомилась с ее детьми. Старшему, Роберту, было семь лет. Его так называли в честь отца, с гордостью сообщила Мэриголд. Молли исполнилось пять. Деньги Джемайны пошли на несколько визитов врача, и теперь малышка чувствовала себя хорошо. Однако оба ребенка выглядели недокормленными и бледными из-за постоянного пребывания в помещении. Днем Джемайна выводила их погулять, покупала им сладости. Девушка очень привязалась к детишкам и представить себе не могла, что же с ними будет дальше. Неужели, когда они подрастут, им придется работать на фабрике, как их матери?

Она мало чем могла им помочь. Уезжая из Нью-Йорка, Джемайна могла бы дать Мэриголд немного денег, но это лишь временно облегчило бы ее жизнь. Самое лучшее все же написать злободневные статьи, чтобы возбудить общественное мнение. Тогда, возможно, что-нибудь изменится и будущее Роберта и Молли будет не таким мрачным.

Проводя много времени с детьми, Джемайна стала задумываться о материнстве. В ней проснулась необычайная любовь к малышам, о которой она даже не подозревала.

Интересно, а как Оуэн относится к детям? Она вспомнила, как он беспокоился, что однажды их сын может узнать о незаконном происхождении отца.

Девушка проводила вечера в комнате Мэриголд. Они вместе ужинали, причем продукты обычно покупала Джемайна. Затем, когда дети укладывались спать, Мэриголд учила ее шить рубашки, которые выпускал Лестер Гилрой.

Вскоре Джемайна поняла, какая это трудная, утомительная работа, совсем не похожая на знакомый ей мелкий ремонт одежды или перешивание пуговиц. Ее пальцы, исколотые иглой, сильно болели. Однако она продолжала учение и вскоре стала если не настоящей мастерицей, то по крайней мере швеей, способной продержаться на работе хотя бы неделю.

Наконец обе женщины решили, что Джемайна готова к испытанию. Утром в понедельник второй недели пребывания в Нью-Йорке она отправилась наниматься на работу в мастерскую Лестера Гилроя. Девушка старалась успокоить себя и Мэриголд, хотя ужасно волновалась. Выдержит ли она все это? Не узнает ли ее Гилрой?

К счастью, она не встретила с хозяином, так как его не было в мастерской, когда она пришла наниматься на работу. Вместо него ей пришлось иметь дело с Бертом Конроем, низкорослым, плотным мужчиной с лохматыми бакенбардами, который хрипло кашлял.

Было только начало седьмого, а женщины уже склонились

над своими рабочими столами, пальцы их проворно порхали над шитьем. В помещении было жарко и душно, и Джемайна засомневалась, сможет ли выдержать такие условия. Но тут же, напомнив себе, ради чего она здесь, сказала:

– Милостивый сэр, я ищу работу. Я очень нуждаюсь в ней.

Конрой молча изучал ее некоторое время своими пронзительными карими глазами. С помощью Мэриголд Джемайна постаралась принять самый непривлекательный вид. Волосы ее полностью закрывала косынка, поношенное платье скрывало фигуру. Мэриголд предупредила, что Конрой охотится за милovidными девушками, поглаживая и пощипывая их, и они вынуждены терпеть унижение, иначе рискуют быть уволенными.

Наконец Конрой спросил своим грубым голосом: – У тебя есть опыт изготовления мужских рубашек?

– Нет, сэр, – робко ответила Джемайна. Мэриголд объяснила ей, что Гилрой предпочитает нанимать неопытных работниц, так как в этом случае он платит меньше за каждую рубашку, а если изделие новой работницы не отвечает стандарту, он легко избавляется от нее. – Но я училась шить у своей матери в Бостоне.

– Это совсем другое дело, – сказал Конрой, кашляя ей прямо в лицо. – Здесь очень тяжелая работа, и если мы сочтем, что ты работаешь недостаточно хорошо, ты немедленно окажешься на улице. У нас нет места бездельницам.

– Я хорошая работница, сэр, – произнесла Джемайна с

мольбой в голосе, хотя испытывала желание дать пощечину этому головорезу. – Я нуждаюсь в работе. Пожалуйста, сэр.

– Ты знаешь, мы платим сдельно. Если будешь работать медленно, много не заработаешь. – Он кашлянул. – Ученицы получают десять центов за рубашку.

Джемайна почувствовала закипающий внутри гнев. Она знала, что Конрой рассчитывал на ее неопытность. Обычная цена за рубашку даже в самых худших мастерских составляла двадцать пять центов, что само по себе было очень мало. Она постаралась скрыть свои чувства.

– Это устраивает тебя, девушка? Джемайна проглотила подступивший к горлу ком.

– Да, сэр.

– Как тебя зовут?

– Ида Морган, сэр.

– Хорошо, Ида. У нас как раз есть свободный стол. Ты принесла ножницы и наперсток?

– Нет, сэр. Я не знала...

– Все наши швеи должны иметь свои инструменты, – предупредил он ворчливым голосом. – Я раздобуду для тебя ножницы и наперсток, но ты должна будешь заплатить за них из своего заработка. А теперь пойдем, Ида.

Он подвел ее к свободному столу. Джемайна вынуждена была потеснить двух женщин, которые работали локоть к локтю за соседним столом. Никто из работниц в комнате не поднял головы, чтобы посмотреть на Джемайну, когда она

вошла в мастерскую. Узкий стул, предназначенный ей, был жестким, с прямой спинкой.

Через минуту Конрой вернулся с кипой деталей раскроенных рубашек. Кроме этого, он принес ножницы, наперсток, две иглы и нитки.

– Поначалу мы выдаем иглы, Ида, но если ты сломаешь иголку, то новую получишь за свой счет. От тебя требуется сшить детали рубашек. Пуговицы будет пришивать другая работница.

Как только Конрой ушел, одна из женщин заговорила с Джемайной. Она сказала, не отрываясь от работы и не поворачивая головы:

– Их иглы легко ломаются, поэтому они не требуют от нас приобретения собственных.

Джемайна взглянула на нее. Это была женщина средних лет с усталым, каким-то помятым лицом, ее тонкие пальцы умело орудовали иголкой.

– Не смотри на меня, милочка, – предостерегла женщина тем же глухим голосом. – Если этот негодяй Конрой заметит, он сразу выкинет тебя на улицу. Здесь существует правило смотреть только на свою работу и никуда больше. Конрой не обращает внимания на разговоры, если они не мешают работе. Скоро ты научишься работать и разговаривать одновременно. Меня зовут Мэй Картер.

– А я. – Ида Морган. – Джемайна взяла иголку с ниткой и начала шить.

– Мне жаль тебя, Ида, если ты вынуждена взяться за такую ужасную работу.

– Как долго ты работаешь здесь?

– Уже два года.

Джемайна осторожно делала стежки на рубашке.

– Если здесь так плохо, почему ты продолжаешь работать?

– Все очень просто объясняется, милочка. – Проворные пальцы женщины ни на секунду не останавливались, она делала стежок за стежком. – Я должна кормить прикованного к постели мужа.

– Но почему здесь, в этих ужасных условиях? Существует ведь много других мастерских.

– Большинство из них платит за день или за неделю. Я же предпочитаю сдельную работу. Я шью быстрее всех на Хестер-стрит, – объяснила Мэй Картер с явной гордостью. – Гилрой знает это и потому платит мне за каждую рубашку на десять центов больше, чем остальным. В любой другой мастерской я не буду получать дополнительную плату. В мастерских с дневной или недельной оплатой не производят такого количества рубашек в день, как у Гилроя на сдельной. Конечно, здесь ужасные условия, но и в других мастерских не лучше. Поскольку Гилрой не хочет потерять меня, Конрой относится ко мне снисходительно. Ты должна быть осторожной с ним. Он не пропускает хорошеньких девушек.

– Не думаю, чтобы это способствовало росту производительности труда.

Мэй тихо рассмеялась.

– Он пристаёт к работницам, когда Гилроя нет поблизости.

– Гилрой? Это хозяин?

– Лестер Гилрой, да. У него несколько мастерских на этой улице, поэтому он приходит и уходит. Гилрой не особенно беспокоит нас, чтобы не мешать работе. Тем не менее он способен, как и Конрой, ущипнуть за задницу.

Джемайна израсходовала нитку в иголке и начала вдевать другую.

– Не трать на это время, милочка. – Мэй повысила голос. – Билли, иголку!

В ту же минуту около стола Джемайны появился мальчик не более семи или восьми лет, худой, с огромными голубыми глазами на бледном истощенном лице. Мальчик взял иглу, которую Джемайна положила на стол, и ловко вдел в нее нитку.

После того как он ушел, Джемайна посочувствовала:

– Бедный малыш. Он выглядит полуголодным. Мэй пожалала плечами:

– Возможно. Но это лучше, чем быть совсем голодным. По крайней мере здесь он зарабатывает себе на жизнь. Иначе в одно прекрасное утро его нашли бы мертвым на дороге.

Джемайна украдкой оглядела мастерскую.

– А что делать, если кому-то захочется в туалет.

– В задней части помещения есть уборная.

– Я не видела, чтобы кто-нибудь покидал свое рабочее место, пока нахожусь здесь.

– Они не осмеливаются просить разрешения у Конроя, – коротко усмехнулась Мэй. – Ждут перерыва на ленч.

– Это же ужасно! – воскликнула Джемайна. – Как можно терпеть, особенно пожилым женщинам?

– Да. Но до этого никому нет дела.

Затем они помолчали, пока Джемайна переваривала эту информацию, размышляя, включить ли ее в будущую публикацию. Ей потребовался час, чтобы закончить рубашку. Девушка заметила, что Мэй сделала за это время две.

Джемайна со вздохом отложила готовую рубашку в сторону.

– Одна наконец готова.

Она начала подбирать детали для другой, но Мэй сказала:

– Не надо, Ида. Ты должна позвать Конроя, чтобы тот проверил рубашку, прежде чем начинать другую. Возможно, тебе придется доработать эту.

Джемайна позвала:

– Мистер Конрой, я закончила рубашку! Конрой подошел.

– Слишком долго. – Он взял рубашку, потянул за рукава, за бока и наконец проворчал: – Будем считать готовой. Но тебе надо ускорить темп, девушка, иначе до конца дня ты не заработаешь даже на ножницы и наперсток.

Когда он ушел, Джемайна заметила:

– Он не стал проверять твои рубашки, Мэй.

– В этом нет необходимости. Он знает, бесполезно тратить время, чтобы разорвать мои швы.

Вскоре пальцы Джемайны разболелись от уколов иглы, а спина и ноги – от долгого сидения склонившись над столом. Тусклый свет проникал через узкие подвальные окна, и в помещении царил полумрак, отчего глаза были в постоянном напряжении. Джемайна чувствовала сухость во рту и жжение в пояснице, несколько раз у нее затуманивались глаза, и она ничего не видела.

К полудню жара в мастерской стала невыносимой, хотя два окна были открыты. В неподвижном воздухе летали крошечные частички ткани, попадая в глаза, нос и вызывая зуд.

На лбу у Джемайны выступил пот, который стекал на глаза, затрудняя работу. Она вытирала его пальцами, раздраженно ворча.

Обратившись к Мэй, Джемайна спросила:

– Неужели они не могут прибавить света?

– Масляные лампы стоят денег, милочка. Конрой говорит, что если не можешь шить при Божьем свете, то следует заняться чем-нибудь другим. Правда, зимой он зажигает одну или две лампы.

– Мне кажется, здесь при таком освещении можно быстро потерять зрение.

– Верно, милочка. Так и случилось с женщиной, которая работала раньше за твоим столом. Ее зрение настолько испортилось, что она больше не могла орудовать иглой.

– Что же будет с ней?

– Думаю, попадет в приют, – предположила Мэй, пожав плечами. – Если ее возьмут.

Прежде чем Джемайна успела ответить, зазвонил звонок. Вздрогнув, она обернулась и увидела Берта Конроя.

– Что это, пожар? – поинтересовалась она.

– Нет. – Мэй поднялась из-за стола. – Перерыв на ленч. Нам отводится двадцать минут.

– А где вы едите?

– Приносим кое-что с собой. У нас нет денег на ресторан. Ты захватила ленч?

– Нет, я не подумала об этом. Не могу есть в такой жаре и среди этих запахов. – Джемайна увидела, как и другие швеи встали. – Неужели здесь можно принимать пищу?

Мэй засмеялась:

– В теплые дни мы обычно едим на ступеньках лестницы снаружи, а зимой – здесь. Что касается жары и запахов, ты скоро привыкнешь.

Джемайна заметила, что многие женщины направились в заднюю часть помещения и образовали очередь в туалет. Джемайна и Мэй решили подождать и вышли наружу. Усевшись рядом с Мэй на ступеньках, Джемайна увидела Берта Конроя, направлявшегося вверх по улице.

– Куда идет мистер Конрой? – спросила она.

– О, он питается в хорошем ресторане, – ответила Мэй. – И слава Богу, Ида! Эти двадцать минут – единственное вре-

мя, когда Конрой не присматривает за нами.

Джемайна заметила, что женщины с радостью воспользовались отсутствием мастера. Они болтали друг с другом, жалуясь на Лестера Гилроя и Берта Конроя. Девушка незаметно прислушивалась к их разговорам. Как ей хотелось сейчас же взяться за перо и бумагу! Но придется все запомнить. Работницы выражали недовольство низкой заработной платой, тяжелыми условиями труда и склонностью Конроя приставать к женщинам помоложе.

Прежде чем истекли двадцать минут, Джемайна прошептала Мэй:

– Я слышала все, о чем вы здесь говорили. Почему бы вам не пожаловаться кому-нибудь, а не друг другу?

Мэй недоверчиво посмотрела на нее:

– Кому? Копрою или Гилрою? Кое-кто пытался сделать это и оказался за дверью, не успев вымолвить и слово.

– Может быть, обратиться к властям?

– Некоторые обращались, по жалобы всегда возвращались назад к Гилрою. – Мэй усмехнулась. – Властям наплевать на стоны, раздающиеся на Хестер-стрит.

Разговор был прерван появлением Берта Конроя, который неожиданно возник на верхней ступеньке лестницы. Его тень упала на Джемайну, отчего девушка, несмотря на жару, ощутила холод.

Конрой резко хлопнул в ладоши:.. – Пора возвращаться к работе, леди! Вы уже достаточно побездельничали.

Джемайна не помнила, чтобы когда-либо так уставала. В этот вечер, возвращаясь домой, она едва передвигала ноги, и лестница на третий этаж показалась ей бесконечной.

Она вошла к себе в комнату, умылась холодной водой и переоделась. Затем вошла в соседнюю квартиру. Мэриголд уже была дома и готовила ужин.

Дети подбежали к Джемайне, Мэриголд также устремилась к ней, вытирая руки о фартук. Впервые Джемайна заметила, как расцвели Мэриголд и ее дети за эту короткую неделю, что она была с ними. Благодаря хорошей пище они прибавили в весе, и лица их порозовели. Что ж, хоть какая-то польза от нее!

– Как прошло испытание, Джемайна? – поинтересовалась Мэриголд.

Джемайна со вздохом опустилась на ближайший стул, усадив детей себе на колени.

– Ужас, Мэриголд! Не представляю, как вы все это выдерживаете.

– Я боялась за вас. Мне никогда не забыть мои первые дни в мастерской.

– Разве потом становится легче?

– Немного. Кое к чему привыкаешь. Однако... – Мэриголд отвернулась. – Ужин готов. Горячая еда вас немного

взбодрит, а потом немедленно ложитесь спать.

Джемайна не могла сразу после ужина лечь спать как ей хотелось. Она сидела до полуночи, записывая все, что видела и слышала за день, пока глаза не начали слипаться. Девушка не решилась отложить записи, опасаясь, что может упустить что-нибудь важное.

На следующее утро, встав в пять утра, она чувствовала себя совершенно разбитой.

И так каждый день. Сначала она сидела двенадцать часов, согнувшись над шитьем и до крови искалывая пальцы, затем приходила домой и писала, пока не засыпала.

Ее охватывало растущее волнение. Первая статья уже начала складываться у нее в голове. Джемайна чувствовала, что это будет лучший материал из того, что она до сих пор делала. Ради этого стоило рисковать и терпеть муки.

Лестер Гилрой довольно часто заходил в мастерскую и, казалось, не замечал ее. Джемайна также старалась не показываться хозяину на глаза, чтобы не выдать свою ненависть.

Во время коротких перерывов на ленч она ухитрялась обсудить с работницами их положение, и женщины, ничего не подозревая, свободно высказывались обо всем. Они были рады выговориться, и Джемайна выслушивала ужасные истории не только о Гилрое, но и о других владельцах швейных мастерских. В отличие от Мэй Картер мало кто из женщин подолгу задерживался на одном месте. Они постоянно искали новую работу, надеясь на более высокую заработную пла-

ту и лучшие условия труда, но редко находили их.

Ради задуманного ею дела Джемайна мужественно терпела страдания. В конце первой недели она определила, что еще одной будет достаточно, чтобы собрать исчерпывающий материал. Но настал тот роковой день, когда Лестер Гилрой узнал ее.

– Ты здесь находишься под фальшивым предлогом, девушка, и я хочу знать об истинной цели твоего пребывания, – проревел хозяин мастерской, жестом приказав Джемайне встать со стула. – А сейчас ты пойдешь со мной!

Глава 22

Гилрой и Конрой вели Джемайну к лестнице на первый этаж в конце подвала. Первое потрясение прошло, и девушка остро осознала, что ей грозит опасность.

– Куда вы меня ведете? Вы не имеете права! – воскликнула она.

– Это моя мастерская, и я имею право делать здесь все, что захочу, – проговорил Гилрой скрипучим голосом. – А теперь иди вперед и не делай глупостей.

– Не пойду!

Она попыталась повернуть назад, но Гилрой скомандовал:

– Берг!

Тот крепко схватил Джемайну за талию.

– Не суетись, девочка. Пойдем по-хорошему, или я поволоку тебя.

Джемайна бросила отчаянный взгляд в комнату. Все женщины, кроме одной, склонились над своими рабочими столами. Мэй Картер обернулась и наблюдала за ними.

– Мэй! – крикнула Джемайна. – Помоги мне! Конрой потной рукой зажал ей рот и поволок вверх по лестнице. Девушка отчаянно сопротивлялась, но Конрой был гораздо сильнее ее. От него исходил кислый запах немытого тела, вызывающий тошноту, и Джемайна была близка к обмороку, когда они достигли верхней площадки.

Гилрой открыл дверь и посторонился, в то время как Конрой потащил Джемайну вперед. Затем Гилрой закрыл дверь и запер ее на задвижку;

– Веди ее в мой кабинет, Берт.

Конрой провел ее по короткому коридору и втолкнул в небольшую комнату. Потеряв равновесие, она упала, ударившись головой о дальнюю стену, и на мгновение потеряла сознание.

Джемайна пришла в себя, когда ее подняли и поставили на ноги. Конрой усадил девушку на стул с прямой спинкой и крепко держал ее за плечи. Обстановка в комнате была скудной: бюро с выдвижной крышкой и два стула.

Гилрой встал перед ней, широко расставив ноги, с угрожающим видом.

– А теперь, девочка, поговорим. Зачем ты появилась здесь?

– Хотела заработать на жизнь, как и другие.

– Ты держишь меня за дурака? – рявкнул он. – Я вижу, что ты леди, а не швея.

– У меня наступили тяжелые времена. Спросите мистера Конроя. Я хорошо выполняю работу.

– Качество твоей работы не имеет значения. Ты здесь совсем с другой целью. Ты сразу показалась мне знакомой, как только я увидел тебя. Затем вспомнил. Я видел тебя в Филадельфии в шикарной одежде. Этот газетчик, Оуэн Тэзди, ты как-то связана с ним? Вынюхиваешь здесь что-то для него,

пытаясь собрать информацию, чтобы напечатать обо мне в газетах?

– Это дело не имеет никакого отношения к мистеру Тэзди, – вызывающе ответила она. – Он не знает, что я... – Схватившись, она умолкла.

Гилрой неприятно улыбнулся:

– Тогда кто знает, что ты здесь?

– Очень много людей, и если вы попытаетесь причинить мне вред, они...

– Врешь! Какова бы ни была причина твоего появления здесь, никто не знает, что ты находишься у меня. – Он взмахнул рукой и ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Джемайна ощутила вкус крови на губах. Гилрой наклонился поближе. – Говори! Что ты делаешь в моей мастерской?

Джемайна упрямо поджала губы, чувствуя, как кровь стекает на подбородок.

– Отвечай, проклятая девчонка!

Видя, что Джемайна молчит, Гилрой снова занес над ней руку. Джемайна отчаянно рванулась из рук Конроя и обеими руками схватила Гилроя за локоть, вцепившись пальцами в ткань его рубашки. Гилрой со злостью отдернул руку, пытаясь освободиться. Рубашка разорвалась, обнажив его предплечье.

Конрой снова схватил Джемайну и прижал к спинке стула. Она неотрывно смотрела на обнаженную руку Гилроя, не веря своим глазам. На правом предплечье виднелась татуи-

ровка корабля. Неужели? Однако сотни мужчин могли иметь похожую татуировку...

– На что ты уставилась, девчонка? – прорычал Гилрой. – Никогда не видела татуировку? – Он потер руку. – Ты порвала хорошую рубашку!

Джемайна смотрела ему прямо в лицо. По возрасту он мог быть отцом Оуэна. Теперь же, при ближайшем рассмотрении, она обнаружила некоторое сходство между ними. Черты лица этого человека грубые, в них нет обаяния Оуэна, однако нос такой же формы. И полные губы похожи на губы Оуэна...

– Ты хочешь разглядеть мое лицо! – Гилрой наклонился к ней так близко, что она почувствовала его горячее дыхание. – Так смотри внимательнее, чтобы снова узнать его, если у тебя будет шанс. – Он выпрямился. – Будешь говорить, что ты делаешь в моей мастерской?

В какой-то момент Джемайна была готова рассказать правду, однако вовремя поняла: это будет роковой ошибкой, которая может перечеркнуть все, что она уже успела сделать вопреки предупреждениям друзей. Теперь – правда, слишком поздно – она до конца осознала, что Гилрой действительно опасный человек, способный причинить ей вред и даже убить.

– Я уже говорила, – произнесла она слегка дрожащим голосом, несмотря на все усилия держаться спокойно, – я здесь для того, чтобы заработать на жизнь.

Лицо Гилроя искажилось от гнева, и он поднял руку, чтобы снова ударить Джемайну, затем передумал.

Конрой крепко стиснул пальцы на плечах Джемайны и предложил:

– Можно я немного займусь ею, мистер Гилрой? Она сразу заговорит.

Лестер Гилрой на мгновение задумался, потирая пальцами татуировку. Наконец он отрицательно покачал головой:

– Нет. Я знаю, как хорошо она выглядит на самом деле под этой грязной одеждой. Не будем портить красоту. Я хочу посмотреть на нее без одежды, прежде чем покончить с ней. – Его глубоко посаженные глаза загорелись, и он начал жадно разглядывать девушку. Джемайна вздрогнула и съежилась. – Мы запрем ее в кладовой на ночь. Пусть подумает. Может быть, к утру она будет готова рассказать нам правду. А пока, Берт, – Гилрой махнул рукой, – поговори с женщинами внизу. Разузнай, что им известно об этой красотке. Не задавала ли она им всякие вопросы?

– А что сказать им, куда она делась? – спросил Конрой.

– Ничего не говори, – проворчал Гилрой, – это не их дело.

– Но они могут удивиться, если девушка не вернется назад.

– Ладно, скажи, что мы уволили ее, – злобно усмехнулся Гилрой. – Они привыкли к таким случаям.

– Хорошо, мистер Гилрой. Пойдем со мной, девчонка.

Конрой поднял Джемайну со стула и подтолкнул ее, затем

крепко схватил за руки и повел в самый конец коридора, где остановился у двери. Конрой отпер ее, приоткрыл и втолкнул Джемайну внутрь. Она услышала лязг ключа, снова запирающего дверь.

Джемайна оглядывала свою маленькую тюрьму с растущим чувством отчаяния. Здесь было только крохотное окошко размером с иллюминатор корабля, расположенное под самым потолком. Стекло давно не мыли, и оно пропускало мало света. Однако Джемайна могла рассмотреть, куда ее поместили. Комната была почти доверху набита тюками с одеждой, так что оставался лишь узкий проход посередине.

Она опять посмотрела на окно. Слишком маленькое, чтобы пролезть сквозь него. Возможно, она могла бы сложить тюки, забраться на них, разбить стекло и позвать на помощь...

Джемайна повернулась, услышав лязг ключа в замке, и сердце ее упало от страха, когда она вспомнила алчный взгляд Гилроя.

В дверном проеме появилось улыбающееся лицо Конроя. – Думаю, это может понадобиться тебе. – Носком сапога он подтолкнул в комнату горшок. – Здесь все должно быть в полном порядке. – Его взгляд упал на окно. – Не вздумай разбить стекло и звать на помощь. Окно выходит в глухой переулок, и ни одна живая душа не услышит тебя.

Когда он начал закрывать дверь, Джемайна остановила его:

– Подождите!

Он заколебался, молча глядя на нее.

– Если я буду заперта здесь всю ночь, мне нужна еда и вода.

– Неужели? – сказал он с глухим кашлем. – Мистер Гилрой не отдал распоряжений относительно еды и воды, и его не будет до утра. – Конрой хрипло засмеялся. – Спи, девочка. Утром ты расскажешь все, что хочет знать мистер Гилрой, иначе тебе будет хуже.

Он закрыл дверь и повернул ключ в замке.

Джемайна несколько секунд с отчаянием смотрела на дверь. Затем тряхнула головой, отгоняя отчаяние. Хорошо, что ей хоть спать не придется на жестком полу. Она сдвинула несколько тюков и устроила себе постель. Скинула туфли, расстегнула блузку и начала снимать остальную одежду, ища облегчения от жары. Внезапно она остановилась, снова вспомнив алчный взгляд Гилроя. А вдруг он вернется и застанет ее в таком виде? И попытается изнасиловать...

Свет, пробивающийся сквозь грязное окошко, почти угас. Джемайна легла на тюки, пытаясь устроиться поудобнее и заснуть. Однако, как она ни старалась, ей не удавалось отделаться от мыслей о собственной глупости. Подумать только, отдала себя на милость Лестера Гилроя. Теперь нет надежды на спасение. Швеям в мастерской скажут, что ее уволили. Почему бы им не поверить Конрою? Здесь почти каждый

день кого-то увольняют за малейшую провинность, и если они больше никогда не увидят ее, их это ничуть не взволнует.

В Филадельфии никто не знает, где она. Конечно, она поступила опрометчиво, никому не сообщив, куда направляется. Тетя Хестер думает, что она послана в Нью-Йорк с заданием от «Грудиз ледиз бук», и не будет волноваться, пока не пройдет достаточно времени. А Сара Хейл, несомненно, разозлится. И поделом. Она решит, что Джемайна – своевольная девчонка, взявшаяся не за свое дело, и больше ей не поможет.

К тому же, печально размышляла Джемайна, нет никакой надежды, что «Ледиз бук» опубликует ее статьи, независимо от того, насколько блестяще они будут написаны. Она знала это заранее и тем не менее проигнорировала все предупреждения. Даже если ей каким-то чудом удастся сбежать от Гилроя, все ее мучения окажутся напрасными.

А сейчас она здесь, в ловушке, и вскоре понесет наказание за свою глупость.

Когда окончательно стемнело, Джемайна, мучимая жаждой и голодом, наконец уснула беспокойным сном. Ее преследовали кошмары. Она забилась в угол, и кашляющий Конрой подкрадывался к ней с невероятно большими ножницами, которыми он щелкал, как огромными челюстями.

Затем она оказалась в бесконечном океане, неумолимо преследуемая парусным кораблем. Внезапно корабль превратился в Лестера Гилроя, идущего по воде, подобно ве-

ликану с огромным, обнаженным телом, покрытым татуировками кораблей, которые двигались при каждом движении мышц. Гилрой рычал и непристойно смеялся, приближаясь к ней гигантскими шагами...

Джемайна проснулась с криком, застрявшим в горле. В окошке забрезжил рассвет. Во рту у нее пересохло, и во всем теле ощущался зуд.

Она продолжала тихо лежать, услышав, как хлопнула дверь, а затем раздались тяжелые шаги, от которых слегка завибрировал пол. Шаги приближались!

Девушка поспешно обулась, застегнула блузку и поднялась на ноги, вызывающе приподняв голову. Дверь открылась, ударившись о стену.

В дверном проеме появился Гилрой. Злобно глядя на нее, он вошел в комнату. Он был один.

– Ну, красотка, как спалось?

– Хорошо, – спокойно ответила она.

– Ты готова рассказать, зачем появилась в моей мастерской?

– Я уже все сказала. Когда вы отпустите меня? Мои друзья скоро начнут беспокоиться обо мне.

– Друзья? – насмешливо переспросил он. – Эти женщины, что работают внизу? Это не друзья.

Джемайна посмотрела ему прямо в глаза.

– Мои друзья в Филадельфии.

Гилрой покачал головой, и насмешливая улыбка тронула

его губы.

– Если ты говоришь правду и появилась здесь, чтобы заработать на жизнь, то у тебя нет друзей. В противном случае они не позволили бы тебе работать здесь. А если у тебя действительно есть друзья, значит, ты солгала о причине своего появления здесь. – Он угрожающе шагнул к ней. – Я хочу знать правду. Мне надоело возиться с тобой.

– Я сказала правду. Мне нечего скрывать. Вы должны отпустить меня.

– Я сам решу, когда освободить тебя. Но сначала отдам тебя Конрою. Он знает, как заставить людей говорить. – Гилрой задумчиво посмотрел на нее, и в глазах его промелькнул жестокий огонек. – А после того как Конрой поработает с тобой, ты уже не будешь такой хорошенькой. Но прежде чем он попортит твою красоту, я сам займусь тобой. Я не спал полночи, думая о том, что ты находишься здесь одна, красотка.

Не отрывая от нее взгляда, он закрыл дверь и стал приближаться к ней.

Джемайна вся съежилась от страха. Она отступила назад, решив бороться что есть силы.

Гилрой в два шага оказался рядом. Она закричала и снова отступила назад. Ее ноги натолкнулись на тюки ткани, которые она использовала в качестве постели, и Джемайна упала на них спиной. При падении ее юбка задралась кверху, и девушка поспешно одернула ее.

– Зачем прикрываться, красотка? Сейчас я все увижу.

Джемайна лихорадочно искала возможность убежать от него. Дверь! Он закрыл ее, но не запер. Надо ухитриться проскользнуть мимо него...

Глядя между его широко расставленными ногами, Джемайна увидела, что дверь медленно открылась. Наверное, Конрой!

Вдруг Гилрой, крикнув от боли, обернулся. Девушка едва не задохнулась от радости – это был Оуэн со своей тростью, которую он все еще держал поднятой. Не отрывая взгляда от Гилроя, Оуэн спросил:

– Как ты, Джемайна?

Внезапно ослабев от волнения, она села, прижавшись спиной к стене.

– Слава Богу, все в порядке, ты вовремя появился.

Гилрой резко выдохнул:

– Я знаю тебя! Ты – проклятый газетчик, запятнавший мое имя!

– Я написал о тебе правду, но едва ли запятнал твое имя. Это невозможно сделать.

– Так вот почему эта девчонка здесь. Вы работаете вместе!

– Верно, Гилрой. И за то, что ты сделал с ней, я собираюсь отлупить тебя, негодяй!

Джемайна испуганно переводила взгляд с одного мужчины на другого, все более убеждаясь, что это отец и сын. Возможно, кто-то и не заметил бы сходства, но Джемайна отчет-

ливо видела его. Скуластое лицо Гилроя, мягкая линия рта, эти черты явно похожи.

Гилрой отступил на шаг, сверкая глазами.

– Предупреждаю тебя! Не прикасайся ко мне!

– О, я не хочу пачкать свои руки о таких, как ты, Гилрой. Я намерен использовать вот это. – И Оуэн потряс тростью.

Гилрой слегка наклонился, сунув правую ладонь в сапог. Когда он выпрямился, в его руке сверкнул нож.

– Вот как! – Оуэн тихо присвистнул. – Наконец-то показалось ядовитое жало змеи.

Он нажал кнопку на рукоятке трости, и на конце появилось узкое лезвие.

Едва дыша, Джемайна наблюдала, как мужчины осторожно кружат возле друг друга, подобно фехтовальщикам, сошедшимся в смертельной дуэли.

Было ясно, что Гилрой хорошо владеет ножом. Он делал опасные выпады, а Оуэн двигался с грацией танцора. Каждый раз, когда нож проскакивал мимо, он смеялся Гилрою в лицо, пока тот не пришел в бешенство.

В конце концов Гилрой с ревом бросился на Оуэна, метя ножом ему в живот. Джемайна вскрикнула от ужаса. В последнее мгновение Оуэн отскочил в сторону, и нападавший пролетел мимо, врезавшись в стену под окном. Он мгновенно повернулся и встретился лицом к лицу с Оуэном, который оказался уже рядом с ним. Слегка покачиваясь, Гилрой отчаянно размахивал ножом, чтобы отразить нападение Оуэна.

Тот взмахнул тростью и полоснул Гилроя по запястью, отчего нож выпал из его руки.

– Ну, теперь, приятель, у тебя нет твоего жала, – проговорил Оуэн с язвительным смехом. Он приставил свою трость с наконечником к горлу Гилроя. – Если ты веришь в Бога, Гилрой, то тебе лучше обратиться к нему с молитвой, потому что я собираюсь проткнуть тебя.

– Нет! – воскликнула Джемайна. Она встала между ними, ухватившись за трость.

Оуэн нахмурился.

– Прочь с дороги, Джемайна.

– Нет, Оуэн, не убивай его. Он... – Она уже была готова сказать, что Гилрой его отец, но вовремя остановилась. Если Оуэн узнает об этом, трудно представить, как он поведет себя.

– Не понимаю, – в замешательстве произнес Оуэн. – Если бы я не пришел сюда, он мог бы убить тебя. И ты хочешь, чтобы я отпустил его?

– Бог с ним, – мрачно сказала она. – Я собрала необходимый материал, и когда все узнают, какой он негодяй, это будет достаточным наказанием для него.

Пыл Оуэна немного охладел.

– Как скажешь, дорогая, – пожал он плечами. – Это твое дело. – Все еще держа кончик трости с ножом у горла Гилроя, Оуэн протянул Джемайне руку и начал пятиться вместе с ней к выходу из комнаты. – Мы уходим, Гилрой. Оста-

вайся пока здесь. Если ты надеешься на своего помощника, то должен разочаровать тебя. – Оуэн мрачно усмехнулся. – Я уже пообщался с ним, и он решил немного отдохнуть.

Гилрой смотрел на них в бессильной злобе, пока молодые люди выходили из комнаты. Закрыв дверь, Оуэн обнаружил ключ в замке. Смеясь, он повернул его.

– Пусть посидит здесь. – Оуэн взял Джемайну под руку. – Идем скорее!

Когда они шли по коридору, Джемайна воскликнула:

– Как я рада, что ты появился здесь, Оуэн! Мне всегда казалось, что я могу сама позаботиться о себе, но этот человек – просто чудовище!

– Я предупреждал тебя относительно него, не так ли? – проворчал Оуэн. – Ноты никогда не слушаешь меня.

– Ты был прав, я поступила очень глупо, – смиренно молвила Джемайна, затем оживилась: – Но я все-таки собрала нужный материал, Оуэн. Достаточный, чтобы заставить Гилроя свернуть свои дела. Как ты узнал, что я нахожусь здесь?

– Женщина внизу сообщила, что тебя вчера увлекли наверх. Остальные молчали и даже не взглянули на меня, но та все рассказала.

– Должно быть, Мэй Картер.

Они стали спускаться вниз. Джемайна увидела Конроя, неподвижно лежащего на полу.

Внизу Джемайна направилась к столу Мэй, в то время как все швеи продолжали усердно работать, склонившись над

своими рабочими столами, будто ничего не случилось. Мэй услышала приближающиеся шаги, прервала работу и подняла голову.

Она широко улыбнулась:

– Ну, мистер Тэзди, вижу, вы нашли ее.

– Спасибо, Мэй, – пылко сказала Джемайна. – Возможно, ты спасла мне жизнь.

– Когда вчера ты не вернулась, я хотела сначала сообщить в полицию о твоём исчезновении, но потом поверила Конрою, что тебя уволили, поскольку здесь это часто случается.

– Вероятно, тебя тоже уволят из-за меня. Мэй пожалала плечами:

– Не беспокойся об этом, дорогая Ида. Я уже говорила, что являюсь лучшей швеей на Хестер-стрит и всегда найду себе работу.

– Должна признаться тебе, Мэй. Меня зовут не Ида Морган. Я Джемайна Бенедикт и работаю в журнале «Гоудиз ледиз бук». Цель моего пребывания здесь – получше узнать те ужасные условия, в которых вам всем приходится работать. Я хочу написать об этом несколько статей, поэтому решила испытать все лично на себе, чтобы быть убедительной. Когда статьи будут опубликованы, уверена, условия изменятся к лучшему во всех швейных мастерских.

Мэй смотрела на нее скептически:

– Не думаю, дорогая. Об этом писали и раньше.

– Наверняка предыдущие статьи не были такими остры-

ми, как те, что я собираюсь написать.

– Ладно, как бы там ни было, мы все высоко ценим твое стремление. – Мэй лукаво взглянула на нее. – Ты ни на минуту не обманула* меня. Я сразу поняла, что ты не настоящая швея. Таким шитьем ты никогда не заработала бы себе на жизнь.

Джемайна засмеялась, затем наклонилась и поцеловала женщину в щеку.

– Рада была познакомиться, Мэй. А сейчас мы должны идти, но я постараюсь еще раз увидеться с тобой.

Выйдя за дверь, Оуэн мрачно заметил:

– Джемайна, ты неисправимая оптимистка! Когда-нибудь ветряная мельница рухнет тебе на голову. В этот раз ты была очень близка к этому.

– Да, но она все-таки не рухнула. Оуэн, я собрала потрясающий материал об этом грязном бизнесе! – воскликнула она. – Ты будешь гордиться мной!

Джемайна быстро оглянулась и поняла, что их никто не видит. Она обняла Оуэна и горячо прижалась к нему.

– Я люблю тебя, дорогой, и рада видеть тебя! – Она прижалась губами к его губам. Он страстно ответил на ее поцелуй. Они стояли обнявшись несколько минут. Затем Оуэн слегка отстранился.

– Едва ли это подходящее время и место. В любую минуту мистер Гилрой может вырваться из этой комнаты. Помни, мы до конца не вырвали ядовитое жало змеи, лишь на вре-

мя притупили ее зубы. Он может застрелить нас обоих, если обнаружит здесь.

– Не посмеет после того, что случилось.

– Даже если узнает, что ты собираешься написать о нем? Лучше не спорь, дорогая. Он может рассвирепеть. Не стоит испытывать судьбу.

Обняв Джемайну, Оуэн подтолкнул ее к верхней ступеньке, и они оказались на улице.

– Может быть, нам сразу пойти на вокзал...

– Нет! Я должна забрать свои записи в меблированных комнатах и попрощаться с Мэриголд Тайлер. С ее помощью мне удалось повернуть все это.

Когда они шли по оживленной улице, Джемайна поинтересовалась:

– Как же все-таки ты нашел меня?

– Это было нетрудно. Вернувшись домой два дня назад, я решил навестить тебя. Твоя тетушка сообщила, что тебя направили в Нью-Йорк с заданием от «Ледиз бук». Мне показалось это подозрительным, и я нанес визит Саре. Она рассказала о последней встрече с тобой и о том, как ты старалась убедить ее разрешить напечатать статьи о работницах швейных мастерских. Я вспомнил наш разговор о Лестере Гилрое. Затем сел в поезд и прошлой ночью прибыл в Нью-Йорк, а рано утром был уже в мастерской Гилроя. Сначала пришлось поговорить с надсмотрщиком, потом Мэй Картер рассказала, как они обошлись с тобой вчера. Я услышал крик

и бросился к тебе на помощь. Остальное ты знаешь.

– Наверное, Сара очень зла на меня?

– Да, она недовольна тобой, можешь не сомневаться, – насмешливо ответил Оуэн. – Сара считает, что ты поступила безответственно и не заслуживаешь ее доверия.

Джемайна вздохнула.

– Конечно, она права. – Затем воскликнула: – Но я должна была сделать это, Оуэн! Мне жаль, что она считает мое поведение безответственным. Сара хорошо относится ко мне, и я не хотела причинять ей неприятности. Однако, как журналистка, я чувствую ответственность перед такими людьми, как Мэриголд Тайлер, и другими работницами и готова сделать для них все, что в моих силах.

Оуэн искоса посмотрел на Джемайну.

– Неужели ты думаешь, что Луис Гоуди согласится опубликовать твои статьи?

– Нет, – удрученно сказала она. – Сидя взаперти прошлой ночью, я много думала и поняла, что он никогда не пойдет на это.

– В таком случае получается, что все твои мучения были напрасными.

– Не совсем так. Я все-таки надеюсь опубликовать статьи где-нибудь в другом месте.

– Оптимистка! Где, скажи на милость?

– Я думала и об этом тоже, – медленно произнесла Джемайна. – Надеюсь, ты поможешь мне. Ты должен поговорить

с редактором «Леджер»...

Оуэн резко остановился и посмотрел на девушку.

– «Леджер»? Джемайна, ты действительно непредсказуема!

Они стояли на тротуаре, по которому туда-сюда сновали прохожие.

– Почему бы нет? Я неплохо пишу, Оуэн. Ты сам говорил. И Сара считает, что подобный материал годится для газеты. Ведь «Леджер» печатала о положении работниц несколько лет назад.

Оуэн долго молчал, продолжая смотреть на Джемайну.

– Подозреваю, ты не отстанешь от меня, пока я не соглашусь.

– Разумеется, я не намерена отказываться от своей цели. Если ты не поможешь мне, я обращусь в другие газеты, возможно, здесь, в Нью-Йорке. Не исключено, что к Хорасу Грили, о котором ты говорил мне. – Джемайна лукаво улыбнулась. – Представляю, как будет чувствовать себя твой редактор, когда мистер Грили опубликует мои статьи и они вызовут широкий отклик в обществе.

Оуэн запрокинул голову и громко расхохотался.

– Ты веришь, что они будут настолько злободневные.

– Конечно, – уверенно заявила Джемайна.

– Хорошо. – Он взмахнул руками. – Постараюсь ради тебя, Джемайна. Надо будет подкинуть Томасу такую идею. Мне известно, что он ненавидит Лестера Гилроя и ему по-

добных.

Они снова пошли, и Оуэн взял Джемайну за руку. Девушка ликовала. Возможно, еще не все потеряно! Неожиданно Оуэн сказал:

– Сара не стала рассказывать Луису Гоуди о твоём вероломстве. Она любит тебя, Джемайна, ей нравится, как ты пишешь, и, думаю, Сара хотела дать мне попять, что ты можешь продолжить свою работу в журнале, если захочешь.

– Очень мило с ее стороны. Сара – хороший человек.

– Ну и что ты решила? – Он посмотрел на нее. – Вернешься в «Ледиз бук»?

– Подумаю об этом. Если бы только они начали публиковать еще что-то, кроме приятных и легких вещей!

– Этого никогда не будет, Джемайна.

– Мне нравится работать в «Бук», и скорее всего я вернусь. И когда же газеты станут принимать на работу женщин-журналисток! – сокрушенно добавила она.

– Раньше я мог бы ответить – никогда, но теперь, узнав тебя, моя дорогая, не стал бы делать столь категоричных заявлений.

– Хорошо, если бы мы оба работали в одной газете, – размечталась девушка. – Мы могли бы делать одно дело.

Оуэн обнял ее за плечи и притянул к себе.

– Да, это было бы прекрасно, Джемайна. Кто знает, возможно, в будущем так и будет.

Они подошли к меблированным комнатам. Поднявшись

на третий этаж, Оуэн поморщился:

– Ужасное место! Как только ты могла жить здесь?

– Я решила, что должна жить в той же обстановке, что и работницы швейных мастерских. Иначе как бы я могла понять их истинное положение?

У двери в комнату Мэриголд Джемайна придержала Оуэна:

– Мэриголд сейчас нет дома, но я хочу познакомить тебя кое с кем.

Она постучалась. Через минуту внутри послышался топот бегущих ног, и дверь широко распахнулась. При виде Джемайны Роберт и Молли вскрикнули от восторга и бросились к ней. Джемайна присела на корточки и обняла детей.

Глядя через их головы на Оуэна, она сказала:

– Это дети Мэриголд. Не правда ли, они прелестны? – Взгляд ее сделался пытливым. – А как ты смотришь на то, чтобы завести детей, Оуэн?

Эпилог

Проработав пятьдесят лет редактором, Сара Джозефа Хейл уволилась в 1877 году и через два года умерла в возрасте девяноста лет. Луис Гоуди скончался через год.

Лестер Гилрой вынужден был свернуть свои дела, и причиной тому послужила серия острых публикаций в газете «Филадельфия леджер». Будучи осужденным за нарушение прав человека, он провел пять лет в тюрьме.

Мэриголд Тайлер с помощью Джемайны стала первой женщиной-мастером в швейной мастерской и впоследствии вышла замуж за торговца фруктами. Ее сын Роберт пошел по стопам отчима, а дочь Молли в конце концов стала известной писательницей, создав множество романов для женщин.

Уоррен Баррикон и его жена Элис переехали в небольшой городок на территории Нью-Мексико, где Уоррен с успехом создал свою газету, а его жена начала постепенно поправляться.

В газете «Филадельфия леджер» в 1851 году появилась заметка:

Пользуясь случаем, «Филадельфия леджер» рада поздравить мистера и миссис Оуэн Тэзди с рождением двойни, мальчика и девочки, вчера в семь часов вечера.

Постоянные читатели газеты знают Оуэна Тэзди по его популярным статьям и по книге «Золотые прииски Кали-

форнии». Читателям также известна и миссис Тэзди, печатающаяся под именем Джемейна Бенедикт, по ее остросоциальным материалам, раскрывающим несправедливость, царящую в швейной промышленности. Тэзди также известны своими воскресными зваными вечерами, где собираются литературные светила нашего города. Все сотрудники газеты «Филадельфия леджер» и многочисленные поклонники Тэзди желают счастья и успехов молодой семье.